

**Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени *С.А. Есенина***

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал выходит с 1993 года

С О Д Е Р Ж А Н И Е

**К 90-ЛЕТИЮ РЯЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени С.А. ЕСЕНИНА**

Лиферов А.П. Рязанский государственный университет: традиции,
современность, устремленность в будущее 3

ФИЛОСОФИЯ

Игнатъев В.А. «Метод Дюма» в художественном, мифологическом
и научном творчестве 10

Коновалова Е.Н. К вопросу о теоретических источниках идеи
субъективности в русской духовно-академической философии 18

ИСТОРИЯ. ПРАВО. ЭКОНОМИКА

Страхов В.В. Общественные проекты и финансы России в 1914—1917 годах 28

Белоусова К.А. Ирано-иракская война (1980—1988) и политика США в Ираке 47

Калинин А.Ю. Судебный прецедент как источник права
в дореволюционной России 59

Бородин А.И. Организация и функционирование системы управления
рациональным природопользованием и охраной окружающей среды 69

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Лаврентьев В.А. Структурно-семантические и валентностные особенности

безличных предложений	75
Коваленко Н.В. Маргарита Б. Пастернака и Гретхен И.В. Гёте (к проблеме интерпретации образа героини И.В. Гёте в поэзии Б. Пастернака)	79

ГЕОГРАФИЯ И ГЕОЛОГИЯ

Подоль С.Р. Формирование ландшафтов полесий Русской равнины	85
Давыдова И.Ю. Трансформация E_p -рН состояния чернозема в связи с техногенным глееобразованием	91

МАТЕМАТИКА И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Терехин М.Т. Об одной задаче теории множеств	101
Богомолова Е.В. Теоретико-методические основы формирования у будущих учителей умения проектировать профильные и элективные курсы по информатике	103

К 90-ЛЕТИЮ РЯЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА имени С.А. ЕСЕНИНА

А.П. Лиферов

РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННОСТЬ, УСТРЕМЛЕННОСТЬ В БУДУЩЕЕ

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина сегодня — это динамично развивающийся, имеющий современное учебное, научное и информационно-ресурсное оснащение крупный университетский комплекс. Его многотысячный коллектив направляет все свои усилия на приумножение лучших традиций отечественной высшей школы, активную интеграцию вуза в мировое образовательное пространство, наиболее полное и эффективное решение задач, которые ставят перед сферой высшего образования российское общество и государство в условиях быстро меняющихся реалий XXI столетия.

Университет — старейшее высшее учебное заведение на рязанской земле. Свою историю он ведет с сентября 1915 года, когда после многолетних ходатайств губернского правления, земства и городской Думы по распоряжению министра народного просвещения Российской империи графа П.Н. Игнатьева в Рязани был открыт первый в стране женский учительский институт.

По рекомендации попечителя Московского учебного округа институт возглавила Мария Александровна Александрова — выпускница знаменитых Бестужевских курсов, занимавшая перед этим должность директора Хабаровской гимназии. Видный общественный деятель и организатор образования, автор многочисленных работ по истории русской и мировой культуры, она внесла значительный личный вклад в становление института, формирование в нем лучших традиций, характерных для российской системы подготовки педагогических кадров. О ее многогранной деятельности повествует сегодня один из стендов музея истории Рязанского государственного университета.

Несмотря на тяготы и нужды военного времени, вновь образованному институту за счет средств государственного бюджета Российской империи было практически сразу приобретено отдельное здание в центре Рязани. Кроме того, по общему решению гласных Рязанской городской Думы был безвозмездно передан в собственность земельный участок в хорошо известной рязанцам Рюминой роще площадью в одну квадратную десятину для строительства в будущем крупного учебного корпуса. Очевидно, что появление в Рязани женского учительского института в суровые годы Первой мировой войны лишний раз доказывает неуклонное стремление власти и общества предреволюционной России к существенному повышению образовательного ценза населения страны, активному развитию системы подготовки педагогических кадров.

С первых лет своего существования институт отличался высокой квалификацией и профессионализмом преподавателей, многие из которых плодотворно трудились в Рязанском женском епархиальном училище — одном из лучших учебных заведений подобного типа в России. Достаточно сказать, что среди первых преподавателей учительского института было немало выпускников таких известных в России и Европе университетов, как Московский, Петербургский, Юрьевский (Тартутский), Венский, Геттингенский.

В числе тех, кто стоял у истоков сегодняшнего Рязанского государственного университета, особенно выделялась профессор Л.Н. Запольская, ученица известного немецкого математика профессора Гильберта, одна из первых в России женщин — доктор математических

наук, прозванная современниками рязанской Софьей Ковалевской.

В 1918 году учительский институт был преобразован в педагогический, который разместился в здании закрытого к тому времени Рязанского женского епархиального училища. В этом замечательном памятнике архитектуры, построенном в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века на пожертвования прихожан рязанских храмов по проекту губернского чертежника С.А. Стопычева, сегодня располагается главный корпус университета.

Первым ректором педагогического института стал Павел Иванович Процеров — известный в Рязани общественный деятель, многое сделавший для организации учебного процесса в вузе, сохранения его кадрового потенциала и материально-технической базы в тяжелые годы Гражданской войны. В 1922 году его сменил кандидат физико-математических наук Яков Васильевич Кеткович, стремившийся к активизации научной деятельности профессорско-преподавательского состава, усилению роли института в ликвидации неграмотности на рязанской земле.

Изменение приоритетов в социально-экономической и культурной политике государства в первые годы нэпа, а также хронический недостаток бюджетного финансирования привели к тому, что осенью 1923 года по решению местных властей институт был реорганизован в педагогический техникум, который в сентябре 1930 года по распоряжению Народного комиссариата РСФСР по просвещению вновь стал высшим учебным заведением. Его директором был назначен обществовед Иван Михайлович Бочкин, сумевший в короткие сроки организовать работу четырех отделений (физико-техническое, химико-биологическое, общественно-литературное и агрономическое), укрепить преподавательский состав, придать стабильность деятельности коллектива. Эта линия была успешно продолжена и следующим руководителем института — Алексеем Александровичем Чудотворцевым. В 1934—1938 годах вуз возглавлял Лев Васильевич Арбатский — талантливый руководитель, человек высокой образованности и большой личной культуры, пытавшийся отвести от преподавателей и студентов удар захлестнувшей страну волны массовых арестов. В 1938 году он был незаконно репрессирован.

Существенный вклад в 1938—1941 годах в развитие вуза внес его директор кандидат исторических наук доцент Владимир Иванович Попов. Именно в предвоенный период в институте окончательно складывается факультетская система организации образовательного процесса, значительно возрастает контингент студентов дневного и заочного отделений, открывается ряд новых кафедр, существенно повышается уровень научно-исследовательской работы, о чем, в частности, свидетельствовало издание в 1939 году первого тома «Ученых записок Рязанского государственного педагогического института».

В суровые годы Великой Отечественной войны РГПИ, находившийся в эвакуации, возглавляла кандидат педагогических наук доцент Любовь Соломоновна Фрид. Во многом благодаря ее личным усилиям и высоким организаторским способностям в невероятно тяжелых условиях институт продолжал вести подготовку учителей, а его коллектив — делать все возможное, чтобы помочь Красной Армии быстрее разгромить ненавистного врага.

Славная страница истории вуза связана с именем почетного гражданина города Рязани кандидата исторических наук доцента Петра Павловича Кирьянова, который являлся ректором с 1945 по 1970 год. Под руководством этого скромного, отзывчивого и вместе с тем чрезвычайно энергичного и целеустремленного человека вуз добился значительных успехов, многократно усилил свой образовательный, научный, кадровый и материально-технический потенциал.

В 1970—1986 годах РГПИ возглавлял кандидат педагогических наук профессор Владимир Иванович Клейменов. Благодаря его инициативе и настойчивости в вузе были созданы два новых факультета (начальных классов и физической культуры), открыт совет по защите диссертаций, получили развитие международные научные связи, возведены многоэтажные корпуса студенческих общежитий, улучшены жилищные условия десятков семей преподавателей и сотрудников. Впоследствии, за значительный личный вклад в развитие вуза Владимир Иванович был удостоен высокого звания почетного профессора нашего университета.

В октябре 1985 года институту было присвоено имя крупнейшего русского поэта XX столетия, уроженца Рязанского края Сергея Александровича Есенина.

В 1993 году вуз получил новый статус, став одним из первых в стране педагогическим университетом.

Большим и радостным событием в жизни нашего вуза, Рязани и Рязанской области является придание университету в канун его 90-летнего юбилея статуса классического.

Верный традициям, заложенным в начале прошлого века, университет сегодня — круп-

нейший образовательный и научный центр Рязанской области, который вносит весомый и постоянно возрастающий вклад в разработку и реализацию инновационных программ и проектов, развитие социально-экономического комплекса региона, ускорение интеграции реального сектора экономики, высшего профессионального образования и науки. Вуз играет ведущую роль в научно-методическом обеспечении модернизации образовательного пространства региона, комплектовании учреждений дошкольного, среднего, начального и среднего профессионального образования педагогическими кадрами (свыше 80 % из них являются выпускниками или студентами университета), разработке и внедрении современных образовательных технологий и педагогических инноваций, высокоэффективных частных методик для различных категорий обучающихся, информационно-ресурсном сопровождении и научном руководстве прикладными исследованиями, реализуемыми педагогическими работниками региона.

За время своего существования в стенах вуза подготовлено свыше 60 тысяч высококвалифицированных специалистов педагогического, гуманитарного, правового и экономического профиля. Тысячи выпускников университета успешно трудятся не только в Рязанской области, но и во многих других регионах нашей Родины.

Университет по праву гордится своими выпускниками. Среди них: А.В. Перышкин — один из основоположников методики преподавания физики, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР, лауреат Государственной премии СССР; Н.И. Боголюбов — лауреат шести Сталинских премий, народный артист РСФСР; А.Г. Кузьмин — известный специалист в области древнерусского летописания; Л.Л. Любимов — ученый-экономист, автор многочисленных монографий и учебников по экономической теории; Э.М. Шагин — видный ученый по аграрной истории России, заслуженный деятель науки Российской Федерации; Г.А. Богатова и В.Г. Руделев — крупные специалисты в области русской филологии; Е.В. Осипов — замечательный рязанский поэт, член Союза писателей СССР; Н.И. Булаев — председатель Комитета по образованию и науке Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации и многие другие.

В разные годы в вузе учились Борис Ротов (митрополит Никодим), один из выдающихся иерархов Русской православной церкви советского периода, член Священного Синода, Патриарший экзарх Западной Европы; Герои Советского Союза П.И. Дейнекин и И.М. Огнев; Герой России, заслуженный летчик-испытатель СССР, участник Великой Отечественной войны, генерал-полковник А.П. Андреев, который является желанным гостем сегодняшних студентов; Евгений Маркин — самобытный поэт, певец Рязанского края, член Союза писателей СССР.

Именно в стенах вуза началось профессиональное становление будущего академика Академии наук СССР, одного из лучших отечественных специалистов по истории русского Средневековья Л.В. Черепнина, столетний юбилей со дня рождения которого недавно широко отмечался в университете.

Среди выпускников Рязанского государственного университета десятки заслуженных мастеров спорта, мастеров спорта международного класса, неоднократные чемпионы мира, Европы и России. Студентка университета Ирина Симагина стала серебряным призером по легкой атлетике Олимпийских игр 2004 года в Афинах.

Начиная с 1991 года учителя Рязанской области, выпускники университета, успешно участвуют во Всероссийском конкурсе «Учитель года России», а в 1995 и 1996 годах двое из них — З.В. Клементовская и Е.А. Филиппова — стали победителями этого престижного конкурса и обладателями «Хрустального Пеликана». Примечательно, что Рязанский государственный университет — это единственный вуз страны, выпускники которого два года подряд завоевывали звание «Учитель года России».

Подготовка специалистов в университете сегодня осуществляется на 9 факультетах: истории и международных отношений; педагогики и психологии; естественно-географическом; иностранных языков; физико-математическом; русской филологии и национальной культуры; юриспруденции и политологии; социологии, экономики и управления; физической культуры и спорта. Кроме того, различные программы дополнительного образования реализуются в рамках специальных факультетов — довузовской подготовки и дополнительного образования.

Об образовательной деятельности вуза лучше всего свидетельствуют следующие данные: здесь реализуются 44 специальности высшего профессионального образования, относящиеся к 8 профилям профессиональных образовательных программ, обучается свыше 10 тысяч студентов, в том числе около 5,5 тысячи — по очной форме.

Только в последние годы, исходя из потребностей регионального рынка труда и прогнозов его развития, в университете были открыты и обеспечены всем необходимым в соответствии с лицензионными нормативами такие перспективные специальности, как «Управление персоналом», «Связи с общественностью», «Реклама», «Международные отношения», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Журналистика», «Экология», «Государственное и муниципальное управление», «Социокультурный сервис и туризм», «Теология», «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» и др.

Ежегодно на первый курс зачисляются свыше двух тысяч абитуриентов. Показателем высокого общественного рейтинга университета является, в частности, постоянно растущий конкурс среди поступающих в вуз. На дневном отделении он составляет в среднем почти три человека на место, а по отдельным специальностям достигает 8—10 человек.

Авторитет Рязанского государственного университета обусловлен прежде всего высоким качеством образования, которое обеспечивает вуз своим выпускникам. Отличительной чертой образовательной деятельности университета является фундаментальность подготовки, успешно сочетающаяся с практической направленностью процесса обучения. В вузе разработана и активно функционирует инновационная по своему характеру система управления качеством образования. Важным элементом данной системы является деятельность Центра мониторинга качества образования, имеющего в своем распоряжении современное компьютерное и программное оснащение, необходимое для проведения глубокой и всесторонней экспертной оценки качества преподавания и остаточных знаний студентов.

Вот лишь несколько фактов, которые, на наш взгляд, позволяют судить о качестве образования, которое дает университет свои выпускникам. В 2004 году на специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация» осуществлен первый выпуск переводчиков с японского языка, уровень подготовки которых, по оценкам посольства Японии в России, соответствует самым высоким международным стандартам. К сказанному добавим, что в настоящее время в рамках указанной специальности, помимо традиционных англо-романских языков, ведется также подготовка специалистов по китайскому языку, а со следующего учебного года студенты будут обучаться и арабскому языку.

Показательным является и то, что главной базой проведения учебных и производственных практик студентов, обучающихся по специальности «Международные отношения», являются различные подразделения Министерства иностранных дел Российской Федерации. Итоги этих практик, точнее отзывы принимающей стороны, свидетельствуют не только о высоком уровне подготовки студентов, особенно по иностранным языкам, но и о готовности Министерства иностранных дел РФ принять многих из них на работу после окончания вуза.

В настоящее время в университете имеются 52 кафедры, где успешно трудятся более 500 преподавателей, свыше 100 из которых являются докторами наук и профессорами, более 300 — кандидатами наук и доцентами. В университете работают 3 действительных члена Российской академии образования, более 30 академиков и членов-корреспондентов международных и различных общественных академий России. Свыше 20 человек имеют почетные звания Российской Федерации (заслуженный работник высшей школы, заслуженный деятель науки, заслуженный работник физической культуры, заслуженный учитель, заслуженный изобретатель).

Все кафедры университета оснащены современным учебным и научным оборудованием, разнообразными средствами телекоммуникации и оргтехники, учебно-методическими и учебно-информационными ресурсами. Уже на протяжении 8 лет университет обеспечивает свободное пользование Интернетом всех преподавателей, аспирантов и докторантов, а также занимающихся наукой студентов.

Важную роль в обеспечении высокого качества образовательного процесса и постоянно-го расширения научно-исследовательской деятельности университета играет его научная библиотека, имеющая более 800 тысяч томов и занимающая второе место в регионе по объему книжного фонда. Ежегодно она пополняется различными учебными, научными, методическими и периодическими изданиями на сумму в несколько миллионов рублей. Особую ценность представляют хранящиеся в библиотеке свыше 5 тысяч российских и зарубежных изданий XVIII — начала XX века. Среди раритетов фонда редких книг своеобразными «жемчужинами» являются

первое издание на русском языке речей великого древнеримского оратора Цицерона, указы императрицы Елизаветы Петровны, первое издание Полного собрания законов Российской империи, первое издание знаменитых «Очерков русской культуры» П.Н. Милюкова с автографом автора, полное собрание «Журнала Министерства народного просвещения» — ведущего педагогического издания царской России, а также другие книги и журналы по отечественной и всеобщей истории, педагогике, юриспруденции, филологии, литературоведению, физико-математическим и естественным наукам. Многие уникальные издания, хранящиеся в вузовской библиотеке, перенесены на цифровые носители и доступны через Интернет отдаленным пользователям.

Университет обладает крупным научным потенциалом в фундаментальных и прикладных отраслях. Его основа была заложена еще в 1930—1950-е годы. Важную роль в становлении и развитии научно-исследовательской работы в вузе сыграли в свое время профессора: В.И. Селиванов, основатель известной научной школы психологии воли; Н.М. Шанский, крупный ученый-филолог, академик РАО, почетный профессор нашего университета; М.А. Мельников, видный ученый в области методики начального образования, действительный член Академии педагогических наук СССР; В.И. Лыткин, крупный специалист в области финно-угорской филологии, академик Академии наук Финляндии; И.П. Макаров, основоположник вузовской школы в области математического анализа; В.И. Курышев, автор трудов по астрономии и астрофизике, создатель вузовской астрономической обсерватории; В.Е. Робинсон — основатель кафедры физиологии и анатомии, научной школы физиологов; В.П. Орехов — автор многочисленных работ по методике преподавания физики; Л.В. Шапошников, В.Ф. Овсянников, Н.И. Антипов — известные специалисты-биологи; Г.Н. Приступа и В.М. Никитин — известные ученые в области русского языка и методики его преподавания, основоположники активно развивающейся научной школы; В.Н. Розенталь, К.А. Малафеев, И.П. Попов, Н.Г. Соколов — видные специалисты-историки, а также многие другие ученые, память о которых всегда будет жить в университете.

Современное научное «лицо» Рязанского государственного университета во многом определяется наличием значительного числа видных в своих областях науки ученых и сложившихся научных школ, а также постоянным развитием, главным образом за счет внебюджетных поступлений, научно-исследовательской базы (приборы, оборудование, реактивы, расходные материалы и т.д.). По уровню развития своего научного потенциала Рязанский государственный университет входит в число ведущих региональных классических университетов центра России.

Научные исследования проводятся в вузе по широкому спектру наук в рамках 90 актуальных и перспективных научных тем. Здесь сложилось свыше 30 научных и научно-методических школ, ряд из которых хорошо известны не только в России, но и за рубежом. Среди них: «Педагогические аспекты международного сотрудничества в сфере образования», «Качественная теория дифференциальных уравнений», «Кинетические эффекты и механизмы релаксации электронов в наноструктурах», «Координация хиральных аминокислот», «Европа в системе международных отношений в Новое и Новейшее время», «Научно-методические основы совершенствования пунктуационных навыков», «Текстовая обусловленность синтаксических единиц» и др. Кафедры вуза поддерживают устойчивые научные связи и проводят совместные исследования с ведущими научными центрами и университетами Германии, Швейцарии, США, Великобритании, Канады, Франции, Беларуси, Украины, Литвы, Международным союзом охраны природы, Европейским сообществом эволюционной биологии, Европейской ассоциацией психотерапевтов, а также с различными научно-исследовательскими институтами Российской академии наук, Российской академией образования, многими ведущими отечественными вузами.

Рязанский государственный университет — один из немногих российских вузов, который имеет астрономическую обсерваторию. На протяжении почти полувека здесь активно проводятся разнообразные исследования. Ведущее направление научной деятельности обсерватории сегодня — изучение экологии околоземного космического пространства.

Ученые университета являются победителями многочисленных научных конкурсов, ежегодно получают гранты Федерального агентства по образованию, Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда и других учреждений и научных фондов. О масштабах научной деятельности РГУ ярко свидетельствует и тот факт, что за последние десять лет вуз и его ученые стали обладателями грантов различных международных фондов на общую сумму свыше 2 миллионов американских долларов.

Особо хотелось бы сказать об эффективно функционирующей в университете на

протяжении многих десятилетий системе подготовки научно-педагогических и научных кадров, которая начинается еще со студенческой скамьи, когда происходит выявление и привлечение к активной научной деятельности талантливой молодежи. В вузе работает студенческое научное общество, различные научные кружки и исследовательские группы. Многие студенты университета являются победителями международных, всероссийских и региональных конкурсов и олимпиад. Практически ежегодно среди выпускников есть имеющие в своем «арсенале» по 10—15 научных публикаций. В частности, студент естественно-географического факультета 2005 года Э. Бенецкий к моменту окончания учебы был автором (соавтором) 9 научных публикаций в зарубежных реферируемых изданиях.

Студенты, проявившие интерес к научной деятельности и добившиеся весомых результатов, рекомендуются Ученым советом для поступления в аспирантуру при университете, которая осуществляет подготовку кадров высшей квалификации по 30 специальностям, а также при ведущих столичных вузах и научно-исследовательских институтах. В РГУ функционирует и докторантура по пяти направлениям. В пяти специализированных советах вуза ежегодно защищается около 30 докторских и кандидатских диссертаций.

По инициативе ректората, научной части и кафедр ежегодно в университете проводятся 4—5 международных и свыше 40 республиканских, межрегиональных и межвузовских конференций.

Результаты научных исследований ученых университета представлены в многочисленных тематических научных сборниках, а также в шести вузовских периодических научных и научно-методических журналах. Среди них — «Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина», «Рязанский историк», «Иностранные языки в высшей школе», «Психолого-педагогический поиск». Большую известность в России и за рубежом приобрел единственный в стране по своей проблематике журнал «Современное есениноведение». Достижения молодых ученых публикуются в научном журнале «Аспирантский вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина».

Огромную роль в сохранении традиций университета, памяти о его людях и достижениях, а также в повышении эффективности воспитательного воздействия вузовской среды на нынешнее поколение студентов играют три наших музея — истории РГУ, краеведения, творчества С.А. Есенина. Здесь постоянно проходят тематические и комплексные выставки. Среди частых посетителей университетских музеев не только студенты и преподаватели, но и учащиеся различных образовательных учреждений Рязани и Рязанской области, выпускники и гости вуза. Сегодня в университете активно идет работа по созданию музея крупного отечественного славы, действительного члена Императорской академии наук, уроженца Рязанского края И.И. Срезневского.

Рязанский государственный университет, его успехи, достижения ученых, студентов, спортсменов, творческих коллективов постоянно находятся в центре внимания региональных и федеральных средств массовой информации.

Нас радует, что сотни наших студентов являются активными сторонниками волонтерского движения. Участие в этом движении дает возможность будущим выпускникам приобрести хорошую практику служения обществу, оказания посильной помощи тем, кто нуждается в поддержке окружающих.

На протяжении многих лет большой популярностью у молодых рязанцев пользуются детские праздники, организуемые университетом, выступления вузовской и факультетских команд КВН. Широкую известность приобрел в последние годы и студенческий народный театр, являющийся победителем ряда престижных российских и международных конкурсов.

При университете действует возведенная на пожертвования членов коллектива РГУ и рязанских благотворителей Церковь Покрова Пресвятой Богородицы и Мученицы Татианы. В июне 2002 года ее посетил Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. Сегодня храм стал подлинным центром духовно-нравственного воспитания рязанского студенчества.

Большое внимание в университете уделяется повышению социальной защищенности работников, студентов и аспирантов. В 2004 году вуз приступил к реализации долгосрочной программы улучшения жилищных условий профессорско-преподавательского состава.

На живописном берегу Селезневского озера в мешерском лесу, окруженный сказочными по своей красоте елями и могучими соснами, расположен студенческий оздоровительно-спортивный лагерь «Полянка». Здесь студенты имеют хорошие возможности повысить свое спор-

тивное мастерство, укрепить здоровье, активно и весело отдохнуть.

Устремленность в будущее — это, без преувеличения, суть сегодняшнего дня университета, то, чем живет его большой и дружный коллектив.

ФИЛОСОФИЯ

В.А. Игнатьев

«МЕТОД ДЮМА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ, МИФОЛОГИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ¹

Известное изречение гласит: «Все мы родом из детства». Раз это так, то каждый знает благородных и отважных героев А. Дюма из «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо». В том возрасте, когда впервые читаются эти книги, сомнений в подлинности событий и приключений героев обычно не возникает. Долгие годы мужественные, целеустремленные Д'Артаньян, Атос, Портос, Арамис, Дантес, ставший графом Монте-Кристо, привлекают уже взрослых людей своей готовностью к подвигу, и непременно — во имя благородной цели.

Далеко не каждый читатель Дюма задумывается о подлинности описываемых событий, реальности героев или их прототипов. Они входят в нашу жизнь и помогают жить, возвышая над унылой прозой повседневности, позволяя сохраняться и проявляться лучшим человеческим качествам. Возможно, это и определяет не критичность в оценке подлинности описываемых событий. Стоит ли удивляться, что для меня, уже в зрелом возрасте прочитавшем роман «Две Дианы», стало открытием сообщение специалиста-литературоведа о том, что были прототипы героев. Но некоторые из реальных персонажей-прототипов обладали чертами характера, противоположными тем, которые были у героев «Двух Диан» ². Дальше — больше. При некотором внимании к сюжетным линиям в романах А. Дюма обнаруживается, что тюрьма, из которой бежал будущий граф Монте-Кристо, в действительности не существовала. Экскурсантам, тем не менее, показывают некий остров Иф, в казематах крепости которого будто бы были заключены Дантес и Фарна.

Не один А. Дюма использовал *вымысел* как совокупность приемов — «метод», позволяющий на основе отдельных реальных событий (были король и кардинал такие-то, были гвардейцы кардинала и мушкетеры короля и т.д.) выстраивать сюжетные линии романов, раскрывать характеры героев, побуждая следовать возвышенным, благородным идеалам. Однако читатель воспринимает вымысел А. Дюма, открывающийся не сразу, а с возрастом, с некоторым разочарованием, досадой, и более остро, чем аналогичные вымыслы у многих других авторов. При этом читатель знает, что у героев были реальные прототипы и многое автором придумано. Подобный вымысел и приемы развертывания его в целостную художественную или научно-концептуальную композицию в данной работе мы обозначаем как «метод Дюма». Его суть: на основании того, что где-то что-то и когда-то было, или зафиксировано как предположение, как рабочая гипотеза или идея, выстраиваются определенные композиции (соотношения и связи компонентов) в художественном или научном творчестве.

Вымысел как важнейшая составляющая «метода Дюма» отличается от научно выверенных в практике, опыте положений своей необязательностью, иллюзорностью. Вымысел более подвижен, изменчив, чем положения науки, особенно фундаментальной. Но в том и притягательность вымысла, что даже для науки он может в определенных ситуациях сослужить добрую службу. Вымысел имеет свою логику, подчиненную главной, ведущей идее научных размышле-

ний или замыслу воплощения художественных прозрений, озарений, видения мира или фрагментов действительности. Так, переоценка ценностей социализма и «смена минаретов веры» сопровождаются широкой палитрой творчества по «методу Дюма» в самых разных сферах. Последний император России Николай II, ранее официально называвшийся кровавым, предстает (особенно у монархистов) ангелоподобным царем-батюшкой. Русская православная церковь канонизировала его как святого. Воплощаясь в художественных произведениях, в научных фантазиях, идеях и теоретических разработках (ракетах Циолковского, например), вымысел может иметь как позитивное, так и негативное значение. Ниже мы рассмотрим значение и некоторые особенности «метода Дюма» в литературно-художественном, религиозно-мифологическом и научном творчестве.

«Метод Дюма» в литературно-художественном творчестве. Позитивное значение вымысла, входящего в «метод Дюма», удачно выразил поэтической строкой А.С. Пушкин в «Элегии» (1830 г. «Безумных лет угасшее веселье...»):

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...

Воплощение типичных (или просто значимых) образов в конкретных формах поступков, смысловых связях идеи художественного произведения делает вымысел неизбежным средством достижения поставленной автором (художником, скульптором, романистом, поэтом и т.д.) цели. К сожалению, увлекаясь общей идеей как основой конструирования связи образов (компонентов) произведения, авторы порою перестают критически оценивать используемые выразительные средства. Они создают образы, далекие от прототипов или же прямо противоположные им (как в приведенном примере «Две Дианы» А. Дюма). Отрадно то, что у знаменитого романиста подобноевольное обращение с характерами и судьбами прототипов «срабатывает» в плане возвышения, облагораживания главных героев. Однако исследователи и критики, используя «метод Дюма» в анализе работ известных авторов, могут существенно исказить оценку их деятельности и негативно влиять на восприятие идей художественного произведения. За примером далеко ходить не нужно. В последние годы происходит переоценка направленности творчества одного из замечательных поэтов России — С.А. Есенина.

С.А. Есенин воспринял, хотя не сразу и по-своему, «с крестьянским уклоном», революцию 1917 года как начало новой и лучшей жизни. Он хотел быть «яростным попутчиком» в новом государстве, «в Советской стороне» («Письмо к женщине»), хотел вступить и подавал заявление о приеме в партию большевиков, создал свою, есенинскую, «лениниану». Но он не избежал разочарования, видя, что жизнь крестьян не улучшается, а ожидания лучшей жизни оказались призрачными. Что-то из его невеселых дум отразилось в «Стране негодяев», что-то переплывало в пьяные, скандальные оскорбления должностных лиц, которые, разумеется, не желали переносить, быть может и не заслуженные в свой адрес грубые слова. Возникали протоколы, дела — и слава «скандального» российского пиита.

Тревожные чувства, вызываемые социальными изменениями и потрясениями, совпали с личной драмой поэта — потерей смысло-жизненных ориентиров. Многие почитатели поэзии Есенина по сложившейся традиции видеть кумира безгрешным как будто не замечают или не придают значения его почти регулярным запоям в последние годы. Отрицать, или не видеть, или не замечать разрушающего действия алкоголя на поэта (сам-то он это признавал) склонны обычно гуманитарии. Как правило, они не знают, что молодой цветущий организм совершенно здорового человека может при злоупотреблениях алкоголем всего за год-полтора дойти до состояния «белой горячки», когда черти кругом «телепаются», когда куда-то надо бежать, что-то с собой делать. Есенин начал давно использовать алкогольное опьянение как замещающую форму разрешения жизненных неурядиц. Потом — «осыпал мозги алкоголь» и жизнь постепенно потеряла смысл.

Многие исследователи и знакомые поэта в своих воспоминаниях о нем не избежали приукрашиваний и, поддавшись обаянию сочинений Есенина, способствовали формированию и распространению легенд о его жизни. Писавшая о том, что по отношению к Есенину «легенда и влюбленность застыт глаза... но надо видеть сквозь легенду», А.М. Марченко не смогла реализовать ею же выдвинутую задачу. Она даже не удержалась от экстравагантного суждения о С.

Есенине: «...Он жил как великий скупой, не позволяя себе бесцельных удовольствий. Даже любовь была лишь каторгой (?! — В.И.), на которой его удел — «вертеть жернова поэм»³. Личию на сознательное изложение биографии и творческих поисков Есенина в ореоле легенд о нем провели авторы большой по объему книги «Сергей Есенин» — С.Ю. Куняев и С.С. Куняев⁴. Показательно и название книги А.Д. Андреева — «Есенин. Легенда»⁵. Так, при участии почитателей поэта формируется подхваченная сторонниками версии убийства Есенина легенда, включающая важнейшие в его жизни изменения личности, определявшие возможность трагического финала — самоубийства.

Научную биографию С. Есенина за истекшие полвека есениноведы создать не смогли. А может быть, никто и не хотел специально этим заниматься после детального знакомства с обстоятельствами его жизни и творчества? Возможно, легендарная жизнь кумира больше устраивает людей, чем тревожная обеспокоенность грустными фактами реальной жизни. Легенды ведь нужны кому-то, раз они возникают и существуют. Разноголосицу мнений, не согласованных пока ответов на многочисленные «Что? Где? Когда? С кем? Зачем и почему?» можно преодолеть. Можно свести вместе даты, факты, устранить заметные противоречия, отделить достоверное от вымышленного, хотя бы с оговорками относительно возможности других интерпретаций. Основная трудность составления научной биографии поэта не в противоречивых фактах и интерпретациях. Беда в ином — в наших привычных установках сознания (или, как стали говорить, в ментальности) видеть кумира на пьедестале и в позолоте, свободным от грешных земных слабостей и минусов, удачливым и бодрым оптимистом. И исчезают неприятные эпизоды жизни, отрицательные стороны характера и поступков героя.

В легендах, включаемых в биографии поэта, он из противника «царщины», из «яростного попутчика» новой жизни и создателя ленинианы волшебным образом превращается в борца за иную, настоящую Русь, в подвижника преследуемого «вождями» большевиков и спецслужбами, которые довели его до болезни, до «психушки», а потом и убили. При одностороннем внимании к периоду раннего творчества поэта возникает впечатление, что едва ли не основными для Есенина были религиозно-философские искания. Академически солидное исследование О.Е. Вороновой «Духовный путь Есенина (религиозно-философские и эстетические искания)»⁶ уже одним названием, особенно подзаголовка, ориентирует на принятие духовно-религиозных поисков как основы творчества поэта на протяжении всей его жизни. О.Е. Воронова справедливо отметила, что «заключительный этап духовной и творческой эволюции Есенина необычайно сложен и противоречив»⁷ (С. 32). Произведения последних лет жизни уже зрелого мастера свидетельствуют о преодолении религиозных прежних настроений и его обращении к ценностям земного бытия. Желание О.Е. Вороновой в новых ориентациях поэта видеть продолжение «религиозных исканий» вызвало идею его движения к «новому религиозному сознанию», о котором писал Н. Бердяев. Заметим, что религиозные поиски В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, писавших и о русской идее (у них — религиозной по содержанию), вышли за пределы канонического христианства и православия, представая перед истинно верующими в качестве еретических.

Приписывание Есенину черт и побуждений в свете принимаемых легенд соответствует «методу Дюма», когда знаменитый романист на основании того, что где-то, что-то и когда-то было, описывал своих героев и ситуации похожими на прототипов или реальные события с точностью «до наоборот» (как в «Двух Дианах») или же придумывал их сам. На наших глазах создается новый миф о Есенине — носителе «русской идеи», ее выразителе, преследовавшемся и потерпевшем за это. На примере биографии-легенды Есенина видно, как быстро и легко меняются оценки и взгляды, переосмысливаются факты и прежние суждения. Не только, видимо, к историкам и к истории можно отнести ставшие широко известными слова о нашем непредсказуемом прошлом, но и к создателям нового мифа о Есенине и к возникшей новой его биографии-легенде.

Творчеству С. Есенина, его поэзии не нужна позолота. Тиражи издаваемых есенинских произведений говорят сами за себя. И то, что не все равноценно в его наследии, — явление совершенно нормальное. У любого писателя, поэта есть более или менее удачные, «сильные» и «слабые» произведения. Часть стихотворных сочинений С. Есенин писал в погоне за заработком, учитывая преобладающие в обществе официальные ориентации. Поэтому читатели, имеющие разные взгляды, могут оценивать как лучшие его ранние, насыщенные религиозными образами сочинения или же более поздние, с высказанной надеждой на лучшую жизнь при социализме. Многие из них, видимо, будут со временем забываться и отсеиваться при последую-

щих изданиях сочинений поэта. Долгая жизнь суждена стихотворениям и поэмам С. Есенина, посвященным «вечным» проблемам — любви, счастью, необходимости завершения земной жизни.

«Метод Дюма» в мифологических построениях. Своеобразным результатом (продуктом) коллективного творчества на основе «метода Дюма» являются мифы и религиозные представления — от первобытных форм до монотеистических мировых религий, «символов веры», идеи которых обосновываются и разрабатываются в трактатах профессионалов-теологов. Возникновение мифа вызывалось потребностью формирующегося сообщества людей к целостному видению мира, определению в нем своего места, связей с природными условиями и окружающими людьми. Первые люди объясняли явления действительности и свои отношения с миром, прилагая к ним мерки представлений о самих себе. Антропоморфизм включал вымысел как необходимый компонент представлений древних людей о мире и себе, позже названных мифами (сказаниями, преданиями). На пути «от мифа к логосу» (так называется солидный труд Ф.Х. Кессиди ⁸) вымысел обручился с логикой «рацио». Вымысел и логика при этом подчинялись объективно значимой, хотя вряд ли многими осознаваемой, цели — выработать устойчивую сеточку, или «матрицу» объяснений, предписаний и действий, связывающих недолговечные поколения людей в освоении ими действительности.

Многочисленные мифы Древнего мира впечатляют включенными в них вымыслами-фантазиями, неразрывно связанными с отображениями фрагментов реальной действительности. Фантастические картины появления мира, богов и людей, их взаимоотношений задавали, как мы сказали бы сейчас, алгоритм жизни, соединяя вымысел с осваиваемыми приемами земледелия, ремесла, выделяя и фиксируя нормы этических и эстетических отношений. Все это без труда прослеживается в известных повествованиях Древней Греции о борьбе богов и титанов, о подвигах Геракла, Язона (Ясона), как и в бессмертных творениях Гомера.

Черты мифотворчества проявились и в формировании религиозных представлений. В них на смену слитности, нерасчлененности фантастического и реального в видении мира и человека приходит разграничение двух миров. Один мир — «посюсторонний», земной, низший. Другой мир — «потусторонний», небесный, высший. Высшему, потустороннему миру присуще сверхъестественное креативное начало, определяющее возможность чуда, которое может видоизменить или отменить естественные причинные связи низшего посюстороннего мира. Вера в сверхъестественное — определяющая черта всех религий, от первобытных верований до мировых религий. Вера как установка психики человека на некритическое принятие определенных представлений в качестве правильных, истинных (достоверных), не нуждающихся в проверке, во многом определяет широкое использование вымысла для презентации желаемых — часто положительных — норм и идеалов в качестве божественных, сверхъестественных предписаний. Они, как предполагается, подлежат неукоснительному исполнению, исключая к ним критическое отношение.

Однако именно критический настрой позволяет увидеть в религиозных построениях, наряду с позитивной нацеленностью назиданий и предписаний, заключенный в них нередко негативный смысл, как правило закрытый для верующего положительной устремленностью идеала. Подтверждением могут служить многочисленные противоречия Библии. Возьмем для примера широко известный эпизод казни Христа на Голгофе вместе с двумя разбойниками. Один из них, по сообщению евангелиста Луки (Лк. 23, 35—41) ⁹, как и многие из толпы, злословил Иисуса, говоря, что тот других брался спасать, а себя спасти не может. Другой разбойник оставался сотоварищем по несчастью, признавая, что их справедливо казнят за проступки, а Христа — безвинно. «И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!» Тотчас последовало обещание Бога-сына, что казненный разбойник будет в раю. «И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23. 42—43). Понятно, какое впечатление должен был производить этот эпизод на верующих и желающих приобщиться к религии любви и спасения грешников. Бог милостив, он все простит. Но как же тогда быть с известной формулой Ф.М. Достоевского, утверждающей, что будто бы для неверующих без Бога все возможно? То есть безнравственные поступки, зло в мире — от неверия в Бога.

Мысль, идущая дальше позитивной устремленности «метода Дюма», обнаруживает другой, скрытый смысл, отрицающий первоначальный замысел сюжета. Из приведенного эпизода казни Христа и разбойников вытекает и иное суждение, нежели утверждение о бесконечной ми-

лости Бога. Оно противоположно утверждению Достоевского и солидарных с ним верующих. Альтернативный вывод философа (пусть это будет автор статьи) может звучать так: «Если без Бога возможно все (дурное и безнравственное), то с Богом тем более все возможно (дурное и безнравственное, в том числе)». Достаточно покаяться, уверовать, и, будь ты преступник, заслуживающий смертной казни, тебя могут принять в райские кущи. Аналогичный вывод сделал З. Фрейд¹⁰. Он высказал обоснованное сомнение в том, что люди были счастливы во времена неограниченного господства религии. Во всяком случае, нравственнее они не были, поскольку снятие грехов через покаяние не способствовало возвышению нравственности. У З. Фрейда получалось, что «во все времена безнравственность находила в религии не меньшую поддержку, чем нравственность». З. Фрейд метко заметил, что русская душа отважилась признать грех ступенью к обретению райского блаженства. Народная мудрость воплотила оценку божественной милости в поговорку: «Не согрешив, не покаешься, не покавшись — не спасешься». Грех оказался богоугодным делом, как ни парадоксально это звучит.

Вымысел, иллюзорность религиозных повествований могут служить темой отдельной обстоятельной работы. Желание человека избежать страданий и смерти как печального финала жизни во многом определяет существование религиозной веры. Она поражает отсутствием критичности оценок и неправдоподобностью устремлений к воскресению для вечной жизни. Единственный случай воскресения Христа, если и принять его, обладает нулевой научной достоверностью. Но кого из верующих это смущает? В религиозных текстах есть положения, призванные устранить сомнения (эпизод с Фомой, не поверившим в воскресение распятого Христа), но вызывающие (или способные вызвать) прямо противоположный эффект. Евангелист Матфей постарался нейтрализовать мысль о воскресении Христа как о возможном обмане со стороны учеников, которые могли украсть тело и сказать народу: воскрес из мертвых (Мф. 27. 62—66; 28. 11—15).

У современников евангельских событий были основания сомневаться в достоверности воскресения Христа. А ведь все здание христианства основано, как на краеугольном камне, на постулате воскрешения. Не случайно пасха характеризуется в христианстве как «праздников праздник и торжество из торжеств». При сомнении в воскресении Христа тщетны все усилия верующих, тщетна и вера христианская. «...Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша», — утверждает известное новозаветное изречение апостола Павла (1 Кор. 15. 14 и т.д.). Наука не разделяет утверждений вероучений, полученных по «методу Дюма». У науки и религии противоположное понимание истины. Но и в научном познании, как и в художественном, и в религиозно-мифологическом осмыслении мира, имеет место вымысел, входящий в «метод Дюма».

Положительное и отрицательное значение «метода Дюма» в научном познании.

Традиционное отношение к научному познанию предполагает, что его результаты не будут (или не должны) зависеть от субъективных факторов, тем более от вымысла. Однако прослеживание особенностей ряда научных открытий и факторов их детерминации обнаруживает и в сфере научного познания значимость субъективных оценок, предпочтений и даже определенных форм вымысла. В научных вымыслах — свои особенности. Вымыслы в науке, выступающие в качестве догадок, предположений, идей, гипотез, могут, как и в других сферах познания, иметь позитивное и негативное значение. Остановимся подробнее на субъективных моментах научного творчества и приведем примеры положительного и отрицательного проявлений «метода Дюма» в научном познании.

В работах 1980—1990-х годов (в том числе и автора статьи) показано, что в процессах познавательной деятельности на установки и взгляды ученых, на интерпретацию ими научных данных оказывают влияние мировоззренческие принципы, особенности уклада жизни, сформировавшиеся и формирующиеся стереотипы восприятия событий и отношение к ним.

Влияние некоторых вненаучных факторов на развитие биологии, перестройку объяснений фактов и выработку новых учений отметил известный публицист и литературный критик Н.Н. Страхов, в начальный период своей деятельности изучавший и преподававший естественные науки. Он сделал попытку объяснить «непостижимый» факт быстрого успеха учения Ч. Дарвина. Быстроту признания и распространения дарвинизма Н.Н. Страхов объяснил не критичностью восприятия прежних креационистских взглядов и действий внешних влияний из вненаучной области на мировосприятие ученых: «Старые натуралисты виноваты потому, что

они исповедовали догмат постоянства видов не вследствие ясно осознанных начал, а только вследствие великого авторитета Кювье»¹¹.

Небезынтересные суждения высказал Н.Н. Страхов о причинах (или некоторых факторах) развития наук. «Движение наук и перевороты, которые в них происходят, зависят не от внутреннего их развития, а определяются влияниями из какой-то другой области. Учения господствуют и исчезают, управляемые силою, более могущественной, чем наука... Не наука сделала этот шаг, а помимо естествознания изменились нравственные и философские понятия людей — вот причина успеха Дарвина»¹². В этом высказывании выделяется значение внешних для науки факторов детерминации. Однако причины успеха дарвинизма не сводятся только к изменению нравственных и философских понятий, как казалось Страхову. Идеи борьбы и естественного отбора при определенной метафоричности, образности данных терминов отражали и существенные характеристики процессов органической жизни. Это во многом определяло быстроту распространения дарвинизма, «успех Дарвина».

Приращение нового знания может сдерживаться ограничивающим влиянием очевидности внешних признаков, связей или принятых толкований. Очевидное (явление или распространенное объяснение) мешает увидеть новое в привычном соотношении предметов, закрывает дорогу обнаружению сущности лежащими на поверхности явлениями, принимаемыми за выражение сущности. Н.Н. Страхов высказал интересное суждение о роли субъективных оценок и предпочтений в выборе учений, в восприятии и интерпретации явлений. «Мы верим в то, чего хотим, что любим, что удовлетворяет нашим нравственным потребностям. Из фактов замечаем те, что питают Любимую мысль...»¹³. Так, в числе причин отстаивания в течение длительного времени (с глубокой древности до второй половины XX века) идеи наследования благоприобретенных свойств Т.Г. Морган и Ю.А. Филипченко¹⁴ назвали «гипноз очевидности». Он действовал и тогда, когда с позиций генетики и других дисциплин было экспериментально обнаружено различие модификаций (ненаследуемых прижизненно приобретаемых изменений) и изменений, передаваемых механизмами генетической наследственности. Раньше наследственная изменчивость и модификации не дифференцировались и объединялись в одну группу. Наследственная изменчивость маскировала модификации, воспроизводимые в ряде поколений при сохранении вызывающих их условий.

Выделенные еще Ф. Бэконом в «Новом органоне» призраки (идолы) воспроизводятся и появляются в бесконечно разнообразных познавательных ситуациях, требуя усилий исследователей по их осознанию и преодолению. Ч. Дарвин в «Автобиографии» привел пример, когда специалисты-геологи на экскурсии по сбору образцов горных пород не заметили явных следов ледниковых явлений — своеобразных следов на поверхности скал, положения валунов, морен. «Во время экскурсии, — писал Ч. Дарвин, — я имел случай убедиться, как легко проглядеть явление, как бы оно ни бросалось в глаза, если кто-нибудь другой ранее не обратил на него внимания»¹⁵.

К ошибочным заключениям могут вести и «добросовестные», то есть объективно неосознаваемые заблуждения-вымыслы отдельных ученых. Поучительны в этом плане исследования М.И. Волского¹⁶, послужившие созданию новой концепции, в которую была включена идея усвоения азота животными и человеком из вдыхаемого воздуха. К числу «добросовестных» можно отнести и оказавшиеся ошибочными выводы О.Б. Лепешинской¹⁷ о происхождении клеток из живого вещества.

Отрицательное влияние бэконовских «призраков» может усугубляться неполнотою и неточностью полученных ранее данных о явлениях какой-либо области органической жизни. Например, один из основоположников этологии, Н. Тинберген, писал о тернистом пути изучения роли зрения в поведенческих реакциях, связанном не только с предубеждениями, но скудостью и неточностью сведений о различных типах глаз в царстве животных: «Представления об устройстве даже собственного глаза открывались человеку поразительно медленно и веками основывались на высказанном еще древними греками предположении, что воспринимается изображение хрусталиком, а сетчатка (истинный светоприемник) питает хрусталик, подводя к нему от мозга по зрительному нерву таинственную силу, именуемую «зрительной субстанцией»¹⁸.

Яркими свидетельствами результативности «метода Дюма» в научном творчестве могут служить примеры влияния произведений Ф.М. Достоевского на А. Эйнштейна и идей «космизма» Н.Ф. Федорова на К.Э. Циолковского. В работах, посвященных природе научных открытий и мировоззрению великого физика, приводятся ссылки на высказывания самого А. Эйнштейна о

влиянии на его творчество образов и поступков героев Ф.М. Достоевского. По свидетельству А. Мошковского, А. Эйнштейн говорил: «Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!»¹⁹. Можно представить, что не традиционность и своего рода алогичность многих действий героев Достоевского раскрепощала мысль, вынужденную в традиционных научных поисках следовать «железной» логике выводного (аподиктического) знания, строгой дисциплине дискурса. Эйнштейн ценил художественные произведения и за вызываемое ими чувство прекрасного, которое давало мощный стимул для творчества.

Имя К.Э. Циолковского обессмертили проекты летательных аппаратов для освоения космоса. Допустимо предположить, что К.Э. Циолковский стал разрабатывать идеи космических полетов и создания ракет, задумываясь над возможностью реализации фантастических с научной точки зрения представлений «космизма» Н.Ф. Федорова. Корректируя фантастические проекты Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковский в свою «философию космизма», довольно пеструю и эклектичную, ввел научные идеи. Точное (математическое и физическое) знание в целостной картине представлений Циолковского должно было соотноситься с мировоззренческими и этическими постулатами, заимствованными у Платона, атомистов, из учений христианства, теософии, оккультизма, вульгарного материализма. Представления о духовных атомах, воле Вселенной и неизвестных разумных силах, имея определенное рациональное содержание и изрядную долю фантазии, стимулировали поиск реальных, осуществимых в земных условиях, конструкций аппаратов для выхода человека в Космос и освоения Космоса. Приведенные примеры стимулирования нетрадиционного мышления и выдвижения «сумасшедших идей» признанными гениями А. Эйнштейном и К.Э. Циолковским говорят о позитивном значении произведений искусства и фантазии-вымысла в научном творчестве.

Вымыслы как предположения, как рабочие гипотезы — постоянные спутники научного творчества. Отчетливо это проявляется в постоянном стремлении ученых объяснить феномен наследственности. На пути к современным представлениям была гипотеза пангенезиса Ч. Дарвина и достаточно сложная конструкция представлений о наследственных образованиях (идиоплазме, пангенах, идах и идантах) в учении А. Вейсмана о зародышевой плазме и зачатковом отборе. Желание объяснить особенности органической жизни на протяжении веков, с IV века до н.э. (Аристотель) и по XX век (Г. Дриш, И. Рейнке, А.Г. Гурвич, А.А. Любищев)²⁰, привело к выдвиганию витализма с его центральной идеей о наличии у живых существ особого жизненного фактора. Эту идею-вымысел, выдвигаемую умозрительно, неоднократно особенно в XIX—XX веках пытались обосновать экспериментальными данными (Г. Дриш, А.Г. Гурвич) и представить в обновленном виде как заслуживающий доверия научный постулат.

Ненаучность раннего, «школьного» (по Г. Дришу) витализма была настолько очевидна, что от него отмежевались неовиталисты И. Рейнке и Г. Дриш. Тем не менее, сохранение термина подчеркивало преемственность старого и нового витализма, признающего (как позитивный момент) невозможность сведения органического к физико-химическому. Виталисты обратили внимание на важные стороны жизни — ее целостность и активность, упускавшиеся или недостаточно полно разрабатывавшиеся с механистически-материалистических позиций. Но ненаучность виталистического постулата о внепространственном специфическом жизненном факторе хотя и стимулировала поиски его проявления, но предопределяла обреченность витализма на вырождение. Витализм должен был уступить место научному поиску специфичности органической жизни, научному решению проблем целостности и активности живого.

При внимании к особенностям творчества выясняется, что догадки, допущения, предположения активно используются в научном познании, взаимодействуя с философскими идеями, где для «метода Дюма» открыты еще более широкие просторы. Открываемые с помощью «метода Дюма» новые горизонты могут вести не только к истине, но и к заблуждениям, порою предстающим в облике новаторских прозрений, поражающих воображение. Одним из примеров может служить построенная по «методу Дюма» концепция ведущей роли математики как «стержня», или центра, или ядра гуманитаризации школьного образования²¹. С другой стороны, «метод Дюма» стимулирует продвижение к новым достоверным научным знаниям. Так, идеи «творческой эволюции» А. Бергсона, глобального эволюционизма Тейяра де Шардена, синергетики, возникшей в недрах естествознания, оказываются плодотворными для самых различных сфер научного творчества. Они стимулируют нетрадиционные для дискурса движения мысли и интуитивные озарения, позволяющие открывать новые горизонты научных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материал статьи был использован для публикации в разделе «Методологические проблемы науки и искусства» коллективной монографии «Методологические проблемы творчества» (М.: РФО, 2003), изданной ограниченным тиражом.

² См.: Завадьё А. «Две Дианы»: роман и история // Дюма А. Две Дианы. Краснодар, 1990. С. 600—607.

³ Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. 2-е изд. М., 1989. С. 288.

⁴ См.: Куняев С.Ю., Куняев С.С. Сергей Есенин. М., 1995. (Сер. биографий: Жизнь замечательных людей).

⁵ См.: Андреева А.Д. Есенин. Легенда. М., 1973.

⁶ См.: Воронова О.Е. Духовный путь Есенина (религиозно-философские и эстетические искания). Рязань, 1997. В другой, еще более солидной по объему книге «Сергей Есенин и русская духовная культура» (Рязань, 2002) О.Е. Воронова отметила, что ее привлекает позиция А.М. Марченко. Заметим, что ориентирам этой позиции она в какой-то мере следовала в своих исследованиях. Но использование «метода Дюма», четко прослеживаемое у А.М. Марченко и в первой монографии О.Е. Вороновой о С.А. Есенине, может обеспечить солидные объемы интерпретаций и домыслов, но не научно объективный анализ творчества и биографии поэта.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ См.: Кессиди Ф.Х. Становление древнегреческой философии. М., 1972.

⁹ Новый Завет // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1976 (Стереотип. изд. Библии 1968 года). (Отсылки на данное издание даются в тексте.)

¹⁰ См.: Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Психоаналитические этюды. Минск, 1998. С. 510; То же // Мир философии. Ч. 2. М., 1991. С. 394, 395.

¹¹ Страхов Н.Н. Дарвин // Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. Киев, 1897. С. 255.

¹² Там же. С. 256—257.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Морган Т.Г., Филипченко Ю.А. Наследственны ли приобретенные признаки? Л., 1925.

¹⁵ Дарвин Ч. Автобиография // Происхождение видов. М; Л., 1937. С. 59.

¹⁶ См.: Волский М.И. Новая концепция дыхания. Горький, 1961.

¹⁷ См.: Лепешинская О.Б. Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме. М., 1950.

¹⁸ Тинберген Н. Поведение животных. М., 1978. С. 48—49.

¹⁹ Мошковский А. Альберт Эйнштейн. М., 1922. С. 162. См. также: Фейнберг Е.П. Взаимосвязь науки и искусства в мировоззрении Эйнштейна // Вопросы философии. 1979. № 3.

²⁰ Названия их работ и основные идеи учений приводятся в публикациях автора данной статьи по философии и методологии биологического познания, в частности, в «Вестнике РГПУ».

²¹ Критика концепции ведущей роли математики как «стержня» или центра, ядра гуманитаризации школьного образования дана в работах автора: Игнатъев В.А. Математика в развитии культуры: софизмы А.А. Любищева и А.Х. Назиева // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. Вып. 21. М., 2003. С.78—95; «Линии» Платона и Демокрита в развитии культуры (ориентиры творчества А.А. Любищева): Монография. М., 2004; О линиях Платона и Демокрита в развитии культуры (к критике попытки обосновать ведущую роль идеализма в истории культуры) // Философия и общество: Научно-теоретический журнал. М., 2004. № 2 (35); Может ли математика быть стержнем (центром, ядром) развития культуры и гуманитаризации школьного образования? // Тенденции развития отечественной философской мысли в XXI веке и перспективы регионального обществоведения: Труды 2-й Рос. науч.-практ. конференции / РГПУ. Рязань, 2004. С. 78—87.

Е.Н. Коновалова

**К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ ИДЕИ СУБЪЕКТИВНОСТИ
В РУССКОЙ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

На фоне значительного количества работ последних десяти-пятнадцати лет, посвященных различным направлениям, концепциям и идеям в русской философии, проблема субъективности остается вне внимания исследователей отечественной философской мысли. Хотя понятие

субъективности является важнейшим предметом изучения современной исторической философии, основное внимание исследователей привлекают постановка и пути решения данной проблемы в истории западноевропейской философии.

При этом следует иметь в виду, что русская философская мысль, в том числе философско-теистическая, развивалась не изолированно от европейской философии, она живо реагировала на те идеи, которые появлялись на Западе. Эти идеи, распространяясь среди русских мыслителей, получали критические оценки или порождали оригинальные интерпретации. Вместе с тем остается еще слабо изученным вопрос о том влиянии, какое оказала европейская философия на русскую философско-теистическую мысль, как и само наследие духовно-академической философии в целом, отличавшейся значительным своеобразием в лице ее виднейших представителей.

В связи с этим несомненно важным и интересным является изучение тех подходов к постановке и решению проблемы субъективности, которые разрабатывались в русской духовно-академической философии. В настоящем исследовании делается попытка проанализировать специфику подходов к проблеме субъективности, которые сложились в трудах ряда представителей философско-теистической мысли России XIX века: Ф.Ф. Сидонского, В.Н. Карпова, Ф.А. Голубинского, В.Д. Кудрявцева-Платонова.

Исследование путей решения проблемы субъективности в русской духовно-академической философии требует анализа ее источников. В этом плане следует, прежде всего, указать на роль философской системы Платона, имея в виду как непосредственное воздействие сочинений античного философа на православных мыслителей, так и восприятие ими традиций платонизма, рассматриваемого в широком смысле слова.

Большинство русских «академических», как отмечал В.В. Зеньковский, философов принимали «платонизм как учение об идеальной стороне в космосе»¹. Исходной точкой их рассуждений послужило платоновское деление мира на идеальный и феноменальный, на мир идей и мир явлений. Данная позиция прослеживается уже у Ф.Ф. Сидонского, который утверждал, что идеи заключены не только в разуме, но и в природе, поскольку «одна и та же Сила разумная создала чувственную природу для известных целей, по своим идеям, и поставила среди сей природы силы мыслящие, настроенные постигать идеи Начала природы Творческого»². Соответственно познание, по мысли русского философа-теиста, есть процесс гармонического соприкосновения природы и ума: «...нужна действенность ума, с одной стороны, и богатые запасы мыслей, завитых в природе, — с другой, чтоб могли образоваться представления наисовершеннейших»³.

Платоновская теория идей стала основой для построения системы философского синтетизма В.Н. Карпова, учения о Бесконечном Ф.А. Голубинского, концепции трансцендентального монизма В.Д. Кудрявцева-Платонова. Произведенный нами анализ работ указанных выше представителей духовно-академической философии позволяет выделить следующие составляющие концепции идей античного мыслителя, которые в той или иной степени были ими использованы.

Каждый из них стремился обосновать свое обращение к наследию античного философа и объяснить понятие «идея». Так, В.Н. Карпов, указывая, что слово «идея» понималось в различных значениях, отталкивался от понимания Платоном идей как первообразов сотворенных вещей в божественном уме и вместе с тем соответствующих им высших представлений человеческого духа. Философ предложил своеобразную трактовку понятия «идея», различая понимание ее как образа и как взгляда. В первом значении идея определяется им по аналогии с органами чувств, устроенных так, что каждый из них приложим к принятию известного рода впечатлений. Соответственно практическая идея, по определению Карпова, есть такой орган деятельности ума (созерцания), в ходе которой душа получает впечатления как бы из недр собственной природы. Практическую идею философ называет «идею истины и добра, которых существо исключает всякую изменчивость и меру, всякое преемство и число, следовательно в душе является образом бесконечности и вечности»⁴.

Во втором значении идея в понимании Карпова становится присущей уму не как образ, а как взгляд. Под идеей как взглядом философ понимает «стремление ума в бесконечном множестве и разнообразии частей предмета усмотреть единство его природы, созерцать душу его бытия и схватить нераздельную связь, которою держится его целостность и тождественность»⁵. Понимаемая таким образом идея возникает из глубины души человека и бывает сознаваема им как его собственное, самодеятельно направляющееся к предмету создание. В.Н. Карпов называет

такую идею теоретической и в то же время подчеркивает, что это создание есть не что иное, как перевод или приложение практической идеи истинного и доброго к созерцанию природы созданий Божьих. Таким образом, хотя идеи по Карпову существуют в человеческой душе, они являются отражением реально-объективных законов природы, естественного порядка вещей, созданных Богом. И человек предрасположен к познанию этого порядка, в его уме есть стремление к поиску сущности созерцаемых предметов.

Ф.А. Голубинского также привлекало понимание идеи Платоном. Последний, по мнению православного мыслителя, яснее, чем предшествующие философы, раскрыл учение об идеях ума, определил их происхождение и область действия. В свою очередь русский философ заявлял, что в платоновском значении он будет понимать идею о Бесконечном. Данная идея не есть ни ощущение чувственных предметов, ни общее понятие разума, составленное из чувственных представлений; равным образом идея отлична от форм чувственности и категорий рассудка. Идея Бесконечного, по Голубинскому, составляет главное начало и основание всякого индивидуального акта познания, будучи «насаждена от природы в нашем духе», в «высшей силе ума»⁶.

Ф.А. Голубинский также включал в свои философские построения платоновское положение о приоритетной роли идей истины, красоты и добра, которые соответственно должны проявляться посредством углубления человека в самого себя в трех «силах или способностях человеческой души» — «способности познания», «способности ощущения» (чувстве), «способности хотения» (воле). Аналогично этому, утверждал философ, человек повсюду находит отражение премудрости, красоты и благодати Божественной, когда он обращается к познанию окружающего мира, углубляется в силы, законы и цели внешней природы.

В понимании В.Д. Кудрявцева-Платонова идея «есть действительность, так как без нее невозможно действительное существование предметов»⁷. При этом познание идеальной основы чувственно постигаемых предметов осуществляется не эмпирическим путем, а через разум: идеи — это сверхопытная действительность. Соотношение идеи и предмета также рассматривается Кудрявцевым в русле следования платоновской философии: идея есть «постоянное, неизменное начало, иначе может быть названа сущностью в отличие от изменчивых выражений этой сущности — феноменов»⁸. Последние, по мысли русского философа, по отношению к идее (сущности) представляют собой нечто второстепенное и случайное не только по бытию, но и происхождению. Таким образом, у Кудрявцева-Платонова идея по отношению к предмету есть нечто первоначальное и основное, из чего следует, что идея служит целью развития феноменального бытия, а предмет существует для того, чтобы выразить или осуществить свою идею. Например, цель и назначение человека, отмечал православный мыслитель, заключается в осуществлении в своей жизни идеи или идеала человека как разумно-свободного существа.

Также в духе Платона философ рассматривал идеальную действительность как иерархию идей, многообразии мира которых он находит организованным согласно трем главным идеям — истины, добра, изящного (красоты). Эти идеи выражают известное совершенство вещей, каждая — в своей специальной сфере. Отсюда высшей и объединяющей все другие идеи по Кудрявцеву-Платонову должна быть идея совершенства. Данная идея есть идея совершенства абсолютного; это совершенство не мнимое, но действительно существующее. Таким образом, идеальный мир предстает у русского философа как восходящий по ступеням развития и завершаемый идеей абсолютного, которая служит объединяющей и связующей идеей всех прочих идей, образующих гармонический мир. В то же время абсолютная идея, совмещающая все свойства идеального бытия, выступает основанием всего существующего и последней целью бытия.

Необходимо отметить, что в данном случае, как и во многих других, В.Д. Кудрявцев-Платонов развивал подход своего учителя, Ф.А. Голубинского, исходившего, в частности, из представления об иерархии идей. Ф.А. Голубинский признавал, что идея о Бесконечном сама по себе одна, но из рассмотрения различных сторон, к которым обращена, представляется в различных видах. Но эти виды одной и той же идеи о Бесконечном, составляющие многие идеалы, к которым стремится дух человека, не должны, по утверждению философа, рассматриваться как нечто отдельное от самой идеи. Они все соединяются в одной главной идее — о Бесконечном — и составляют нераздельное целое.

На сходных посылах строилась и концепция В.Н. Карпова, который подчеркивал, что существует только одна идея — в значении безусловно-истинного и доброго в их единстве

и тождественности, при этом данную идею он понимал как выражение Божественной, полной идеи мира и его гармонии. Однако «одна истина и одно добро, ограничиваясь логическими формами, раздробляются на множество умственных и нравственных начал»⁹, так что «человеческий ум, вместо одной идеи мира, имеет их множество, и все они таковы, что не обнимают его полноты, и потому не указывают существенной зависимости всех находящихся в нем творений»¹⁰. Частных идей образуется столько, сколько может быть понятий в категорических формах рассудка. В связи с этим Карпов подчеркивал роль философии в построении, гармоническом соединении идей. По его мысли, в основании философии должна быть идея, которая как основание идей находится выше опыта и не зависит от частных отраслей знания. Все остальные идеи вытекают из первой, следовательно, необходимо не построение, а развитие идей. Идея же, из которой должна быть развита философия, не есть идеализация приобретенных опытом понятий, а непосредственное созерцание истины, сообразной с природой ума.

Рассматривая вопрос о роли философской системы Платона в развитии русской духовно-академической философии, следует иметь в виду, что для В.Н. Карпова, Ф.А. Голубинского, В.Д. Кудрявцева-Платонова, как и для других философов-теистов, воспринявших концепцию идей античного мыслителя, характерным является стремление к ее христианизации. Идея о Бесконечном у Голубинского, идея Абсолютного у Кудрявцева-Платонова, идея высочайшего Блага у Карпова есть не безличные идеи абстрактно-абсолютного совершенства, но выступают в качестве идеи абсолютного совершенного Существа, которая находит свое осуществление в высшей и всеобъемлющей сфере проявления человеческого духа — в религии, где она является как идея Божества.

Влияние Платона ощущается и в теории познания православных философов. Русские философы-теисты использовали такой важнейший элемент платоновской теории, как усмотрение, созерцание умом — припоминание, по терминологии Платона, — сверхчувственных идей-сущностей. Так, В.Н. Карпов выделял несколько видов созерцания, различая, во-первых, идеальное созерцание, при котором душа находится в состоянии страдательном, когда предмет созерцания действует на душу сам собой, а душа не сознает своей деятельности; и, во-вторых, умозрение как самодеятельную деятельность души, переносящую впечатления идеального созерцания в сознание. Первое осуществляется «умом практическим», второе — «умом теоретическим». Вместе с тем, будучи православным философом и высоко оценивая мысль Платона о созерцании действительной природы Существа Высочайшего, Карпов в качестве особого вида созерцания рассматривал духовное созерцание, связывающее человека с Богом.

Ф.А. Голубинский важнейшей частью учения Платона считал выделение в человеке высшей Богоподобной силы — ума, в котором скрываются высшие идеи о предметах сверхчувственных. Русский философ указывал, что у Платона можно найти верные понятия о деятельности ума. Особенно замечательно, на взгляд Голубинского, объяснение Платоном исторического происхождения и состояний духа, прежде всего такого состояния, когда дух находится в блаженном состоянии — непосредственном созерцании Божественных идей. В свою очередь В.Д. Кудрявцев-Платонов отмечал, что Платон первым отличил ум как высшую способность человеческого духа, как лучшую, владычественную и божественную часть души, деятельность которой в «до-мирном состоянии души» состояла в созерцании чистых идей самих по себе, а «в настоящем состоянии человека направлена главным образом внутрь самого себя и состоит в воспоминании идей и созерцании их»¹¹.

Подчеркивая значимость данного положения теории античного философа, Голубинский и Кудрявцев-Платонов опирались на него при анализе познавательных способностей человека. Наряду со способностями к возникновению восприятий (представлений) и образованию понятий — чувством и рассудком — они выделяли в человеке особую способность к постижению сверхчувственного, которая обозначалась философами различными терминами: «ум» (Ф.А. Голубинский), «духовное» или «идеальное чувство», «способность к богопознанию», чаще — «разум» или «ум» (В.Д. Кудрявцев-Платонов). Эта способность состоит в интуитивном познании сверхчувственного при помощи непосредственного восприятия или созерцания.

Вместе с тем следует иметь в виду, что восприятие платоновского учения русскими философами-теистами далеко не однозначно. Влияние Платона на духовно-академическую мысль во многом было опосредовано святоотеческим наследием. Поэтому для христианизированного платонизма духовно-академического философствования неприемлемо отрицание Платоном подлинности существования феноменального мира, созданного Богом. Например, Ф.А. Голу-

бинский, указывая на односторонность учения Платона, заявлял, что «существует не одно неизменяемое, но имеют также действительное бытие и все вещи, ограничиваемые пространством и временем»¹². А его ученик справедливо замечал: «Хотя Платон не отвергает совершенно реальности внешних предметов, но эта реальность по отношению к истинному бытию вещей есть какая-то несовершенная, полуистинная. Если мир идей есть бытие подлинно сущее, то мир явлений в сравнении с ним может быть назван чем-то не сущим»¹³.

В.Д. Кудрявцев-Платонов считал несомненной заслугой Платона то, что он первый поставил вопрос о значении общих понятий и отношении их к действительному бытию. Платон, как подчеркивал, русский философ, совершенно верно старался к субъективному понятию найти объективный его коррелят, определить, что соответствует ему вне человеческого ума. Вместе с тем православный мыслитель видел ошибку Платона в том, «что вместо того, чтобы искать этот коррелят в сущности, заключающейся в самих же вещах, он олицетворил эту сущность в виде идеи, как предмета, существующего вне вещей и отдельно от них; другими словами, — в том, что он идеям приписал самобытное существование»¹⁴.

Таким образом, в отличие от Платона русские философы-теисты исходили из действительности бытия не только идеального, но и предметного мира. Более того, общей линией московской теистической школы, к которой можно отнести Ф.А. Голубинского и В.Д. Кудрявцева-Платонова, стало признание подлинности существования как материальной, так и духовной сторон бытия, их необходимости друг для друга и объединения в одном начале, находящемся над миром и отличным от мира. Данное положение обосновал в своем учении Ф.А. Голубинский, который полагал таким началом Бесконечное Существо.

Следуя своему учителю, В.Д. Кудрявцев-Платонов также сделал попытку разрешить проблему дуализма духа и материи через обоснование понятия Абсолютного совершенного Существа (Бога) как лежащего над миром начала, возвышающегося и над духом, и над материей, обеспечивающего единство мира. Главные положения его философской системы, которую сам философ назвал трансцендентальным монизмом, сводятся к следующему: «существует мир духовный, существует мир физический, существует абсолютно совершенное Существо, совмещающее в себе полную истину бытия и знания, — Бог»¹⁵.

Оригинальную концепцию разработал В.Н. Карпов. В его трактовке мир делится на мир физический (мир явлений) и мир духовный (абсолютный). Первый необходимо обнаруживает свое бытие внешне и как явление может быть естественно или искусственно подведено под один из органов чувств; второй по самому свойству своего бытия не может и не имеет нужды проявляться физически, с существованием его философ связывает «полноту высочайших совершенств, от которых нельзя ничего отнять и к которым нечего прибавить»¹⁶. Наряду с этим существует и третий мир — метафизический (сверхчувственный или мыслимый), слагающийся, с одной стороны, из абсолютного и чувствопостигаемого, с другой стороны — из субъекта и объекта. Таким образом, философская система Карпова приобретает характер синтетизма, поскольку она «рассматривает знание и бытие, идеальное и реальное в нераздельном и коренном существовании их, а не выводит одного из другого и этот вывод почитает невозможным»¹⁷. Значение синтетизма, по мысли Карпова, состоит в том, что он естественно и легко разрешает многие важные проблемы, признанные неразрешимыми, а именно те, целью которых — согласовать в человеческом представлении конечное с бесконечным, временное с вечным, бытие с познанием, сущность с явлением и т.д. Философский синтетизм «все эти крайности сводит в сверхчувственном или мыслимом, развивая его из реальных бытий: природы, человека и Бога»¹⁸.

В плане раскрытия проблемы влияния платоновского учения на формирование концепций субъективности в русской духовно-академической философии важным представляется идущее от Платона противопоставление реального, объективного, существующего вне нашего ума мира, и субъективного, основанного на понятиях и ими выражаемого познания. Наиболее полно и глубоко понятие субъективности рассмотрел Кудрявцев-Платонов, который исходил из признания истинности как бытия субъективного, так и бытия объективного. Под первым философ понимал «существование своих представлений, мыслей, психических состояний как «субъективных состояний своего «я», «бытие всех психических феноменов, подпадающих сознанию нашего я, — существование того, что мы называем субъективным миром»¹⁹. Субъективному бытию («наше я и его состояния») противостоит объективное бытие («не я, или предметов, вне меня находящихся»).

Противоположность объективного и субъективного выявляется у В.Д. Кудрявцева-Пла-

тонова и в производимом им метафизическом, по его определению, анализе трех ступеней познания — эмпирического, рационального, идеального. Суть данного анализа заключается в выявлении степени соответствия человеческого познания с познаваемыми предметами, что в свою очередь предполагает рассмотрение как субъективных законов познавательной деятельности человека, так и объективного значения познания. Поэтому метафизический анализ форм познания у Кудрявцева-Платонова предстает как определение роли объективных и субъективных элементов в их содержании.

В несколько ином плане решал проблему субъективности В.Н. Карпов, рассматривая субъективное и объективное не только через их противопоставление (мыслящий субъект и мыслимый объект), но и через соотнесение (по определению одного из них определяется и другое) и взаимосвязь. Исходной точкой рассуждений философа является положение о том, что «субъект есть начало мыслящее — человек; объект — то, о чем человек мыслит, то есть физическое и духовное»²⁰. Но духовное и физическое начала, полагал русский мыслитель, находятся во взаимной связи и выражаются в общих результатах, при этом первым результатом их взаимного ограничения выступает человек и его деятельность.

В трактовке В.Н. Карпова физическое и духовное, входя в природу человека и его деятельности, существуют объективно, независимо от их участия в человеческом бытии. Но, будучи соединены в человеке, сделавшись единым нераздельным субъектом, сознающим себя как себя, они дают бытие миру сверхчувственному, отличному от физического и духовного. Таким образом, исчезает, по мысли Карпова, непосредственное соотношение как между физическим и духовным, так и между субъектом и объектом. Отсюда, делал вывод философ, «между субъектом и объектом существует новый мир, как условие взаимной связи их, — такой мир, который сам по себе, не будучи ни субъективным, ни объективным, развивается из элементов того и другого»²¹. Этот мир определялся им как метафизический или сверхчувственный.

Исследуя вопрос о воздействии наследия античного мыслителя на специфику подхода русских философов-теистов к решению проблемы субъективности, следует иметь в виду, что для русского философствования было характерным восприятие традиции платонизма не только в связи с учением Платона об идеях, но с идеализмом вообще (в историко-философском плане), с реализмом в споре об универсалиях, с априоризмом и рационализмом в теории познания, со спиритуализмом и телеологией в онтологии²². В русле рассматриваемой проблемы заслуживает внимания обращение представителей духовно-академической философии к концепциям врожденных идей (Декарт) и априорных понятий (Кант). Как справедливо указывали Ф.А. Голубинский и В.Д. Кудрявцев-Платонов, платоновское учение об идеях как припоминаниях можно рассматривать как первую мысль теории врожденных идей.

Следует отметить, что в современных историко-философских исследованиях принято различать понятия «врожденное знание» и «априорное знание». Первое понятие есть выражение позиции классического рационализма Нового времени (Декарт, Лейбниц), который признавал врожденным, заранее заложенным в интеллекте само содержание знания. Раскрытие же сущности второго понятия требует разграничения позиций Канта и предшествующих ему философов-рационалистов. Согласно Канту, доопытным, априорным является только форма, способ организации знания. Однако представители русской духовно-академической философии часто не делали различия между понятиями «врожденные идеи» и «априорные категории», те и другие рассматривались ими как доопытные формы знания. Например, В.Д. Кудрявцев-Платонов заявлял, что в споре сенсуалистов и рационалистов он занимает сторону последних, признавая «категории, по терминологии Декарта, врожденными, по терминологии Канта, априорными понятиями нашего рассудка»²³.

Концепция врожденного знания привлекала внимание многих русских философов-теистов XIX века, хотя не все из них использовали термин «врожденные идеи». Так, Ф.Ф. Сидонский проводил разграничение между понятиями «умопроизводными» (*a priori*), образованными силой ума, и «бытопроизводными» (*a posteriori*), заимствованными из опыта. Вместе с тем он указывал на наличие в уме человека «известного настроения для правильного разумения природы» — нескольких таких представлений, тайных, важных мыслей, неразрывно связанных с разумной природой человека, «которые объемлют собой всю совокупность сущаго». Только посредством этих представлений, или идей, ум человека может постигнуть «образ бытия целого мира при всех слабых намеках на сей образ, какие дает жизнь предметов, взятых по частно»²⁴. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что Сидонский, по сути, признавал су-

ществование в душе человека врожденных идей, последние для него — это «чаяние Божества, убеждение в бессмертии, живое, хотя темное чувство своей свободы»²⁵, которые сопровождают человека на всех этапах развития его мышления.

Вышеизложенное позволяет считать, что В.Н. Карпов также исходил из наличия врожденных идей в душе человека. Во-первых, в одной из своих работ он высказывал несогласие с эмпиризмом Локка, который отвергал существование врожденных идей, вследствие чего должен был отвергнуть действительность внутреннего законодательства, направляющего стремления человека к истине и добру²⁶. Во-вторых, хотя, кроме указанного момента, Карпов не употреблял термин «врожденные идеи», ход его рассуждений свидетельствует о четко выраженной позиции философа. С точки зрения православного мыслителя, «в человеческой душе наперед уже есть общее, только не логическое или формальное, а метафизическое и реальное, так как человек по самой своей природе — метафизик»²⁷. Этим общим, неизменным началом человеческого духа при всеобщей изменчивости во внешнем мире являются идеи ума. Как отмечал философ, «приобретая познания, мы измеряем их истиной, которой никогда не приобретали; а совершая поступки, поставляем их пред зеркалом добра, которого никогда не выдвигали»²⁸.

В.Д. Кудрявцев-Платонов выделял две стороны концепции врожденных идей — положительную и отрицательную. Положительная сторона, на его взгляд, заключается в том, что, согласно этой концепции, идея о Боге не может происходить ни из опыта, ни из рефлексии над данными опыта, но есть а priori принадлежащая человеческому уму идея. Заслугу Декарта русский философ также усматривал в утвердительном ответе на вопрос о степени достоверности коренных понятий человеческого ума и их соответствии действительному бытию.

Вместе с тем В.Д. Кудрявцев-Платонов подверг критическому анализу концепцию врожденных идей Декарта. Отрицательную сторону ее он видел в стремлении объяснить сам факт априорности (доопытности) понятием врожденности. Философ был не согласен с Декартом и в том, что врожденность законов и основных понятий человеческого разума является достаточной порукой их достоверности. В результате, как отмечал Кудрявцев-Платонов, философы после Декарта ограничивались исчислением и определением данных понятий, оставляя в стороне вопрос об их происхождении и отношении к бытию.

Русский философ подчеркивал, что дело не в том, есть ли в человеке врожденное или природное стремление образовывать такие понятия, но в том, как они образуются и какое значение имеют; однако, по его мнению, теория врожденных идей ничего об этом не говорит. Если бы учение о врожденных идеях обосновывало бы только положение о том, что идеи не происходят от опыта или не создаются самостоятельностью рассудка, можно было бы, на взгляд Кудрявцева-Платонова, вполне принять его, хотя бы им и не решался вопрос, как же именно оно происходит. Но поскольку данное учение утверждает, что именно идеи существуют в нас в виде заложенных в уме определенных понятий, то оно, считает Кудрявцев-Платонов, неизбежно вызывает много вопросов, при этом главный из них касается того, что нужно понимать под врожденностью.

Таким образом, слабой стороной учения Декарта, по мнению русского философа-теиста, является недостаточная разработанность теории врожденных идей, так как в данном учении много неясного. Нельзя, в частности, достаточно точно определить, какие именно понятия, кроме идеи Бога и нравственных идей, признаются врожденными и не происходящими из опыта. Для В.Д. Кудрявцева-Платонова было существенным и то, что Декарт не дал определенного ответа на вопрос о первичной гносеологической форме врожденных идей; это позволяло предположить, что он понимает эту врожденность в смысле существования в человеческом разуме ясных и определенных понятий.

Именно данное положение концепции врожденных идей стало основным объектом критики со стороны эмпиризма. Русский философ указывал на правомерность такой критики. Но, по мнению Кудрявцева-Платонова, эмпиризм был не прав в том отношении, что, отвергнув врожденность категорий в декартовском смысле, счел себя вправе отвергнуть существование каких бы то ни было априорных элементов в познании.

В целом русский философ не принял концепцию врожденных идей. В.Д. Кудрявцев-Платонов отмечал, что понятие врожденности есть по существу антифилософское понятие. Дело философии должно состоять в объяснении причины и способа образования идей, а понятием врожденности отсекается путь к дальнейшему исследованию причины их происхождения. Исходя из этого, Кудрявцев-Платонов делал вывод о неправомерности названия «врожденные

идеи». Однако философ считал возможным использование понятия врожденных идей при анализе им рациональной и идеальной ступеней познавательного процесса и стремился дополнить «недостаточное», по его словам, в теории, созданной Декартом и Лейбницем.

Как уже отмечалось, В.Д. Кудрявцев-Платонов употреблял термины «врожденные идеи» и «априорные понятия» как тождественные. Основываясь на изложенном выше анализе концепции врожденных идей, осуществленным русским мыслителем, можно утверждать, что, отвергая врожденность идей и понятий в картезианском смысле, он признавал последние в качестве априорных элементов. Неслучайно В.Д. Кудрявцев-Платонов важной стороной учения Канта считал доказательство существования в познавательной способности человека независимых от опыта форм познания и априорных понятий. Преимущество Канта перед другими философами, полагал православный философ, состоит в том, что тот не остановился на одном внешнем признаке априорности, но прямо указал на внутренние, существенные свойства этих понятий (всеобщность и необходимость) и на невозможность объяснить данные свойства из опыта.

Проводя анализ рационального познания, В.Д. Кудрявцев-Платонов отмечал, что все люди без исключения имеют понятия о тождестве и противоречии, причине и действии, возможном и действительном и пр. и что они принимают эти понятия в одинаковом смысле, иначе было бы невозможно само мышление и познание, которое представляет факт всеобщий и необходимый. Но в то же время философ полагал, что категорические понятия принадлежат к числу самых абстрактных понятий рассудка и на них слишком заметна работа рефлектирующей философской мысли, чтобы они могли быть признаны первоначальным и всеобщим достоянием человеческого разума, врожденными понятиями в точном смысле. Отсюда философ делал вывод о необходимости признания возможности существования в душе человека априорных начал познания в форме не созданных или, точнее, не познанных элементов знания, в отличие от позднейших представлений и понятий.

Дальнейшее же преобразование первоначальных элементов рационального познания в определенные понятия обуславливается по В.Д. Кудрявцеву-Платонову не только постоянным развитием самостоятельно действующей силы разума, но и опытом. При этом опыт философом понимался в самом широком значении этого слова: не только как совокупность внешних впечатлений, но и как усвоение различного рода понятий и познаний от окружающих человека лиц. Кудрявцев-Платонов не отвергал значение опыта в деле рационального познания. Отличие своей позиции от позиции эмпириков он видит в том, что допускает наряду с опытом другой источник познания — разум с исключительно ему принадлежащим априорным содержанием.

Таким образом, применительно к рациональному познанию врожденные или априорные элементы знания, утверждал философ, это не более или менее отчетливо сознаваемые и определенные понятия о причине, субстанции, тождестве и пр., но первоначальные и присущие каждому мыслящему существу категорические воззрения, обуславливающие всю познавательную деятельность человека²⁹.

Анализируя идеальное познание, В.Д. Кудрявцев-Платонов стремился следовать своему учителю, который полагал, что «идея о Бесконечном приобретает человеком не во времени, но первоначально прирождена человеку»³⁰. Однако в отличие от Декарта Ф.А. Голубинский по-иному решал вопрос о первичной форме врожденных идей, отмечая, что «идея ума о Бесконечном есть только темное, тайное некоторое предчувствие Бесконечного, а не ясное созерцание Его, есть прежде-опытное, неисчерпаемое для определенных понятий разума, представление о чем-то неограниченном»³¹. Следует заметить, что подобный взгляд на идею Бога высказывали и другие представители духовно-академической философии. Ф.Ф. Сидонский говорил о каком-то тайном предрасположении души к усвоению откровения, предчувствии души мыслить идею Божества. По мысли В.Н. Карпова, глубоко сокрытое в душе человека, существующее как смутный образ идеальное единство истинного и доброго осознается лишь в ходе деятельности рассудка, воплощается в формах мышления (понятиях и суждениях) и нравственного самоопределения.

Развивая данное положение, В.Д. Кудрявцев-Платонов имел в виду, что врожденными являются не идеи, а способность идей, то есть ум или способность к познанию сверхчувственного, прежде всего идеи абсолютно совершенного Существа — Бога. Все возражения против теории врожденных идей, по мысли философа, «теряют всякое значение, как скоро мы станем признавать врожденным не какое-либо определенное понятие о Боге, в котором ясно выражается участие самодеятельности нашего разума, и не какое-либо определенное представление

о нем, в котором видны следы деятельности воображения, но именно идею о Боге как некоторое априорное начало, возбуждающее деятельность нашего ума к производству различных представлений и понятий о Боге»³².

Следует отметить также следующее «дополнение» учения Декарта, сделанное русскими философами-теистами. Осуществляя анализ идеального познания, В.Д. Кудрявцев-Платонов указывал, что теория врожденных идей, допуская один субъективный элемент познания — способность познавать сверхчувственное, упускает из виду другой — действие на эту способность познаваемого объекта³³. Отсюда, заключал философ, необходимо допустить действие реального объекта на данную способность. Кроме того, следует учесть и то, что и в этом положении В.Д. Кудрявцев-Платонов развивал мысль, высказанную ранее Ф.А. Голубинским: идея о Бесконечном «не может родиться из ничего, она происходит из соответствующего ей предмета, и, следовательно, сей предмет существует»³⁴.

Непосредственным результатом влияния учения Декарта на русскую духовно-академическую философию можно считать не только осуществленную ее представителями оригинальную интерпретацию теории врожденных идей, но и их попытки рассматривать субъективное начало как исходный пункт философских построений. Так, В.Н. Карпов, стремился определить начало философии в человеческом субъекте, под которым он подразумевал не частное лицо, а целое человечество. При этом, по мнению русского философа, ни чувство, ни мышление, ни постулаты закона, ни идея Бога не могут быть положены в основание философии, а все признаки ее субъективного начала (ясность и всеобщность) более всего могут быть отнесены к сознанию (положению: я сознаю). Как писал Карпов, «сознание, понимаемое в смысле теоретическом и нравственном (совесть), по всей справедливости может быть названо первою истиною; потому что все, входящее в сферу человеческой жизни и являющееся в ней, как наше, делается таким единственно под условием сознания»³⁵. Таким образом, сознание рассматривалось философом как сила субъекта и условие субъективно-человеческой деятельности.

Вместе с тем понимание Карповым сознания как субъективного основания философии отличалось от трактовки субъективности в западноевропейском рационализме Нового времени. В последнем случае речь идет, как отмечают исследователи, о субъективности как абсолютном Я, чистом самосознании, теоретическом принципе логики³⁶. Карпов же рассматривал сознание как силу психическую. Психическое у него отождествлялось с нравственным, а сознание с совестью. Следует также заметить, что Карпов не отдавал предпочтения мышлению перед другими способностями человека. Основанием философии, на его взгляд, правильнее считать то, которое непосредственно известно не уму, а вообще человеку. При этом в духе охарактеризованного выше синтетизма сознание рассматривается Карповым конкретно, не только с его субъективно-формальной стороны как психической силы, но и со стороны объективной или содержательной. Как отмечал философ, в человеке «невозможно ни сознание без познаваемого, ни познаваемое без сознания; эти элементы, не соединяясь взаимно, не существуют для человека»³⁷.

Если же сознание в значении философского начала принимается как со стороны формы, так и со стороны содержания, то оно, по мысли Карпова, есть единственное начало всего, что человек мыслит, что чувствует, чего желает и к чему стремится. Через сознание же человек познает всякое бытие, а это означает, по Карпову, что сознание есть начало не только познания, но и бытия, поэтому его можно считать началом формально-реальным. Отсюда философ делал вывод о том, что истину, представляющуюся в сознании первой, непосредственно известной, ясной и всеобщей, необходимо считать и объективной стороной начала философии.

В заключение следует отметить, что воздействие западных философских теорий на формирование концепций субъективности в русской духовно-академической философии сводится прежде всего к идущему от Платона противопоставлению объективного и субъективного в бытии и познании. Существенно и то, что данное воздействие выражается также в формировании представителями духовно-академической философии трактовки субъективности как врожденного, а не приобретенного человеческого уму знания.

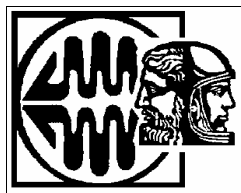
В то же время значительное влияние на русских философов-теистов оказала получившая развитие в классической европейской философии гносеологическая традиция рассмотрения субъективности как необходимого условия объективного знания, объективности. При этом преобладающей тенденцией в исследовании понятия субъективности русскими философами является употребление его в связи как с общим понятием познания, так и с анализом различных познавательных способностей человека. Вместе с тем следует отметить своеобразие развивае-

мых русскими философами взглядов на проблему субъективности, которое заключается, прежде всего, в ином, чем в западной философии, понимании связи субъективности и объективности. Русские философы-теисты были не согласны с картезианским обособлением субъекта от внешнего мира, и соответственно невозможностью познания объективного мира.

Предпринятый в данной работе анализ идейных предпосылок решения проблемы субъективности в русской духовно-академической философии позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего исследования в этом направлении и освещения концепций субъективности иных представителей философско-теистической мысли России, равно как и их теоретических источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 2 (1). Ростов-на-Дону, 1999. С. 84.
- ² Сидонский Ф.Ф. Введение в науку философию. СПб., 1833. С. 360.
- ³ Там же. С. 361.
- ⁴ Карпов В.Н. Систематическое изложение логики. СПб., 1856. С. 18.
- ⁵ Там же. С. 23.
- ⁶ Голубинский Ф.А. Лекции философии. М., 1884. Вып. 1. С. 72.
- ⁷ Кудрявцев-Платонов В.Д. Что такое философия? // Соч.: В 3 т. Т. 1. Вып. 1. Сергиев Посад, 1893. С. 27.
- ⁸ Там же. С. 30.
- ⁹ Карпов В.Н. Систематическое изложение логики. С. 255.
- ¹⁰ Там же. С. 109.
- ¹¹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Метафизический анализ идеального познания // Соч. Т. 1. Вып. 3. Сергиев Посад, 1893. С. 346.
- ¹² Голубинский Ф.А. Лекции философии. Вып. 2. С. 8.
- ¹³ Кудрявцев-Платонов В.Д. Метафизический анализ эмпирического познания. С. 73.
- ¹⁴ Кудрявцев-Платонов В.Д. Метафизический анализ рационального познания // Соч.: В 3 т. Т. 1. Вып. 3. С. 5.
- ¹⁵ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Соч. Т. 1. Вып. 1. С. 53.
- ¹⁶ Карпов В.Н. Введение в философию. СПб, 1840. С. 29.
- ¹⁷ Там же. С. 70.
- ¹⁸ Там же. С. 72.
- ¹⁹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания. С. 49—50.
- ²⁰ Карпов В.Н. Введение в философию. С. 101.
- ²¹ Там же. С. 31—32.
- ²² См.: Абрамов А.И. Платон в России // Русская философия: Словарь. М., 1999. С. 378.
- ²³ Кудрявцев-Платонов В.Д. Метафизический анализ рационального познания. С. 155.
- ²⁴ Сидонский Ф.Ф. Введение в науку философию. С. 207—208.
- ²⁵ Там же. С. 302.
- ²⁶ См.: Карпов В.Н. Вступительная лекция в психологию // Христианское чтение. 1868. № 193.
- ²⁷ Карпов В.Н. Систематическое изложение логики. С. 253—254.
- ²⁸ Там же. С. 254.
- ²⁹ См.: Кудрявцев-Платонов В.Д. Метафизический анализ рационального познания. С. 157—158.
- ³⁰ Голубинский Ф.А. Лекции философии. Вып. 2. С. 83.
- ³¹ Там же. С. 68.
- ³² Кудрявцев-Платонов В.Д. Метафизический анализ идеального познания. С. 286.
- ³³ См.: Кудрявцев-Платонов В.Д. Об источнике идеи Божества. С. 27.
- ³⁴ Голубинский Ф.А. Лекции философии. Вып. 2. С. 84.
- ³⁵ Карпов В.Н. Введение в философию. С. 54.
- ³⁶ См.: Быкова М.Ф. Мистерия логики и тайны субъективности. М., 1996.
- ³⁷ Карпов В.Н. Введение в философию. С. 61.

ИСТОРИЯ. ПРАВО. ЭКОНОМИКА

В.В. Страхов

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЕКТЫ И ФИНАНСЫ РОССИИ В 1914—1917 ГОДАХ

Отечественной и зарубежной историографией накоплен богатый опыт в деле изучения состояния финансов России в период Первой мировой войны. Тем не менее, ряд довольно важных аспектов этой сложной и многогранной темы до сих пор сравнительно слабо представлен в научной литературе. Среди них — вопрос о появившихся во время войны многочисленных общественных проектах по стабилизации постоянно ухудшавшегося положения государственных финансов. Лишь в работах немногих исследователей этой важной составной части финансово-экономической мысли предреволюционной России уделяется некоторое внимание¹. Учитывая данное обстоятельство, а также актуальность обращения к прошлому отечественных финансов в настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть наиболее интересные и характерные проекты и предложения в сфере государственного кредита, налогообложения и денежного обращения, появившиеся в 1914—1917 годах.

Практика представления частными лицами записок и предложений по финансовым вопросам в центральные государственные учреждения зародилась в России еще в Петровскую эпоху. Именно тогда, испытывая острую потребность в увеличении доходов бюджета, власти впервые стали прислушиваться к советам и рекомендациям со стороны, порой вознаграждать авторов идей, реализация которых давала казне немалую прибыль.

На рубеже XIX—XX столетий общественная инициатива в области финансов была уже довольно заметным явлением, которое особенно ярко проявило себя в период проведения знаменитой денежной реформы С.Ю. Витте.

Либерализация общественно-политической жизни страны в 1905—1906 годах, а также вызванный войной с Японией и революцией многомиллионный дефицит государственного бюджета, кризисное состояние денежного обращения дали мощный импульс развитию финансовой мысли общественности, усилили ее социальную заостренность, придали ей различные идеологические оттенки. Немалую роль в увеличении количества появившихся в это время общественных проектов сыграл и указ Николая II от 18 февраля 1905 года, который разрешил подавать на высочайшее имя «виды и предложения... по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния»².

Во второй половине 1900-х годов в Министерство финансов, Госбанк, Государственную думу, в редакции ведущих финансово-экономических изданий ежегодно поступало от частных лиц более десятка достаточно серьезных записок и предложений по финансовым проблемам. Большинство из них было посвящено мероприятиям, направленным на совершенствование бюджетной, кредитно-денежной и таможенной политики государства, устранение социальных перекосов в налогообложении, укрепление городских и земских финансов, развитие системы социального страхования и т.д. Как правило, их авторами являлись общественные деятели, различные категории служащих государственных учреждений, финансовых и кредитных организаций, земства, преподаватели средних и высших учебных заведений. И хотя подавляющая часть проектов так и оставалась на бумаге, некоторым из них все же удавалось пробиться «наверх», попасть на страницы печати, вызвать отклики в обществе и правящих кругах.

Начало Первой мировой войны ознаменовалось в России значительным оживлением общественной мысли в сфере государственных финансов, активность которой заметно снизилась в период предвоенного экономического подъема. Уже осенью 1914 года в печати появляются сообщения о различных частных проектах, связанных с компенсацией потерь «обыкновенного» бюджета вследствие запрета на продажу питей и боевых действий. Как правило, содержание данных проектов довольно четко отражало политические настроения и социально-экономические взгляды их авторов. Так, представители демократических кругов, по словам известного меньшевистского экономиста профессора С.О. Загорского, «настойчиво и единодушно указывали на подоходный налог» как на единственное средство, которое должно заменить в бюджете потерю доходов от винной монополии³. Иное мнение выражали близкие к кадетам известные ученые-финансисты в лице, прежде всего, товарища председателя финансовой комиссии Государственной думы, профессора А.С. Посникова, профессоров Петроградского Политехнического института Петра Великого М.И. Фридмана и М.И. Боголепова⁴. Подчеркивая неизбежность повышения косвенных налогов в условиях войны, они вместе с тем настаивали на скорейшем проведении реформы прямого обложения, включающей в себя существенный пересмотр ставок поземельного налога, особенно для крупных земельных собственников, налога с наследств и городских имуществ, а также введение подоходного налога, к платежу которого были бы привлечены в первую очередь «имущественно более сильные разряды населения»⁵. Наконец, авторы, придерживавшиеся «правых» и проправительственных взглядов, выступали за увеличение обложения товаров массового потребления, повышение промыслового налога, в первую очередь с крупных торгово-промышленных предприятий, и, главное, за активное использование долгосрочных займов с целью установить «полное соответствие между способами добывания средств и их назначением»⁶.

В это же время, судя по сообщениям печати, Министерством финансов рассматривались различные предложения по поводу возобновления деятельности фондового отдела Петроградской биржи, «замораживания» на время войны всех платежей по обслуживанию и погашению государственного долга, проведения крупных кредитных операций правительства на внутреннем рынке. Немалую известность, например, получил выдвинутый еще в конце августа проект выпуска облигациями мелких номиналов «народного займа трезвости», с помощью которого планировалось привлечь сбережения широких слоев населения, образовавшиеся вследствие прекращения казенной продажи водки⁷.

На протяжении второго года войны большинство из известных общественных проектов в той или иной степени были связаны со стабилизацией постоянно возрастающей эмиссии кредитных билетов и сокращением темпов падения их золотого покрытия, поддержанием относительно высокого курса рубля за рубежом. Наибольший резонанс вызвал проект П.П. Мигулина, переданный в Министерство финансов и опубликованный в начале 1915 года на страницах еженедельника «Новый экономист», редактором-издателем которого являлся сам автор⁸. Будучи доктором финансового права и профессором Петроградского университета, одним из самых деятельных членом Совета министра финансов, сторонником «государственного социализма» в духе Отто фон Бисмарка, П.П. Мигулин к тому времени был широко известен благодаря, прежде всего, своим многочисленным проектам и предложениям, связанным с созданием под эгидой государства специальных банков (промышленного и сельскохозяйственного), земельным устройством российского крестьянства, перестройкой налоговой системы, совершенствованием системы ипотечного кредитования и т.д. Суть же нового его проекта заключалась во введении в России, по примеру Германии и ряда других стран, особого вида денежных знаков — билетов государственного казначейства небольших номиналов. Иными словами, Мигулин предлагал изъять из обращения кредитные билеты достоинством от 1 до 5 рублей включительно и на эту сумму, приблизительно в 500 миллионов, выпустить соответствующие номиналы в казначейских деньгах, не нуждавшихся в золотом покрытии. Очевидно, что основная задача проекта состояла в том, чтобы обеспечить дополнительный выпуск кредитных билетов на полмиллиарда без официального расширения эмиссионного права Государственного банка. Примечательно, что подобное предложение видный финансист выдвигал еще в 1906 году в имевшей весьма характерное название книжке — «Государственный независимый центральный эмиссионный банк, проект».

По-видимому, идея П.П. Мигулина, который, кстати, был близок к влиятельному главноуправляющему делами землеустройства и земледелия А.В. Кривошеину, а также являлся зятем

председателя думской комиссии по бюджету профессора М.М. Алексеенко, первоначально получила поддержку у части высшей бюрократии и даже некоторых видных специалистов. Так, об оправданности и важности практического воплощения предложения Мигулина писал профессор М.И. Туган-Барановский. «С теоретической точки зрения, — подчеркивал известный экономист, — в пользу данного проекта можно сказать очень многое». Правда, по его мнению, в разряд казначейских денег следовало отнести лишь купюры в 1 и 3 рубля ⁹.

Однако у данного проекта нашлось и немало серьезных противников. Среди них выделялся вышеупомянутый тридцатилетний Михаил Боголепов, ставший впоследствии, в 1939 году, членом-корреспондентом Академии наук СССР за свои труды в области «теории советских финансов» ¹⁰. Доказывая несостоятельность проекта «бумажного биллона», он обращал внимание на многочисленные негативные последствия его реализации. По мнению ученого, практическое осуществление предложения Мигулина нарушало бы «принцип единства денежного обращения», ставило «под сомнение возможность» возврата к золотому монометаллизму на прежних основаниях. «Если после войны будет восстановлен размен на золото только одних кредитных билетов, а казначейские билеты будут неразменными, — утверждал Боголепов, — то это обстоятельство способно будет подорвать общее доверие к нашей золотой валюте и вызовет лаж между двумя сортами денег» ¹¹.

Среди тех, кто резко выступил против проекта П.П. Мигулина, был и самый авторитетный в то время российский специалист в сфере денежного обращения, член Государственного совета и Комитета финансов, почетный профессор Петроградского университета И.И. Кауфман. В направленной министру финансов П.Л. Барку докладной записке он, в частности, указывал, что «введение рублевых и трехрублевых билетов казначейства составляет никогда не испытанный эксперимент, могущий привести к крупной неудаче; представлялось бы заслуживающим предпочтение — кредитные билеты оставить в нынешнем их положении на ближайшее время и не делать опасного и вредного эксперимента с беспроцентными билетами казначейства в один и три рубля» ¹². С жесткой критикой «опасного проекта», основанного на «ложной теории», выступил в печати, правда, под псевдонимом и видный финансист, ближайший сотрудник С.Ю. Витте по министерству финансов А.Н. Гурьев ¹³.

Несмотря на то, что в начале апреля 1915 года пресса писала о выпуске казначейских билетов как о вопросе почти решенном ¹⁴, подобные денежные знаки так и не появились в обращении. Свою роль здесь сыграли не только веские доводы критиков проекта, технические трудности его реализации, высокая загруженность Экспедиции заготовления государственных бумаг, но и в первую очередь своеобразие складывавшейся обстановки на фронте и в тылу. Иначе говоря, резкое увеличение в конце весны — летом 1915 года темпов бумажно-денежной эмиссии вследствие «великого отступления» русской армии и огромных кредитов казны под мобилизацию частной промышленности создавали условия, при которых во многом терялся экономический эффект от введения казначейских денег. К сказанному остается добавить, что идея Петра Мигулина в дальнейшем все же была воплощена в жизнь. Правда, случилось это лишь в период нэпа, когда на основании Декрета ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1924 года в обращение были выпущены казначейские билеты номиналом в 1, 3 и 5 рублей.

Определенное внимание отдельные авторы придавали и специфическим мероприятиям, направленным на увеличение золотого запаса Государственного банка. Так, золотопромышленниками Сибири предлагалось значительно повысить плату за сдаваемое в казну вновь добытое золото, ужесточить режим его вывоза за границу, развернуть широкие пропагандистские кампании по сдаче населением золотой монеты и изделий из драгоценных металлов в учреждения Госбанка, ввести систему различных экономических и социальных льгот для крупных сдачиков.

Примечательно, что именно в 1915 году впервые появляются предложения о безвозмездном изъятии в пользу государства церковных ценностей. О целесообразности этого писала, например, «Финансовая газета» ¹⁵, которая издавалась в Петрограде при активном участии известного экономического обозревателя, депутата Государственной думы, члена Прогрессивного блока И.В. Титова, ставшего после Февральской революции комиссаром Временного комитета Государственной думы по Министерству финансов ¹⁶.

На протяжении 1915 года активно продолжалось выдвижение различных проектов и обсуждение проблем, связанных с изменениями налоговой системы России, преодолением определенной архаичности ее структуры. Особенно много внимания данному вопросу уделя-

лось в работах крупных ученых-финансистов (М.Н. Соболев, П.П. Гензель, М.И. Боголепов, З.С. Каценеленбаум, И.Х. Озеров, Л.Н. Яснопольский и др.), опубликованных в нескольких выпусках сборников «Вопросы финансовой реформы в России», в «Трудах комиссии по изучению современной дороговизны», в ведущих буржуазных периодических изданиях. Критикуя, как правило, царское правительство за медлительность в деле преобразования системы прямого налогообложения, многие из названных авторов, тем не менее, предупреждали о необходимости известной «сдержанности» при обложении крупных предприятий, важности сохранения достаточного объема оборотных средств и инвестиционных капиталов у торгово-промышленных предприятий. Кроме того, нередко высказывалось мнение, что наиболее реальный путь достижения сбалансированности обыкновенного бюджета — это дальнейшее усиление косвенного обложения и в исключительных случаях введение монополий государства.

Особенно активен в этом плане был молодой доктор финансового права профессор Московского университета Павел Гензель, впоследствии крупный ученый-финансист, яркий представитель основанного И.Х. Озеровым социологического направления отечественной финансово-экономической науки¹⁷. Будучи, по рекомендации А.В. Кривошеина, членом нескольких совещательных органов Министерства финансов, в 1915 году Гензель составляет несколько детально проработанных докладных записок. В них ученый обосновывал, в частности, необходимость повышения обложения крупной земельной собственности, усиления дифференцированного подхода при реализации прямого налогообложения, увеличения налога на городскую недвижимость и пересмотра структуры ее оценки¹⁸. Тогда же получило широкий общественный резонанс его выступление в печати по поводу проведения в стране принудительного государственного займа у имущих слоев населения¹⁹. Необходимость и даже неизбежность в дальнейшем обращения к подобной операции ученый мотивировал тем, что традиционные займы, размещаемые на добровольной основе, в принципе не в состоянии справиться с теми грандиозными задачами, которые ставит война перед государственным кредитом.

Характерная черта подавляющего большинства проектов 1916 года — это приоритетное внимание к вопросам повышения эффективности внутренних правительственных займов. «Взрыв интереса к государственному кредиту», «невиданная активность и разнообразие проявлений финансовой мысли общественности» были во многом обусловлены тем, что к третьему году войны именно займы на внутреннем рынке окончательно утвердились в качестве единственной альтернативы дальнейшему наращиванию эмиссии бумажных денег. В немалой степени этому способствовало и то, что осенью 1915 года по примеру многих воюющих держав российским правительством был взят курс на всемерное расширение социальной базы своих кредитных операций внутри страны путем организации прежде всего громких пропагандистских кампаний.

Немалую известность, например, получил проект члена фондового отдела Петроградской биржи А. Финкельштейна²⁰, который предлагал выпустить по курсу 150 за 100 и сроком на 100 лет беспроцентный «Заем Победы» на сумму в 6 миллиардов рублей. Привлечь население к столь грандиозному по своим размерам займу должна была, по мнению автора, система «необыкновенно больших выигрышей» — ежегодно более 27 тысяч на общую сумму в 100 миллионов рублей, высокая ставка при проведении тиражей — вплоть до 300 рублей на сторублевую облигацию, а также наличие низких (до 25 рублей) номиналов облигаций.

Небезынтересную идею, связанную с выпуском специального «народно-сберегательного беспроцентного с выигрышами займа», выдвигал крупный ученый-финансист, один из наиболее серьезных оппонентов С.Ю. Витте в период проведения денежной реформы, профессор финансового права Петроградского университета Л.В. Ходский²¹. Как отмечал ученый, реализация подобного займа, ориентированного на аккумуляцию сбережений широких народных масс, позволила бы не только существенно уменьшить давление избыточной денежной массы на товарный рынок, но и, главное, дала бы в распоряжение государства значительные средства, необходимые для покрытия военных расходов.

К предложениям Л.В. Ходского примыкали разработки столичного банковского служащего Е.Ф. Мамаенко, связанные с проведением «постоянной бесплатной лотереи для вкладчиков сберегательных касс»²². По словам «Биржевых ведомостей», «правлящие круги» проявили к данному проекту большую заинтересованность, а его детали даже «горячо дебатировались перед тем как быть облаченными в реальную форму»²³.

Как показатель постепенно вызревавших в определенных слоях общества настроений

в пользу начала применения государством принудительных мер в борьбе за стабилизацию финансового положения империи следует рассматривать предложение известного в свое время цивилиста, обер-прокурора Сената и приват-доцента Петроградского университета М.И. Тютрюмова²⁴. По его мнению, государственным сберегательным кассам следовало существенно понизить процент дохода по непрерывно возрастающим вкладам и превратить их в своего рода облигации «со сложным участием в розыгрышах»²⁵.

Однако наибольшее внимание высшие финансовые органы империи проявили к очередной разработке профессора П.П. Мигулина. Смысл его проекта сводился к выпуску на внутреннем рынке сериями по 200 миллионов рублей большого выигрышного займа из расчета шести с лишним процентов годовых на условиях *al pari*, то есть по номинальному курсу. Однако в отличие от других авторов подобных проектов Мигулин делал ставку не на широкие слои населения, а только «на капиталистов, желающих поместить деньги из высокого процента», причем выигрыш в данном случае должен был «представлять лишь дополнительный интерес»²⁶. По замыслу Мигулина, высокая доходность способствовала бы скорому успеху займа и в короткие сроки привела бы к значительному росту его биржевых расценок, что, естественно, следовало незамедлительно обратить на пользу казны. Учитывая влияние автора, Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов провела детальный анализ данного проекта с целью определения возможностей его практической реализации и представила свои выводы Комитету финансов — «высшему совещательному учреждению по делам государственного кредита и финансовой политики». Отмечая определенные достоинства проекта, эксперты Канцелярии, тем не менее, указывали, что привлекательность займа для публики «не основана на математическом расчете». Безосновательными, по их мнению, являлись и надежды на быстрое повышение его биржевых котировок. Наконец, чрезмерно высокими представлялись объемы ежегодных выплат: если проект выигрышного займа, подготовленный в недрах самой Канцелярии, предусматривал платежи в размере 5,74 миллиона рублей на каждые 100 миллионов займа, то размер выплат по проекту Мигулина — 6 миллионов рублей. Однако самым важным здесь видится следующее. Оценивая возможные последствия активного обращения к выигрышным займам, Кредитная канцелярия особо подчеркивала, что их использование «затруднит Министерству финансов дальнейший выпуск обыкновенных займов»²⁷.

Неоднозначные отклики печати вызвало предложение о проведении в империи аннуитетного займа в облигациях номиналом от 1 до 30 рублей, автором которого являлся екатеринославский финансист А.И. Ильин. Еще в конце 1914 года он опубликовал специальную работу, посвященную применению данной разновидности правительственного кредита в условиях военного времени²⁸. Главная особенность подобных займов состояла в том, что выплаты ежегодного дохода по облигациям не производились, а прибавлялись к капитальной сумме займа и выплачивались лишь при погашении облигаций тиражами. Естественно, что в течение определенного времени подобные условия были крайне выгодны для заемщика, то есть государства. Но в конечном итоге из-за более высокой ставки ежегодного дохода такие займы требовали несравнимо больших затрат при погашении, чем традиционные долгосрочные займы со строгой периодичностью выплаты фиксированных процентов. Давая оценку проекту Ильина, профессор Ходский подчеркивал, что «если аннуитетные займы не привились даже в западноевропейских странах, при большей культурности общества, то тем более трудно рассчитывать на то, чтобы эта форма оказалась пригодной у нас, да еще в применении к займу, рассчитанному на самые широкие слои населения»²⁹.

Обращает на себя внимание и единственный в своем роде проект «Мининского Патриотического беспроцентного займа», принадлежавший М.Н. Васильеву — финансовому обозревателю из мигулинского «Нового экономиста». На протяжении всей войны, писал автор, государственные займы представляли собой «не исполнение нравственного долга пред Родиной, а просто выгодную коммерческую сделку»³⁰. Учитывая это обстоятельство, он предлагал выпустить беспроцентный долгосрочный заем, ориентированный исключительно на «патриотические чувства» десятков миллионов россиян. Выпуск займа следовало приурочить к трехсотлетию со дня кончины знаменитого Кузьмы Минина, что, по мнению автора, способствовало бы усилению патриотической направленности этой кредитной операции. Из 60 миллионов работоспособных граждан страны, считал Васильев, как минимум половина могла бы выработать в течение года дополнительные 100 рублей и вернуть их в руки государства. Таким образом, казна получила бы по меньшей мере 3 миллиарда рублей.

Интересна следующая деталь этого оригинального проекта. В целях морального стимулирования населения к участию в подписке автор предлагал учредить специальные нагрудные знаки: «Благодарность Отечества», «Память о Великой войне 1914—1916 гг.», «За оказанную Отечеству помощь в тяжелую для него годину». «Наличность такого значка или жетона... — подчеркивал автор, — позволила бы обладателю их более спокойно смотреть в глаза тем нашим воинам, которые идут в бой жертвовать своей кровью и жизнью, или возвращаются к нам с фронта ранеными и искалеченными». Примечательно, что из всего проекта Васильева только эта идея вызвала интерес со стороны Министерства финансов, которое выступило инициатором изготовления «особых медалей» для тех, кто в «той или иной форме содействовал успеху займов, реализованных во время войны». В первую очередь ими планировалось произвести награждения лиц, внесших значительный личный вклад в дело популяризации осеннего, 1916 года, трехмиллиардного внутреннего военного займа, то есть чиновников кредитных учреждений, инспекторов мелкого кредита, священников, агрономов, учителей, представителей печати и т.д. По сообщениям прессы в начале февраля 1917 года соответствующие документы были переданы главноуправляющему «Его Императорского Величества канцелярии» А.С. Танееву для доклада Николаю II и принятия окончательного решения по этому вопросу³¹.

Как следствие произошедших весной 1916 года серьезных изменений в законодательстве о прямом налогообложении³², а также определенной «демократизации» внутреннего правительственного кредита следует рассматривать проект П.П. Гензеля, который был призван стимулировать подписку на военные займы за счет предоставления дополнительных налоговых льгот держателям облигаций³³. В конце мая 1916 года он обратился к министру финансов со специальной докладной запиской. В ней он обосновывал целесообразность повышения примерно на 10 процентов ставок подоходного налога, однако для тех плательщиков, которые предъявят на эту сумму купоны от военных займов, указанной надбавки не производить. Подобные льготы предлагалось распространить и на плательщиков ряда акцизов, ставки которых также следовало увеличить. Кроме того, в целях повышения объемов золотой наличности Госбанка Павел Гензель настоятельно рекомендовал установить платеж ряда таможенных пошлин золотой монетой. Несмотря на наличие в записке достаточно привлекательных с позиций интересов государства идей, они так и не были реализованы. Главная причина этого заключалась в том, что осуществление названных мер, способных в перспективе сократить темпы роста многомиллионных прибылей крупной буржуазии, была для царского правительства просто невозможной в условиях постоянно нарастающей усилиями «общественности» кампании по дискредитации царской семьи и режима.

Приблизительно тогда же появился проект, связанный с созданием более благоприятных условий для размещения военных займов и формированием механизма индивидуального учета доходов по купонам процентных бумаг, принадлежавших плательщикам подоходного налога. Его автором был доцент Московского коммерческого института А.А. Соколов, тесно сотрудничавший с П.П. Гензелем и ставший в Советской России 20-х годов одним из наиболее авторитетных специалистов в области теории налогообложения, денежного обращения и кредита³⁴. В одной из своих работ он развивал идею введения контрольного налога на выплаты доходов по процентным бумагам. Освободить от данного налога, по его мнению, следовало только тех лиц, которые хранили свои ценные бумаги в кредитных учреждениях³⁵.

Летом 1916 года в Москве, в типографии Товарищества И.Д. Сытина, была опубликована любопытная книжка известного народовольца Н.А. Морозова, посвященная проблеме «вздрожания жизни». Претендуя, по меньшей мере, на важное достижение в теории политической экономии, будущий академик АН СССР, излагал в ней «открытые» им «законы денежного хозяйства». «Математический анализ вопроса», как подчеркивал автор, привел его «к настолько простым формулам», что они были «легко понятны для реалиста или гимназиста старших классов»³⁶. Смысл же практических рекомендаций этого неоднозначного мыслителя по борьбе с возрастающей ускоренными темпами дороговизной заключался в том, чтобы, подобно правительству императора Александра I, изъять из обращения две трети бумажных денег и... сжечь их³⁷. Правда, из работы Морозова трудно понять, каким образом государству следовало изымать из оборота миллиарды бумажных рублей.

Значительное ухудшение финансово-экономического положения империи на рубеже 1916—1917 годов способствовало заметному возрастанию количества писем и разного рода записок в центральные правительственные учреждения с предложениями конкретных мер по

сдерживанию развития кризисных явлений и улучшению ситуации в различных сферах народного хозяйства. Большая часть подобных обращений в различные подразделения Министерства финансов и Госбанка была посвящена вопросам повышения эффективности пропаганды и реализации военных займов, увеличению притока в казну добываемых драгоценных металлов и тазаврированной населением золотой и серебряной монеты, усилению правительственного контроля за частными эмиссиями и деятельностью коммерческих банков, пресечению нецелевого использования бюджетных средств «общественными организациями», улучшению деятельности сберкасс и т.д. Как правило, авторами указанных обращений являлись лица, придерживавшиеся монархических убеждений, искренне желавшие оказать помощь царскому правительству.

В качестве типичного примера можно привести «докладную записку» отставного статского советника Н.И. Сазонова, прослужившего 40 лет по линии финансового ведомства, в том числе 17 лет в должности алатырского уездного казначея Симбирской губернии³⁸. Обращаясь накануне Февральской революции к главе Управления государственными сберегательными кассами Госбанка, он писал о необходимости принятия срочных мер, направленных на устранение формализма в деятельности служащих сберкасс, обеспечение их более «внимательного отношения к публике». Особое внимание, указывал автор, следовало обратить на повышение эффективности работы сберкасс по популяризации военных займов, разъяснению, в первую очередь крестьянству, особенностей операций по государственному страхованию, что «пока еще не поставлено на желаемую более твердую почву». По мнению Сазонова, при решении этих задач было бы целесообразно активнее опираться на тех, кто готов «к добровольному сотрудничеству». Примечательно, что для развернутого изложения своих соображений по этим вопросам руководству Государственного банка автор собирался даже приехать в Петроград, однако, в конечном итоге был вынужден ограничиться указанной запиской, а также публикацией ее основных положений в провинциальной газете «Симбирянин».

Говоря об основных проявлениях финансовой мысли российской общественности в 1916 году, нельзя не отметить и появившиеся тогда планы ускоренного развития производительных сил страны в послевоенный период. Как правило, вопросам урегулирования денежного обращения, реструктуризации государственного долга, перестройки налоговой системы и кредитно-банковского дела уделялось в них особенно много внимания.

Обсуждение в научных и деловых кругах вопроса о послевоенных перспективах народного хозяйства России фактически началось с докладной записки «Об учреждении экономического совещания», составленной руководителями Совета съездов представителей промышленности и торговли В.И. Тимирязевым и В.В. Жуковским и направленной ими в Совет министров³⁹. Выражая мнение членов ведущей организации верхов торгово-промышленной буржуазии, авторы документа подчеркивали необходимость выработки программы «ликвидации всех военных потерь и развития производительных сил страны», а также создания «целой, стройной системы хозяйственных реформ в духе широкой общественной свободы» и вместе с тем «в духе активности государства»⁴⁰.

Весомый вклад в развитие идей, изложенных в записке В.И. Тимирязева и В.В. Жуковского, внесла Финансовая комиссия указанного Совета, к работе которой в 1916 году были привлечены ведущие ученые-финансисты в лице профессоров М.И. Фридмана, М.В. Бернацкого, И.М. Кулишера, М.И. Боголепова, а также А.И. Буковецкого⁴¹. Главной задачей этого органа, представлявшего собой в известной степени альтернативу официальным комиссиям и совещаниям при Министерстве финансов, являлась разработка не только программы послевоенного экономического развития России, но и общих оснований преобразования налоговой системы, проектов новых налогов.

Как справедливо подчеркивает академик Б.В. Ананьич, активную роль в деятельности указанной группы специалистов стал играть профессор Политехнического института, сторонник так называемого «культурного капитализма» Михаил Бернацкий, ставший впоследствии министром финансов Временного правительства⁴². В октябре 1916 года им был подготовлен доклад «К вопросу об условиях развития производительных сил России», в котором, в частности, утверждалось, что одним из условий поступательного развития отечественной экономики в послевоенный период должно быть проведение широких преобразований в сфере финансов, направленных на реформу банковского законодательства, превращение Государственного банка в независимое эмиссионное учреждение, восстановление золотого монометаллизма,

усиление роли прямого обложения, введение ряда монополий, борьбу с роскошью⁴³.

Немалый резонанс в буржуазной прессе вызвал и обстоятельный доклад профессора М.И. Фридмана⁴⁴ «О будущей экономической и финансовой политике России», прочитанный им 30 января 1917 года в Совете съездов представителей торговли и промышленности. Как свидетельствует сохранившийся авторский «предварительный набросок» названного доклада⁴⁵, а также изложение его основных положений в кадетской «Речи»⁴⁶, Фридман в целом с оптимизмом смотрел на будущее отечественных финансов. Он выражал твердую уверенность в способности экономики России сравнительно быстро залечить нанесенные войной раны, хотя ей и предстояло «напрячь все силы и старания, чтобы податными ресурсами обеспечить и запросы государственного кредита, и нормальные нужды страны». Более того, отдельные высказывания дают основание полагать, что ученый придерживался мнения о лучших, выражаясь современным языком, стартовых возможностях России для восстановления народного хозяйства после наступления мира по сравнению с другими участвовавшими в войне державами. Залогом этого он считал огромные запасы природных богатств, начиная от леса, разнообразных полезных ископаемых, и заканчивая «водными силами», то есть гидроэнергетическими ресурсами.

По утверждению М.И. Фридмана, главной задачей «ликвидации оставленного войной наследия в области государственного хозяйства» станет, во-первых, обеспечение «покрытия платежей по заключенным во время войны» займам, во-вторых, упорядочение форм государственного кредита «путем консолидации краткосрочных займов, превращая их в долгосрочные и с помощью урегулирования отношений между казначейством и государственным банком, возникших на почве выпуска кредитных билетов»⁴⁷. Достижение «удовлетворительного состояния» финансов Фридман считал «одним из необходимых условий экономического прогресса» страны. Что же касается обеспечения устойчивого положения правительственного кредита, то «лучшим стимулом» здесь должно было стать «податное обеспечение процентов по займам» и «планомерность» в реализации соответствующих мероприятий власти.

В то же время ученый предостерегал от первоначальной «высоты обложения» капиталов, так как «при напряжении налогов делается менее привлекательной производительная деятельность». «Решение проблемы, — указывал Фридман, — надо искать в искусственном оживлении, в форсировании народнохозяйственной жизни путем оставления в обороте большого количества кредитных билетов. Это создаст усиленное предложение капиталов, оживленное грюндерство, параллельно усиленной постройке железных дорог и развитию горного дела». «Чрезмерное поначалу количество денег, — продолжал ученый, — мало-помалу окажется соответствующим потребностям оборота. При обилии денег и усиленной деятельности, как во время войны, велики заработки, громадны и прибыли. В такой атмосфере и высокие налоги не страшны»⁴⁸.

Являясь в целом сторонником умеренно-либерального «сценария» финансово-экономического развития России в будущем, Фридман в своем докладе уделил особое внимание вопросу о фискальных монополиях, которые, как писал он еще в начале 1916 года, должны были стать одним из важнейших элементов послевоенной налоговой системы⁴⁹. Подробно рассматривая «выгоды» и отрицательные стороны торговых и производительных монополий, практику их применения за рубежом, «предубеждения и предрассудки в этой области», ученый активно убеждал представителей деловых кругов в необходимости согласиться с широким использованием подобных фискальных мер в России. Он подчеркивал, что «сознавая все недостатки государственных монополий, представители промышленности не должны, однако, возражать против этой реформы (то есть введения многочисленных монополий. — В.С.), в виду тех исключительных условий, которые вызваны обстоятельствами военного времени»⁵⁰. По мнению докладчика, первоочередными объектами торговых монополий государства должны были стать чай, сахар, табак, нефть и керосин. Правда, соответствующие решения должны были быть приняты, как указывал Фридман, «при соображении опасностей бюрократического хозяйства и неустройства правительственной машины в настоящее время». В перспективе фискальный монополизм казны следовало распространить и на отпуск электроэнергии, а также ее транспортировку. Примечательна реакция присутствовавших на призывы Фридмана поступиться частью прибылей ради наполнения бюджета. По свидетельству «Речи», они «категорически возражали против предложения докладчика». Более того, ими доказывалось, что ни при каких условиях государственные монополии «не могут быть допустимы с точки зрения народного хозяйства, так как они убивают инициативу и тормозят развитие производительных сил страны»⁵¹.

Указанные выше финансово-экономические проблемы были широко представлены и в появившейся в самый канун Февральской революции книге профессора И.Х. Озерова с весьма характерным названием — «Новая Россия». К сожалению, этот труд видного ученого-финансиста, тесно связанного с крупным капиталом⁵², до сих пор не получил достойной оценки в историко-экономической литературе. Между тем данная книга, будучи своеобразным продолжением его работы «На новый путь! К экономическому освобождению России» (1915 г.), заслуживает сегодня самого пристального внимания. На наш взгляд, обусловлено это в первую очередь тем, что в ней фактически изложена концепция послевоенной модернизации экономической и социально-политической жизни России. Причем в том виде, который отвечал целевым установкам значительной части верхов торгово-промышленной и банковской буржуазии.

Главной задачей, стоявшей перед страной, ученый считал не столько достижение победы в войне, что, впрочем, не вызывало у него серьезных сомнений, сколько всемерное развитие производительных сил, которое он оценивал «как дело великой государственной важности»⁵³. Озеров полагал, что определяющими условиями практического решения этой задачи должны стать максимальная либерализация хозяйственной жизни и формирование идеологии «экономического творчества». «Сейчас же нужно, — подчеркивал автор, — проводить железные дороги, строить фабрики, не боясь для этого выпуска кредитных билетов, если это потребуется, так как эти билеты увянут в работе, а главное, надо освободить русскую промышленность от лежащих на ней пут, надо выставить лозунг: свобода экономической деятельности, нужна другая творческая экономическая политика»⁵⁴.

В качестве необходимого фактора эффективного развития производительных сил ученый рассматривал выдвижение на «политической арене» торгово-промышленного класса. «Нельзя развивать производительные силы страны, — утверждал И.Х. Озеров, — не создав для этого общих благоприятных условий, а эти условия заключаются в спокойной политической обстановке, при которой протекало бы политическое строительство страны»⁵⁵. В то же время, выражая явную неудовлетворенность кадетами и позицией либеральной интеллигенции в целом, он указывал, что российская буржуазия «едва ли может примкнуть к какой-либо существующей уже политической партии». Основная причина этого, по его мнению, заключалась в том, что в России нет «такой партии, которая бы держала знамя яркой экономической политики». Поэтому торгово-промышленному классу следовало образовать свою, «особую партию с ярко выраженной экономической программой и известной политической физиономией»⁵⁶.

Касаясь вопроса о «проектах монополий» на товары широкого потребления, И.Х. Озеров не скрывал отрицательного к ним отношения. Свою позицию он мотивировал тем, что разного рода казенные монополии, в том числе на водку, не способны в принципе дать после окончания войны значительных доходов. Несовместимы были они и с задачами обеспечения качественного и количественного роста отечественной буржуазии. «...Монополизация некоторых отраслей хозяйственной деятельности, — указывал в этой связи Озеров, — еще более закрепит наш промышленный класс, а задача настоящего времени — раскрепощать население: нам нужно выращивать независимые в общественном отношении силы. Экономическая мощь страны может вырасти только на базе независимых общественных сил...» Более того, государственные монополии, по его мнению, были вредны с точки зрения возможностей прибыльного приложения капиталов и развития предпринимательской инициативы: «Сегодня — одна монополия, завтра — другая, послезавтра — третья, и обыватель не будет знать, куда же идти со своей энергией, куда нести свой труд и знание, и не попадет ли он в тупик. Это может создать маразм в промышленной жизни у нас, и частная энергия будет никнуть». «Одним словом, — как бы резюмировал автор, — мы стоим перед огромной зияющей брешью в нашем бюджете, и, чтобы законопатить эту брешь, требуется не заплата, а требуется нечто новое, творческое». Наиболее целесообразным, по мысли финансиста, являлось не развитие практики казенных монополий и значительное усиление «налогового винта», а всемерное стимулирование роста налогооблагаемой базы. «Конечно, — писал Озеров, — нужно привлечь имущие классы к более интенсивному питанию нашего доходного бюджета, но ключ к питанию нашего бюджета находится в изменении нашей экономической политики»⁵⁷.

Думается, что не лишним будет упомянуть и о неоднократных призывах автора учиться у немцев методам рационального хозяйствования, трудовой дисциплине и организованности, широкой интеграции науки и производства, приоритетному вниманию к развитию транспортной сети. Именно все это, а не усиление государственного регулирования хозяйственной жизни,

являлось, по мнению ученого, главным фактором экономической устойчивости Германии в крайне неблагоприятных условиях блокады военного времени. Тем не менее, как бы развивая свою давнюю идею об «американской прививке», Озеров подчеркивал, что в процессе формирования новой, либеральной по своему характеру экономической модели России все-таки следовало ориентироваться на Америку. Она же, по мнению финансиста, должна была стать и главным торговым партнером нашей страны в послевоенный период, ведущим зарубежным инвестором в ходе реализации задачи ускоренного развития производительных сил.

Последние недели существования самодержавия в России были ознаменованы и развернувшейся среди столичных финансистов и экономистов дискуссией о путях послевоенной стабилизации денежного обращения. Поводом для ее начала послужил выход в свет работы М.И. Туган-Барановского «Бумажные деньги и металл», а также публикация им в кадетской «Речи» ряда статей, посвященных изложению его «теории ценности денег» и основанного на ней плана «денежной реформы».

Важно подчеркнуть, что за этой, казалось бы, академической полемикой стояли реальные экономические и политические интересы влиятельных социальных и профессиональных групп, неоднозначность видения в буржуазно-интеллигентских кругах перспектив и, если можно так выразиться, магистрального направления финансово-экономического развития России в послевоенный период. Что касается М.И. Туган-Барановского, то его позиция в данном вопросе в значительной степени отражала, на наш взгляд, мнение большей части руководства кадетской партии, которая под влиянием преимущественно зарубежной практики хозяйственного регулирования военного времени стала склоняться к нецелесообразности в перспективе «ухода» государства из экономической сферы, на чем активно настаивала крупная торгово-промышленная буржуазия.

Утверждая, что «девальвация известного рода фактически совершилась» и что после войны, по всей видимости, «рубль спустится до четвертака», то есть по своей покупательной способности будет равен 25 довоенным копейкам, Туган-Барановский призывал смириться с этим, так как падение ценности денег «в определенной мере выгодно государству с его огромным долгом». Состоявшаяся скрытая девальвация рубля, по мысли ученого, должна будет обеспечить номинальное увеличение государственного бюджета в четыре раза, то есть до 12 миллиардов рублей. Это в свою очередь позволит не только сравнительно быстро ликвидировать дефицит бюджета, но и осуществлять выплаты по обслуживанию и погашению государственного долга в объеме 2 миллиардов рублей ежегодно. «Иными словами, — писал Туган-Барановский, — падение ценности рубля в четыре раза равносильно уменьшению в четыре раза тяжести всех долговых обязательств казны, заключенных в бумажной валюте»⁵⁸.

В то же время он указывал, что падение ценности денег «наносит трудно поправимые удары» народному хозяйству, так как «расстраивается пропорциональность общественного производства и возникает общая неустойчивость хозяйственных отношений».

Именно поэтому ученый говорил о необходимости «задержать дальнейшее падение курса» рубля внутри страны и придать ему «устойчивость» на международном рынке путем в первую очередь сосредоточения в Госбанке всех операций по купле-продаже иностранной валюты. Выступая против В.М. Штейна и других сторонников инфляционизма, за которыми стояли верхи торгово-промышленной буржуазии, считавшие огромные капиталы военного времени важным фактором стимулирования развития производительных сил страны, Туган-Барановский особо подчеркивал, что «здравая и твердая денежная политика должна считаться не с интересами того или другого отдельного общественного класса, как бы влиятелен он ни был, а с общими интересами национального целого»⁵⁹.

С другой стороны, ученый не разделял мнение тех, кто выступал за скорейший возврат после окончания войны к золотому монометаллизму любой ценой. Как бы отвечая Л.С. Элияссону, одному из самых активных сторонников подобных взглядов, широко представленных в банковских кругах, Туган-Барановский писал: «Возвращение к золотой валюте я считаю в ближайшие годы экономически невозможным и в виду этого придаю особое значение мерам по поддержанию вексельных курсов»⁶⁰.

Что же касается предлагавшейся Туган-Барановским «денежной реформы», то она должна была обеспечить создание новой денежной системы России, основанной на девальвированной валюте и занимающей как бы промежуточное состояние между «бумажным» и «золотым» рублем.

Февральская революция и последовавшие затем демократические перемены оказали значительное и разноплановое по своему характеру влияние на финансовую мысль российской общественности. В короткие сроки резко возрастает количество проектов и предложений, посвященных вопросам реформирования финансов «свободной России». Причем немалая их часть направлялась популярными общественными и политическими деятелями, которые часто не имели непосредственного отношения к сфере государственных финансов. Своеобразным лидером в этом отношении являлся А.Ф. Керенский. Соответствующие письма он стал получать буквально с первых недель своего нахождения на посту министра юстиции. Например, уже 9 марта на его имя была отправлена «докладная записка» некоего юриста с двадцатилетним стажем из Феодосии, в которой доказывалась целесообразность усиления обложения недвижимости и наследств, а также введения единовременного военного налога в размере 5—10 процентов на все денежные капиталы физических лиц ⁶¹.

Одновременно наблюдается заметное изменение социального состава авторов проектов и предложений. Большинство из них являлись мелкими служащими, встречались крестьяне, учащиеся. Естественно, что низкий, как правило, уровень образования подобных авторов, отсутствие у них специальных знаний и опыта работы в финансовой сфере существенно снижали практическую значимость предлагавшихся ими мероприятий, многие из которых носили откровенно утопический характер.

Гораздо шире, чем ранее, общественная инициатива в сфере финансов стала отражаться в печати. Проблеме состояния государственных финансов и различным мерам по стабилизации их положения были посвящены сотни и сотни публикаций в самых различных по своей политической направленности периодических изданиях.

Однако наиболее важная особенность финансовой мысли общественности в 1917 году видится в том, что в силу складывавшихся конкретно-исторических условий она в короткие сроки была почти полностью подчинена политическим интересам, с одной стороны, так называемой «революционной демократии», подпадавшей под все большее влияние социалистических идей и большевистских лозунгов, с другой — крупной буржуазии, одна из главных задач которой заключалась в противостоянии «левению» курса Временного правительства в области финансово-экономической политики, нейтрализации последствий его «революционных шагов» в данной сфере. При этом само государство, его специфические потребности и реальные возможности оказывались отодвинутыми на задний план. А те или иные проявления финансовой мысли чаще всего имели ярко выраженную классовую и идеологическую «окраску», не свойственную им ранее форму категорических требований многочисленных «резолуций» и «постановлений» различных политических и общественных организаций. Именно эти обстоятельства, а также продолжавшаяся война с ее огромными расходами во многом предопределили своеобразие содержания общественной инициативы в сфере финансов, главным объектом которой стало прямое налогообложение.

Впрочем, проекты и предложения первых недель после Февраля еще не отличались радикализмом и революционностью. Появившиеся в этот период записки и обращения были посвящены преимущественно несовершенству апрельского 1916 года Закона о подоходном налоге, чему в немалой степени способствовало начало его практической реализации.

Так, обращаясь в марте к «Бесценному Товарищу Народа» — А.Ф. Керенскому, уполномоченный служащих Саратовской губернской земской управы В.П. Макаров указывал на противоречивость и сложность понимания многих норм названного законодательного акта, в котором было «все, что способно сбить с толку человека не только малограмотного, но даже ученого» ⁶². В этой связи автор предлагал не только улучшить юридическую технику закона, но и исключить статью о необлагаемом минимуме дохода. Последнее Макаров мотивировал тем, что в результате революции в стране установлено равноправие и, следовательно, платить подоходный налог должен «каждый гражданин Государства».

О несоответствии Закона своим задачам писал в середине марта министру финансов М.И. Терещенко и присяжный поверенный из Петрограда Эгерт ⁶³. Главным недостатком этого акта он считал отсутствие положений, предусматривавших обложение дополнительных прибылей, получаемых в результате постоянного роста курсовой стоимости дивидендных бумаг. Здесь же приводились расчеты, свидетельствовавшие, что ликвидация указанного пробела в законе о подоходном обложении могла бы принести казне многомиллионные доходы.

Немалый интерес представляет и адресованная министру финансов «докладная

записка» Ю.Я. Пинке из Омска, служившего, по всей видимости, податным инспектором⁶⁴. Подчеркивая, что закон о подоходном налоге создавался «в спешном порядке и не отработан всесторонне», автор указывал на невозможность его реализации ввиду малочисленности штатов податных инспекторов, которые «ни в коем случае не в силах проверить подаваемые Гражданами заявления», то есть налоговые декларации. Он также обращал внимание на то, что в наиболее выгодное положение законом несправедливо поставлены представители свободных профессий в лице парикмахеров, художников, докторов, адвокатов, а также извозчики, чьи доходы фактически оставались вне какого-либо учета и контроля. И, наоборот, в полном объеме должны были платить подоходный налог государственные служащие, имевшие фиксированное жалование, несоизмеримое с темпами удорожания жизни. Учитывая эти обстоятельства Пинке предлагал, во-первых, привлечь к сбору налога всех служащих финансовых органов и «определенные группы Граждан», во-вторых, учредить специальную комиссию для разработки дополнений к закону, устраняющих названные недостатки.

О том, что несовершенство закона «сплошь и рядом» порождает десятки неразрешимых вопросов, а также является одной из главных причин значительных организационно-технических трудностей при исчислении и взимании подоходного налога, отмечалось и во многих других обращениях с мест. Например, негативными впечатлениями о ходе уплаты налога и своими соображениями по его доработке делился с министром финансов податный инспектор А.И. Селитренников из Ялты⁶⁵. Указывая на массовое сокрытие населением полученных в 1916 году доходов, он призывал ужесточить наказание за обман государства, поднять ставки обложения и, главное, допустить к сбору налога «членов демократических организаций» — советов, комитетов, профсоюзов и кооперативов. По мысли автора, указанные меры позволили бы существенно поднять уровень поступлений от налога и оказать дисциплинирующее воздействие на плательщиков.

Апрельский кризис Временного правительства и формирование первого коалиционного кабинета, дальнейшее усиление поляризации и политизации общества, ускоренное развитие финансово-экономического кризиса, беспрецедентные темпы роста расходов казны весной 1917 года — все это способствовало резкому повышению социально-политической значимости вопроса о состоянии государственных финансов и реформы налоговой системы. Немалую роль здесь сыграл и знаменитый «Заем Свободы», выпущенный Временным правительством 27 марта в целях дальнейшего финансирования войны⁶⁶. Политическая поддержка этой кредитной операции эсеро-меньшевистскими Советами, многочисленными демократическими организациями и армейскими комитетами в конце апреля — первой половине мая неизменно сопровождалась требованием незамедлительного увеличения уровня прямого обложения буржуазии и помещиков. Довольно часто говорилось и о необходимости отчуждения в пользу государства принадлежавших церкви драгоценностей и денежных капиталов.

Так, резолюция Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в поддержку «Займа Свободы», принятая 22 апреля после острой многодневной борьбы между большевиками и эсеро-меньшевистскими лидерами, одновременно требовала от Временного правительства «скорейшего проведения коренной финансовой реформы, правильно построенного прогрессивного подоходного и поимущественного налога, налога на наследство, обращения в пользу государства военной сверхприбыли»⁶⁷. В качестве примера можно привести и типичное по своему содержанию постановление собрания гарнизона форта Ино, расположенного на Балтийском побережье Финляндии. В нем прямо указывалось на поддержку займа «при условии», во-первых, «опубликования всех тайных договоров и соглашений с союзниками», во-вторых, «немедленном издании закона о высоком прогрессивном подоходном обложении всех капиталистов», в-третьих, «немедленной конфискации всех прибылей капиталистов за 1916 год, в том числе и прибыли банков» и, наконец, в-четвертых, «немедленной конфискации всех церковных и монастырских капиталов»⁶⁸.

Многочисленные, но далеко не однозначные отклики в столичной и провинциальной печати вызвало выступление священника Елашенцева на проходившем в середине апреля 1917 года в Минске съезде представителей армейских выборных организаций Западного фронта. В своей речи, вызвавшей «бурную овацию», командированный в действующую армию настоятель храма села Терновки Саратовской губернии не только призывал духовенство к активному участию в «Займе Свободы», но и прямо ставил вопрос о безвозмездной передаче в казну используемых при богослужениях золотых сосудов и крестов, дорогих окладов Евангелия. Более того, следо-

вало также «взять сокровища Александро-Невской, Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лавр, тяжелые митры», «капиталы монастырей», «снять золотые купола соборов, заменив их черным железом, как траур, как вечная память павшим за свободу; снять золотые ризы и драгоценные камни с чудотворных икон, так как от этого чудотворность их не убавится»⁶⁹. Представляется, что благодаря широкому резонансу в прессе данное выступление немало способствовало формированию у так называемых «демократических слоев» убежденности в правомерности предъявления материальных требований к «генералам церкви», которые, выражаясь словами одного из ведущих печатных органов эсеров, «хоть теперь должны искупить свою вину перед народом и прийти на помощь государству»⁷⁰. Однако речь Елашнцева знаменательна прежде всего тем, что в ней по сути впервые были публично озвучены многие идеи, которые в будущем активно воплотились в жизнь большевиками в ходе разграбления Русской православной церкви.

Что касается непосредственно общественных проектов периода конца весны — лета 1917 года, то по своей тональности большинство из них было тесно связано с указанными выше «резолюциями» и «постановлениями». Аналогичной, как правило, была и главная цель — скорейшее и значительное усиление подоходного и поимущественного обложения состоятельных слоев населения. Более того, приблизительно с конца мая в письмах и обращениях во Временное правительство и Петроградский совет начинают встречаться принципиально новые моменты. Их смысл выражался в том, что в качестве единственной альтернативы дальнейшему углублению финансового кризиса и банкротства государства предлагалось не просто увеличить обложение крупных капиталистов и земельных собственников, а ввести максимально высокие по своим ставкам «революционные» и «чрезвычайные» налоги, предусматривающие жесткие санкции за их неполный или несвоевременный платеж. Очевидно, что сам факт появления подобных идей свидетельствовал о дальнейшей радикализации «налогового сознания» широких масс под влиянием большевистской пропаганды, непрерывно возраставшей инфляции, заявлений отдельных членов Временного правительства, и прежде всего министра труда меньшевика М.И. Скобелева⁷¹, о необходимости перехода к политике «налоговой беспощадности». Представляется, что немалое значение здесь имели и глубокие сомнения наиболее активной части революционно настроенной «демократии» относительно способности и желания Временного правительства реализовать в полном объеме положения июньских законов о прямом налогообложении⁷².

Примечательна следующая деталь. Если первоначально в виде основного объекта «революционных» налогов фигурировали крупные денежные доходы буржуазии, а также прибыли предприятий и организаций, то в дальнейшем акцент стал делаться на повышении поимущественного обложения. Эта своеобразная смена приоритетов объяснялась, по всей видимости, тем, что, во-первых, налоговые законы от 12 июня практически не касались обложения имущества, во-вторых, как справедливо подчеркивал П.В. Волобуев, «из-за обесценения денег денежные доходы утратили в 1917 году свое прежнее значение; решающее значение получило обладание имуществом»⁷³.

Характерным в связи с вышесказанным можно считать проект некоего Г.Л. Шкаровского из Одессы. В своей обстоятельной записке, датированной началом июня, он предлагал ввести разработанный им «Единовременный Всеобщий Революционный налог»⁷⁴. Плательщиками данного налога должны были стать все граждане, являвшиеся собственниками недвижимости. Причем оклад налога следовало строго соотносить с ценностью имущества. Для собственников небольших объектов недвижимости налоговый платеж должен был составлять фактически номинальную сумму — 5 рублей. С крупных же собственников автор считал вполне возможным взимать налог в размере 5 процентов от стоимости имущества.

Для сравнения приведем пример другого порядка, ярко отражающий позицию буржуазных кругов по этому же вопросу. Почти одновременно с появлением проекта Шкаровского, точнее 23 июня, вопрос о поимущественном налоге обсуждался на соединенном заседании отделов совещания по изменению налоговой системы, которое было образовано при Министерстве финансов в апреле 1917 года. Основным докладчиком являлся профессор И.М. Кулишер. Главная идея его выступления сводилась к тому, что взамен появившегося 12 июня единовременного налога с 1918 года «желательно ввести» постоянный поимущественный налог для физических и юридических лиц, ставки которого находились бы «в умеренных пределах», так как уже существуют реальные и «чрезвычайно высокий» подоходный налог. Размер ставок он предлагал установить на основе прогрессивной шкалы от 0,1 процента до 0,5 процента стоимо-

сти имущества. Причем для юридических лиц следовало «во избежание чрезмерного обременения» исчислять налог лишь с половины стоимости имущества и имеющихся в их распоряжении денежных капиталов. Более того, его уплата должна была производиться «хотя и сообразно ценности имущества, но не из имущества, а из дохода»⁷⁵. Иными словами, авторитетный ученый заранее как бы резервировал для торгово-промышленных предприятий и банковских учреждений возможность не платить предлагаемый им налог. Любопытно, что, полностью поддерживая Кулишера, участники заседания, главным образом ученые-финансисты, посчитали нужным особо отметить обусловленность введения указанного налога «совершенно исключительными обстоятельствами переживаемого времени», которое заставляет «доводить обложение до крайних пределов» и возлагать на «имущественные классы чрезвычайно тяжелое бремя»⁷⁶.

Говоря о финансовых инициативах торгово-промышленных и банковских кругов в 1917 году, следует подчеркнуть, что основная масса требований и предложений, вышедших из этой среды касалась пересмотра июньских налоговых законов Временного правительства. Причем атака на эти законодательные акты началась еще до их появления, когда стало ясно, что под напором революционных масс и в связи с открытием Первого Всероссийского съезда Советов, Временное правительство намерено пойти на популистские меры в сфере налогообложения с целью сбить накал политической борьбы в Петрограде.

Так, еще 10 июня один из печатных органов банковского сообщества, откровенно высмеивая несостоятельность и бесперспективность политики «беспощадного обложения», настоятельно «рекомендовал» Временному правительству «объявить металл, именуемый золотом, в чем бы он не заключался, государственной собственностью и конфисковать в пользу отечественной казны все золото, находящееся на территории Государства Российского». Более того, явно издеваясь над безуспешными попытками министра финансов А.И. Шингарева и эсеро-меньшевистских лидеров привлечь к «Займу Свободы» крупную буржуазию, газета «советовала» своим читателям, которым она предсказывала скорую потерю «всех прибылей» и «всех процентов с капиталов», обменивать золотые вещи на облигации займа, которые таким образом превратятся в самые «обеспеченные» бумажки⁷⁷.

Наибольшую активность в оказании давления на Временное правительство с целью изменения его налогового курса проявляли, как убедительно показал П.В. Волобуев, руководители ведущих предпринимательских союзов и организаций⁷⁸. В многочисленных записках и публикациях буржуазной печати доказывалась ошибочность и опасность июньского «налогового эксперимента», его несоответствие платежным силам и психологическим установкам «публики», налоговому потенциалу и интересам работающей на оборону промышленности.

Сходные мотивы присутствовали и в ряде писем частных лиц к министру финансов. Например, юнкер второго взвода второго эскадрона Елисаветградского кавалерийского училища Георгий Шидловский, находясь, видимо, под впечатлением высоких ставок подоходного налога, установленных соответствующим июньским законом, довольно квалифицированно излагал собственную «теорию прогрессивного подоходного налога»⁷⁹. Интересно, что автор обращал внимание на объективно существующую зависимость между предельными ставками обложения и суммами поступлений от налога и, таким образом, в чем-то, на наш взгляд, предвосхищал знаменитую «кривую Лаффера».

После июльских событий в Петрограде параллельно с усилением нажима на Временное правительство по поводу отмены налоговых законов торгово-промышленные и банковские круги начинают активно ориентировать Министерство финансов на значительное усиление косвенного обложения путем повышения акцизных ставок и введения новых акцизов. Более того, отдельные представители крупной буржуазии были готовы даже смириться с установлением ряда торговых монополий казны. Причем наиболее предпочтительным здесь считалось восстановление казенной продажи водки⁸⁰.

Любопытным проявлением «налоговой мысли» крестьянства периода Временного правительства представляется письмо на имя министра финансов крестьянина деревни Встробовка Калужского уезда, бывшего гренадера, участника русско-турецкой войны 1877—1878 годов Ивана Георгиевича Болтышева. Будучи, видимо, деятельной натурой, к 1917 году этот крестьянин приобрел богатый опыт общения с высшими властными структурами в связи со своими проектами и предложениями. В свое время он обращался к П.А. Столыпину, вызываясь в Главное артиллерийское управление, которое заинтересовалось одной из его разработок. Теперь же Болтышев предлагал существенным образом изменить налоговую систему государства. Указы-

вая на запутанность, несправедливость и неравномерность обложения существовавшими налоговыми платежами, всю тяжесть которых несли на себе «бедные классы населения», он рекомендовал реализовать на практике свой проект «Единого, однородного, промыслового, подоходно-оборотного налога»⁸¹. По утверждению автора, практическая реализация этого по сути универсального налога позволила бы раз и навсегда устранить, выражаясь современным языком, чрезмерный фискализм и социальную несправедливость обложения в России.

Одна из ярких страниц истории общественной инициативы в сфере финансов после Февраля связана с вопросом о принудительном займе. Как указывалось выше, впервые в России эту идею озвучил осенью 1915 году профессор Гензель. Вновь он начинает пропагандировать ее в начале мая 1917 года, когда стало очевидным, что из-за крайне сдержанного участия крупного капитала в «Займе Свободы», данная кредитная операция не сможет оправдать возлагавшихся на нее надежд. Ученый утверждал, что «государство должно оказать сильнейшее принуждение на обращение крупных свободных средств» и лучшим инструментом в данном случае может стать только проведение принудительного займа⁸². Обосновывая этот тезис, он писал, что, несмотря на наличие элемента принуждения, подобный заем у состоятельной части населения способен дать гораздо больше средств казначейству, нежели любой высокий налог, так как «всякий кредитор, даже если он сделался им насильно», всегда находится в гораздо лучшем положении по сравнению с налогоплательщиком, теряющим свои деньги безвозвратно. Кроме того, в условиях России, где «фиск абсолютно не осведомлен ни о размерах доходов граждан, ни о степени состоятельности плательщиков, взыскать хоть на сколь-нибудь справедливых началах одновременно достаточно крупные суммы» являлось, по мнению Гензеля, практически нереальным.

Несмотря на отрицательное отношение к принудительному займу со стороны Министерства финансов и предпринимательских кругов, идея его проведения была активно поддержана эсеро-меньшевистскими лидерами. В данной кредитной операции они увидели имеющую важное значение альтернативу ускоренной и коренной по своему характеру реформе налоговой системы, чреватой полным разрывом с буржуазией и ее политическими руководителями. Неслучайно, один из ведущих печатных органов эсеров в конце мая прямо писал, что ввиду отказа буржуазии поддержать «Заем Свободы», необходимо направить ее капиталы в казну с помощью принудительного займа⁸³.

Однако развернувшаяся острая борьба вокруг налоговых законов 12 июня привела к тому, что для эсеро-меньшевистских лидеров идея реализации подобного займа уже потеряла свою политическую актуальность. Тем не менее, Гензель не только ни оставляет мысль о «проталкивании» подобной кредитной операции, но и разрабатывает «Примерную постатейную схему законопроекта» о «Российском Государственном 5¹/₂ % военном ликвидационном займе 1917 года», которую направляет на рассмотрение Министерства финансов и публикует в печати⁸⁴. Согласно этому документу, заем, выпускаемый по курсу 100 за 100 сроком на 20 лет, должен был обеспечить поступление в казну порядка 10 миллиардов рублей. Официально подписка объявлялась «добровольной». Однако в обязательном порядке на заем должны были подписаться все плательщики подоходного налога, имевшие по результатам 1917 года свыше 2 тысяч рублей облагаемого дохода. Важной особенностью законопроекта являлось наличие прогрессивной шкалы обязательной суммы подписки, соотнесенной с объемом дохода. Так, лица, имевшие облагаемый доход в размере от 10 до 20 тысяч рублей в обязательном порядке подписывались на сумму не менее чем на 15 процентов, соответственно от 20 до 50 тысяч рублей — 30 процентов, свыше 200 тысяч рублей — 60 процентов. Кроме того, дополнительные обязательства по подписке налагались на лиц, являвшихся плательщиками ряда других налогов: земельного, с недвижимых имуществ, квартирного, промыслового и т.д.

Одновременно с разработкой эмиссионных условий займа Гензель «реанимирует» один из своих проектов 1916 года и предлагает Министерству финансов систему мероприятий, направленных на стимулирование подписки на «Заем Свободы» за счет предоставления широких налоговых льгот держателям его облигаций⁸⁵. Однако эти детально проработанные предложения, как, впрочем, и проект принудительного займа Гензеля, остались невостребованными. Очевидно, что главная причина этого состояла в том, что, в полной мере отвечая потребностям государства, данные проекты были слабо сопряжены с экономическими интересами подавляющей массы торгово-промышленной и банковской буржуазии, которая видела в них лишь очередное посягательство на свои капиталы. Понимание необходимости поступиться частью своих

прибылей ради предотвращения окончательного скатывания государства в пропасть финансового краха было характерно лишь для наиболее дальновидных представителей предпринимательских кругов. По этим же обстоятельствам остались лишь на бумаге и проекты принудительных займов «гения финансового мира» России А.И. Путилова и профессора М.И. Туган-Барановского⁸⁵, которые, впрочем, по своим технико-эмиссионным условиям и общей направленности существенно уступали разработке Гензеля.

Таким образом, период 1914—1917 годов, совпавший со временем участия России в Первой мировой войне, характеризовался существенным возрастанием роли и значения общественной инициативы в сфере государственных финансов, большим разнообразием, практической направленностью, немалой оригинальностью выдвигаемых проектов и предложений. Наиболее продуктивным в этом отношении являлся, безусловно, дофевральский период, ярко продемонстрировавший, несмотря на постоянное усиление политической конфронтации между властью и либеральной оппозицией, приоритетную ориентацию общественных проектов на обусловленные войной запросы и потребности государства. Правда, в силу своей инертности и неповоротливости, государственная машина не смогла в достаточной мере реализовать тот огромный позитивный потенциал, который был создан инициативами общественности в области публичных финансов. Тем не менее, особенно важным видится то, что в последние месяцы существования имперской России общественная инициатива в области финансов уже фактически жила проблемами послевоенной эпохой.

Февральская революция, оказавшая масштабное и неоднозначное воздействие на многие стороны жизни страны, не могла ни отразиться на инициативах общества в сфере финансов. Проекты и предложения 1917 года имели преимущественно антибуржуазную направленность, в значительной массе были связаны с прямым налогообложением и, главное, ориентированы не столько на финансово-экономические, сколько на политические результаты. По существу финансовая мысль общественности периода Временного правительства стала заложником ускоренной поляризации общества, непрерывно возраставшего накала социально-политической борьбы, скатывания страны в бездну разрухи и социальных потрясений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914—1917) / Пер. с нем. М. Заммеля. М.; Л., 1926; Бляхер В.Я. Государственные займы дореволюционной России и их аннулирование Советским правительством / Дис. ... канд. экон. наук. М., 1955. Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914—1917). М., 1960; Власенко В.Е. Теории денег в России: конец XIX — дооктябрьский период XX в. Киев, 1963; Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Погребинский А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968; Ананьич Б. «Взаимодействие капитала ума и капитала денег» // Россия XXI. 1998. № 11—12; Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914—1917 гг. СПб., 2002.

² Полное собрание законов Российской империи. 3-е изд. Т. 25. № 25853.

³ Загорский С.О. Современная финансовая проблема // Современный мир. 1916. № 2. С. 60. О нем подробнее см.: Корицкий Э.Б. Экономические взгляды С.О. Загорского // Зарубежная Россия. 1917—1945. СПб., 2004. С. 233—240.

⁴ Фридман М.И. О новых налогах // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1914, 17 ноября; Посников А.С. Увеличение податного бремени // Вестник Европы. 1914. № 10. С. 299—311; он же. Подоходный налог и военный сбор // Вестник Европы. 1914. № 11. С. 374—383; Боголепов М.И. Война, финансы и народное хозяйство. Пг., 1914; и др.

⁵ Посников А.С. Подоходный налог и военный сбор. С. 383.

⁶ Хохлов М. Война и финансы // Новое время. 1914. 16 сент. Примечательно в этой связи и мнение графа С.Ю. Витте, который в это время настаивал на всемерном повышении косвенного обложения, в том числе за счет введения налогов на хлеб и ткани. См.: Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. № 161. С. 88—91.

⁷ См.: Русские ведомости. 1914. 25 авг.; Новый экономист. 1914. № 39. С. 4; Новое время. 1914. 17 сент.; и др.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 395. Оп. 1. Д. 1929а. Л. 213—231. Подробнее о П.П. Мигулине см.: Балахонова Е.В. Забытые имена в истории российской экономической мысли: П.П. Мигулин // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 456-465; Дмитриев А.Л. П.П. Мигулин: штрихи к портрету // Страницы российской

истории: проблемы, события, люди: Сб. статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 257—263; Беляев С.Г. Указ. соч. С. 39—40.

⁹ См.: Туган-Барановский М.И. Новые бумажные деньги // Речь. 1915. 22, 24 апр.

¹⁰ О нем см.: Добкин Л.З. Выдающийся финансист // Деньги и кредит. 1991. № 9. С. 69—70.

¹¹ Боголепов М. Проект выпуска мелких билетов казначейства // Вестник Европы. 1915. № 5. С. 359—360.

¹² Докладная записка члена Комитета финансов, заслуженного профессора, тайного советника И.И. Кауфмана его превосходительству г. министру финансов: Отзыв о некоторых, возникших в Комитете финансов предположений, касающихся мелких достоинств кредитных билетов и билетов Государственного казначейства. Пг., 1915. С. 23. О нем см.: Боголепов М. И.И. Кауфман [Некролог] // Вестник Европы. 1916. № 1. С. 438—439; Дроздов О.А. И.И. Кауфман и совершенствование финансовой системы России // История финансовой политики в России: Сб. статей. СПб., 2000. С. 262—276.

¹³ См.: Никитский А. [Гурьев А.Н.] Опасный проект и ложная теория // Современник. 1915. № 5. С. 228—236.

¹⁴ См., напр.: Речь. 1915. 1 апр.

¹⁵ См.: Орлов А.Г. Как извлечь золото из обращения // Финансовая газета. 1915. 21 авг.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6996. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.

¹⁷ Подробнее о нем см.: Гончарова А.Ю. Экономические воззрения П.П. Гензеля // Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2000.

¹⁸ См.: Беляев С.Г. Указ. соч. С. 129—130.

¹⁹ См.: Русские ведомости. 1915. 2 окт.

²⁰ Финансовая газета. 1916. 26 янв.

²¹ Ходский Л. Народные сбережения и выигрышные займы // Новый экономист. 1916. № 30. С. 4—5.

²² Там же.

²³ Биржевые ведомости (вечер. вып.). 1916. 17 июля.

²⁴ Подробнее о нем см.: Лаасик Э. Профессор И.М. Тютрюмов как преподаватель Тартуского университета в 1920—1940 гг. // Советское право (Таллин). 1983. № 2.

²⁵ Ходский Л. Указ. соч. С. 4.

²⁶ РГИА. Ф. 583. Оп. 19. Д. 83. Л. 5.

²⁷ Там же. Л. 4.

²⁸ Ильин А.И. К вопросу о мобилизации государственных и общественных финансов для нужд военного времени: система аннуитетных займов и проект выпуска внутри страны большого государственного аннуитетного займа. Екатеринослав, 1914.

²⁹ Ходский Л. Указ. соч. С. 5.

³⁰ Васильев М.Н. Мининский Патриотический беспроцентный заем // Новый экономист. 1916. № 5. С. 3—4.

³¹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 4 февр.

³² 6 апреля 1916 г. появился Закон «О государственном подоходном налоге», а 13 мая — Положение Совета министров «Об установлении временного налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий и о повышении размеров отчислений на погашение стоимости некоторых имуществ при исчислении прибылей, подлежащих обложению процентным сбором». Взимание данных налогов должно было начаться с января 1917 г.

³³ См.: Вопросы финансовой реформы в России. Вып. 1. Т. 2. М., 1917. С. 11—13.

³⁴ Подробнее о нем см.: Кучеров И.И. Профессор А.А. Соколов — основоположник учения о налогах // Соколов А.А. Теория налогов. М., 2003. С. 6—58.

³⁵ См.: Соколов А.А. Подоходный налог // Гензель П., Соколов А. Финансовая реформа в России. Вып. 1. М., 1916. С. 9.

³⁶ Морозов Н. Как прекратить «вздорожание жизни?»: Основные законы денежного обращения. М., 1916. С. 5.

³⁷ Там же. С. 74—76.

³⁸ ГАРФ. Ф. 7113. Оп. 1. Д. 12. Л. 103—104.

³⁹ Ананьич Б. Указ. соч. С. 19.

⁴⁰ Там же. С. 20.

⁴¹ Там же. С. 22.

⁴² Подробнее о нем см.: Ананьич Б.В. Экономические взгляды М.В. Бернацкого // История финансовой политики в России: Сб. статей. СПб., 2000. С. 278—287.

⁴³ Ананьич Б. «Взаимодействие капитала ума и капитала денег». С. 23.

⁴⁴ Подробнее о нем см.: Дмитриев А.Л. Михаил Исидорович Фридман // Петроградский Политехнический институт в 1917 г. СПб., 1999. С. 43—50.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 7421. Оп. 1. Д. 25. Л. 6—8.

⁴⁶ Речь. 1917. 31 янв.

- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 7421. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.
- ⁴⁸ Там же. Л. 6 об.
- ⁴⁹ См.: Фридман М.И. К вопросу о монополиях // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 16. С. 120.
- ⁵⁰ Речь. 1917. 31 янв.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Подробнее см.: Шевырин В.М. Иван Христофорович Озеров (1869—1942) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 184.
- ⁵³ Озеров И. Новая Россия. Пг., 1916 [на авантитуле — 1917]. С. 23.
- ⁵⁴ Там же. С. 24.
- ⁵⁵ Там же. С. 30.
- ⁵⁶ Там же. С. 31. В этой связи обращает на себя внимание «частное совещание представителей торгово-промышленных организаций», которое состоялось 31 января 1917 г. в Петрограде и было посвящено выбору кандидатов на пост председателя Совета съездов представителей торговли и промышленности взамен скончавшегося Н.С. Авдакова. В резолюции совещания, в частности, подчеркивалось, что «решено оставаться на прежней финансово-экономической платформе и касаться политических вопросов постольку, поскольку они связаны с правильностью разрешения стоящих на очереди финансово-экономических проблем». См.: Речь. 1917. 1 февр.
- ⁵⁷ Там же. С. 99—101.
- ⁵⁸ Туган-Барановский М. Куда мы идем? // Речь. 1917. 8 февр.
- ⁵⁹ Там же. 11 февр.
- ⁶⁰ Там же. 8 февр.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 252. Л. 27.
- ⁶² Там же. Л. 10—12.
- ⁶³ Там же. Л. 1—4 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 19.
- ⁶⁵ Там же. Л. 28.
- ⁶⁶ См.: Вестник Временного правительства. 1917. 30 марта.
- ⁶⁷ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 апр.
- ⁶⁸ Там же. 25 апр.
- ⁶⁹ Петроградская газета. 1917. 16 апр.; Киевлянин. 1917. 16 апр.; Земля и воля. 1917. 28 апр. 3 июня.
- ⁷⁰ Земля и воля. 1917. 28 апр.
- ⁷¹ Выступая 13 мая 1917 г. в Петроградском Совете, Скобелев представил радикальную по своему характеру программу борьбы с финансово-экономическим кризисом в стране. Один из главных ее пунктов требовал 100 % изъятия в пользу государства прибылей капиталистов и «беспощадного» обложения их имущества. Подробнее см.: Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 318—319.
- ⁷² 12 июня 1917 г. на заседании Временного правительства были приняты три закона, существенно повышавшие нормы обложения крупных доходов физических лиц, а также прибыли предприятий и организаций: «О повышении окладов государственного подоходного налога», «Об установлении единовременного налога» и «Об изменении оснований и размеров временного налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий». Текст законов см.: Вестник Временного правительства. 1917. 16 июня. Подробный анализ этих актов приведен в монографии П.В. Волобуева. См.: Волобуев П.В. Указ. соч. С. 321—323.
- ⁷³ Там же. С. 324.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 252. Л. 40—42 об.
- ⁷⁵ Там же. Д. 366. Л. 49.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Финансовая газета. 1917. 10 июня.
- ⁷⁸ См.: Волобуев П.В. Указ. соч. С. 327—331.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 252. Л. 45—47.
- ⁸⁰ См.: Волобуев П.В. Указ. соч. С. 336.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. 6996. Оп. 1. Д. 252. Л. 48—49 об.
- ⁸² Гензель П. Кредитная политика государства и органов местного самоуправления // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 18. С. 163.
- ⁸³ Принудительный заем // Земля и воля. М., 1917. 24 мая.
- ⁸⁴ Гензель П. Принудительный заем и меры поощрения подписки на займы // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 24. С. 426—429.
- ⁸⁵ См.: Финансовое обозрение. 1917. № 16. С. 3—4; Утро России. 1917. 23 июля.

К.А. Белоусова

ИРАНО-ИРАКСКАЯ ВОЙНА (1980—1988) И ПОЛИТИКА США В ИРАКЕ

На политику США на Ближнем Востоке в 1980-е годы повлияла ирано-иракская война, начавшаяся в сентябре 1980 года и длившаяся десять лет. На протяжении всех этих лет позиция США по отношению к войне в целом и к двум воюющим странам менялась, определяясь различными факторами. В число этих факторов прежде всего входил и неизменный американский интерес — экономический, политический, военно-стратегический, состояние отношений между Ираном и Ираком на тот или иной период войны, иными словами, баланс или дисбаланс между двумя воюющими сторонами, внутреннее положение в этих странах, а также позиция Советского Союза.

Во второй половине XX века, до начала войны, отношения Ирана и Ирака претерпевали значительные трансформации: от участия в одном военном блоке (Багдадский пакт) до напряжения отношений вплоть до продвижения к границам войск. Иран и Ирак имели весьма серьезные разногласия: территориальный спор, религиозные расхождения, курдская проблема, проблема ущемления шиитов на юге Ирака и др. Однако до сколько-нибудь серьезных вооруженных столкновений дело не доходило. В 1975 году в Алжире было подписано ирано-иракское соглашение, которое разрешило межгосударственный территориальный спор. Кроме того, из Ирака был выслан аятолла Хомейни, который долгое время жил в Кербеле и являлся главным идеологом и вождем оппозиции шахскому режиму.

После исламской революции в Иране в 1979 году, отношения претерпели резкие изменения в худшую сторону, тогда как разность государственных устройств до революции, а именно монархия в Иране и республика в Ираке, не мешала установлению и поддержанию относительно добрососедства.

После прихода к власти в Иране радикального шиитского духовенства, Тегеран стал резко критиковать Багдад за ущемление прав шиитского большинства Ирака, упирая не столько на религиозную доказательную базу, сколько на ошибки баасистского руководства. Более того, Тегеран ставил вопрос о необходимости расширения шиитского представительства, тем самым ставя под сомнение компетентность самого баасистского руководства.

Таким образом, иракское правительство встало перед выбором: либо терпеть жесткое идеологическое давление, либо бороться против него.

Среди целей, преследуемых Ираком в войне, можно выделить следующие: лидерство в регионе Персидского залива и замена Египта как доминирующей страны региона Ближнего Востока, особенно в связи с выдвиганием Ирака как председателя движения неприсоединения, которым тот должен был стать в 1982 году. Вторым по важности был нефтяной фактор, являвшийся не только причиной конфликта (в частности, Ирак хотел захватить или установить контроль над богатой нефтью провинцией Хузестан, где преобладало арабское население), но и главной финансовой подпиткой обеих стран. Кроме того, Ирак стремился пересмотреть в свою пользу соглашения, определившие границы между двумя странами.

Со своей стороны Иран преследовал цель уничтожить режим Саддама Хусейна, экспорта исламской революции в Ирак, где преобладало шиитское население, а в перспективе создать пояс государств с шиитским руководством: Ирак — Сирия — Ливан. Кроме того, война и использование фактора «военной опасности» помогло бы подавить внутреннюю оппозицию, добиться национального консенсуса и консолидации вокруг имама Хомейни.

Политика США в регионе до исламской революции в Иране была направлена на обеспечение интересов американских нефтяных монополий, сохранение своего контроля за поставками нефти в Японию и Европу, а также в США, на противоборство влиянию Советского Союза и соответственно на усиление своего влияния. Ее форпостами в этом регионе, кроме Израиля, были Саудовская Аравия и шахский Иран.

Ирак занимал особое место в регионе. Антиимпериалистический курс Ирака, разрыв дипломатических отношений с США в 1967 году, подписание в 1972 году советско-иракского Договора о дружбе и сотрудничестве и национализация нефтяной промышленности в этом же году только усилили подозрительность США к Ираку.

Соединенные Штаты пытались использовать Саудовскую Аравию и Иран для оказания давления на Ирак с целью смягчить его антизападный курс. Кроме того, Вашингтон развивал экономические связи с Ираком в своих целях, чему не мешало отсутствие дипломатических отношений,

В директиве № 18 Президента США «Национальная стратегия США», подписанной Д. Картером 24 августа 1977 года, были сформулированы основные положения «доктрины Картера», в частности, создание «сил быстрого развертывания» для действий в отдаленных районах мира. К таким районам причислялись Ближний Восток и Персидский залив. Директива № 10 объявляла Персидский залив зоной военно-стратегических интересов и предусматривала возможность вмешательства вооруженных сил США в дела региона «для отражения внешней агрессии, для защиты союзников и обеспечения поставок нефти»¹.

Вскоре после падения шахского режима президент Д. Картер выдвинул доктрину, согласно которой всякой попытке извлечь выгоду из организовавшегося в результате падения шаха вакуума силы в Заливе США окажут сопротивление с помощью силы. Таким образом, Персидский залив был провозглашен «сферой жизненных интересов» США, что было объяснено необходимостью сохранить доминирующее положение американских монополий в регионе, где, по словам Картера, «сосредоточено более $\frac{2}{3}$ мировых запасов нефти»².

Военная интервенция США предусматривалась не только в случае отражения внешней агрессии против государств Залива, но и по иным причинам, как-то: нападение Ирака на Кувейт или Саудовскую Аравию. В таком случае американцы были готовы высадить американский морской десант, а также нанести ответные воздушные удары американских ВВС по иракским войскам, авиабазам и источникам нефти³.

Последствием провозглашения доктрины стало создание сил быстрого реагирования, позже подчиненных Центральному командованию (СЕНТКОМ).

После начала революции в Иране Соединенные Штаты стали проводить политику, провоцирующую конфликт между Ираном и Ираком. В частности, руководство Ирака было снабжено через ЦРУ ложными данными о слабости иранской армии и силе иранской оппозиции, заверяя Багдад в том, что тот одержит быструю и решительную победу над своим «заклятым врагом». Курс на разжигание конфликта между Ираном и Ираком стал более определенным после их неудачной попытки, предпринятой в апреле 1980 года, спасти американских дипломатов, взятых в заложники в Иране. Такая политика Соединенных Штатов по разжиганию вражды между Ираном и Ираком была, несомненно, выгодна для США. Во-первых, создавались условия для усиления влияния США в регионе, а также возможность непосредственного участия в событиях. Во-вторых, внимание Ирака отвлекалось от действительного его врага — Израиля. И, в-третьих, война ослабила бы как Иран, так и Ирак — обе страны, настроенные антиамерикански, пусть даже и в разной степени.

Соединенные Штаты Америки прервали свои дипломатические отношения с Ираном в апреле 1980 года. Что же касается Ирака, то американцы, потерпев неудачу разрешить американо-иранский конфликт своими силами, стали стремиться вовлечь в него третью силу в лице Ирака, что тоже явилось одной из причин разжигания конфликта.

В это же время прослеживается тенденция налаживания отношений с Ираком, что было обусловлено целым рядом обстоятельств. Одним из них явилось стремление Ирака наладить отношения с арабскими государствами Залива и некоторое отдаление от СССР. В заявлении в конгрессе в сентябре 1980 года помощника госсекретаря Гарольда Сондерса есть такие слова: «Нас радует, что Ирак добился большей гармонии в отношениях с арабскими соседями в Заливе», отметив, что роль Багдада в регионе усилилась⁴.

Высказывание З. Бжезинского свидетельствует об определенной доле заигрывания США с Ираком: «Мы не считаем, что интересы США и Ирака в принципе несовместимы. Мы понимаем стремление Ирака к независимости. Его желание видеть таким Персидский залив, безопасность которого обеспечена, и мы не считаем, что американо-иракские отношения должны развиваться в духе антагонизма. Мы не хотим, чтобы такое ненормальное положение в наших отношениях сохранялось, хотя и отдаем себе отчет в том, что для их улучшения надо пройти долгий путь»⁵.

Встреча госсекретаря Эдмунда Маски и иракского министра иностранных дел Саддуна Хаммади в ООН стала своего рода символом нового этапа ирако-американских отношений.

После начала войны Вашингтон официально объявил, что он придерживается политики нейтралитета и невмешательства. Примечательны в этой связи слова Г. Киссинджера уже после того, как он ушел в отставку: «Как жаль, что обе страны не могут потерпеть поражение»⁶.

Усиление любой из этих двух стран было невыгодно для США. Ирак, победивший

в войне, представлял бы угрозу Средиземноморью и самое главное Израилю. В свою очередь Иран стал бы доминирующей страной Персидского залива; к тому же неутешительны были прогнозы его политики в вопросе о ценах на нефть.

Как Ирак, так и Иран испытывали недоверие к Соединенным Штатам, полагая, что те будут помогать противной стороне. Заявление Маски о том, что США против расчленения Ирана, было расценено иракской прессой как предвестник американской помощи для того, чтобы не допустить краха Ирана. «Мы можем легко установить связь между официальными намеками американского режима и его готовностью снабжать персидский режим оружием и боеприпасами, чтобы спасти его от неминуемого поражения»⁷.

Однако время шло, а американцы не вмешивались в войну на стороне Ирана. Они не посылали туда оружия даже из числа оплаченного шахским режимом на сумму в 550 миллионов долларов. Это дало Ираку повод к оптимизму. За день до освобождения заложников С. Хусейн в своем интервью сказал: «...дипломатические отношения с США не могут быть нормализованы из-за палестинского вопроса. Однако, когда отношения Америки с арабами станут позитивными и их точка зрения относительно наших прав станет справедливой, мы сможем восстановить наши дипломатические отношения с ними». Хусейн даже определил тип изменений, которые произошли в американской политике по отношению к Ираку: «США не исправляют свою политику радикально, а лишь частично и в форме мелких, временных и мимолетных проб. Мелкие изменения не следует принимать за крупные радикальные перемены, но позитивные перемены надо поощрять»⁸.

Следует отметить, что даже после освобождения заложников 31 января 1981 года оружие в Иран послано не было.

Новая администрация Рейгана была оценена в Багдаде более высоко, нежели предыдущая. Заместитель премьер-министра Ирака Тарик Азиз с оптимизмом отметил, что новая администрация «предпримет усилия, чтобы понять арабскую ситуацию и решить проблемы честным, справедливым и законным образом»⁹.

Такие заявления Багдада не остались незамеченными. Новый госсекретарь А. Хейг призвал к стратегическому консенсусу для противодействия советскому экспансионизму. Он отметил «определенный сдвиг» в сторону улучшения отношений с Ираком, который был частично обусловлен «большим чувством тревоги в связи с поведением советского экспансионизма в ближневосточном конфликте»¹⁰. Однако, видимо, потому, что «советский экспансионизм» не являлся основной заботой Ирака, встреча помощника госсекретаря с министром иностранных дел Ирака в Багдаде в апреле 1981 года не была успешной. В интервью 5 апреля Хаммади подтвердил традиционную линию Ирака в вопросе об отношениях с США¹¹.

Тем не менее, госдепартамент отменил запрет на продажу Ираку пяти пассажирских самолетов «Боинг», хотя они могли использоваться для транспортировки войск. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, наблюдался рост в торгово-экономических связях между США и Ираком. Импорт из США в Ирак составил в 1970 году 18 миллионов долларов, в 1975 году — 370 миллионов долларов, в 1980 году — 797 миллионов долларов и в 1982 году — 931 миллион долларов¹².

Одним из самых примечательных последствий ирано-иракской войны для всего региона явилось наращивание американских сил в Персидском заливе. Через месяц после начала войны по просьбе правительства Саудовской Аравии в страну прибыли 4 американских самолета, снабженные системами АВАКС «для предотвращения возможного нападения Ирака на саудовские нефтепромыслы»¹³. В американской прессе, а чуть позже и в политических кругах была начата кампания об угрозе прекращения вывоза нефти из Персидского залива в случае перекрытия Ормузского пролива Ираком. Перед самым началом войны заместитель госсекретаря Уоррен Кристофер заявил, что США сохранят проливы открытыми для торгового судоходства любыми средствами, вплоть до применения военной силы¹⁴. Со слов председателя сенатской комиссии по иностранным делам Ф. Черча, «США вместе со своими союзниками должны быть готовы использовать свои ВМС с целью сохранить Ормузский пролив открытым»¹⁵. С подобными предложениями выступил и заместитель лидера демократического большинства в сенате А. Крэнстон.

Официальная же позиция оставалась неизменной — «строгий нейтралитет»¹⁶. Однако практические шаги США расходились с официальной позицией. В печати была организована утечка информации о подписанном Картером секретном меморандуме № 51, в котором были из-

ложены основные принципы ядерной политики США на Ближнем Востоке и дано указание Пентагону подготовиться к применению там ядерного оружия¹⁷. Комментарий к этому сообщению сводился к тому, что ирано-иракская война будет «первым ограниченным испытанием новой военной политики, которую разработали США... По сути дела — это стратегия смелого, быстрого вмешательства, подкрепленного возможностью пригрозить противнику американским ядерным оружием»¹⁸.

Несмотря на заявления Ирана и Ирака¹⁹ о готовности обеспечить нефтеснабжение, Вашингтон начал наращивать свое военное присутствие в Персидском заливе. Всего в регион было введено около 60 военных кораблей, в том числе 2 авианосца, на борту каждого размещалось около 170 военных самолетов, 6 крейсеров и 7 фрегатов с управляемыми ракетами. Около 30 из этих судов принадлежали США, остальные — Англии, Франции и Австралии²⁰.

Такой курс на использование ирано-иракской войны для усиления своего присутствия в регионе был продолжен и Рейганом. «Доктрина Рейгана» была сконцентрирована на урегулировании прежде всего региональных, локальных конфликтов как основы мира и безопасности.

Сфера деятельности Центрального командования Вооруженных Сил США, созданного в январе 1983 года как реакция на события в Афганистане, самовольно, без каких-либо консультаций с правительствами соответствующих стран или тем более просьб с их стороны была распространена на 19 ближневосточных и прилегающих к ним государств и простиралась от Пакистана и Индийского океана до Красного моря и Восточной Африки.

Рейган «обошел» «доктрину Эйзенхауэра», в которой утверждалось, что вооруженное вмешательство США в дела той или иной ближневосточной страны последует лишь после «просьбы» соответствующего правительства. В военной стратегии США на 1984—1988 годы, в которой Ближнему Востоку отводилось особо важное место, предписывалось «американским силам быть готовыми в случае необходимости по собственной инициативе занять позиции в этом районе, не дожидаясь приглашения дружественного правительства».

Предоставленные Египтом, Оманом, Сомали и Кенией американцам новые базы, колоссальные закупки вооружений Саудовской Аравией у США и запасы там этого оружия для американских сил быстрого реагирования, предоставление права беспрепятственного использования саудовского воздушного пространства и акватории этой страны в своих целях — все это способствовало беспрецедентному сосредоточению американского военного присутствия в районе Персидского залива.

Пятилетний план строительства и расширения военных баз на Ближнем Востоке и в Индийском океане, разработанный в 1980 году администрацией Картера, был существенно расширен и детализирован при Рейгане. Суть плана заключалась в создании американцами сети опорных пунктов в регионе, где до этого их практически не было.

В соответствии с данным планом было подписано соглашение с Бахрейном о праве использования аэродромов, портов и территориальных вод этой страны в качестве баз развертывания. СЕНТКОМ использовал новые и старые базы для своих операций, они же являлись и тренировочными центрами подготовки, обучения и повышения профессионального уровня личного состава. Важным элементом учебного процесса стало проведение совместных маневров и учений в территориальных водах Омана²¹.

Тем не менее, у стран Залива отмечалось нежелание терпеть американское военное присутствие, что обуславливалось целым рядом факторов. Прежде всего арабские страны были недовольны израильской политикой США. Кроме того, у них вызывало сомнение обещание США о том, что они выполнят взятые на себя обязательства в «критические моменты».

Апрель 1981 года ознаменовался визитами высокопоставленных лиц Запада в Саудовскую Аравию. В их числе были госсекретарь США А. Хейг, делегация американского конгресса во главе с сенатором Г. Бейкером, премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, федеральный канцлер ФРГ Г. Шмидт.

Задача А. Хейга состояла в информировании руководителей Королевства Саудовская Аравия о «новом подходе» американской администрации к проблемам Ближнего Востока. В «новом подходе» ничего принципиально нового не было: он был основан на концепции о глобальном противоборстве с СССР и возвращении США главенствующей роли в мире. Однако с точки зрения Вашингтона палестинская проблема в этот период отошла на задний план, утратив свою остроту, а «главный упор в американской политике на Ближнем Востоке» должен был быть сделан «на новой стратегии в районе Персидского залива»²². При этом Хейг подтвердил

обязательства США защищать район Персидского залива от «советской угрозы» и от «агрессивных поползновений СССР». Министр обороны К. Уайнбергер детализировал новую стратегию Вашингтона как «необходимость военного присутствия Соединенных Штатов, которое приветствовали бы ближневосточные страны»²³. О «советской военной угрозе» и силах быстрого развертывания, которые «могли бы обеспечить оборону Персидского залива» в случае возникновения таковой, говорила и М. Тэтчер²⁴.

Однако все эти заявления не укрепили страны Залива в мысли о необходимости американского военного присутствия в регионе. Разумно предположить, что американцы слишком большой упор делали на советской военной угрозе и слишком мало внимания уделяли действительно насущным проблемам Ближнего Востока.

Так, министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд ибн Фейсал в интервью журналу «Аль-Маджалля» выразил недоумение по поводу настойчивых заявлений руководителей США и ряда западных стран о некоей угрозе Заливу. Он подчеркнул, что единственная опасность для Ближнего Востока кроется в экспансионистской агрессивной политике Тель-Авива, и в заключение призвал администрацию Рейгана пересмотреть свою ближневосточную политику²⁵. Схожие заявления были сделаны государственными деятелями Кувейта, Бахрейна и Катара²⁶. «США хотят вернуться на Ближнем Востоке к политике военных блокад и баз. Эта политика, полностью отвечая экспансионистским амбициям Израиля, несомненно, наносит значительный ущерб правам и интересам арабских государств»²⁷.

Арабские государства Залива, за исключением Омана, негативно отнеслись к попыткам американцев обосноваться в этой зоне и отвергали тезис о «советской угрозе». Видимо, именно визиты западных политических деятелей подтолкнули государства Залива к необходимости создания внутриарабской организации, которая смогла бы обеспечить безопасность района собственными силами. Проекты такой организации выдвигались и ранее. Кроме того, непрекращающаяся война между Ираком и Ираном действительно создавала угрозу Ормузскому проливу, план обороны которого был представлен Оманом и одобрен государствами Персидского залива.

Вопрос о создании военного союза стран Залива обсуждался в Эт-Таифе 25—29 января 1981 года на конференции глав исламских государств Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна, Объединенных Арабских Эмиратов, Омана и Катара. На встрече обсуждался предложенный Кувейтом проект координации действий между государствами Залива в политической, экономической и военной областях, а также проект обороны Ормузского пролива, выдвинутый Оманом.

На совещании министров иностранных дел этих же стран в Эр-Рияде 4—5 февраля было принято решение о создании Совета по сотрудничеству арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Несмотря на сохранение разногласий внутри самого Совета, особенно по поводу иностранного военного присутствия в регионе, создание этой организации явилось ответом на усилия США развернуть там свои силы.

Некоторые арабские страны, расположенные за пределами Персидского залива, также выступили со своими предложениями по обеспечению безопасности в регионе. Так, король Иордании Хусейн предложил следующую программу: объявить район Залива нейтральной зоной при сохранении гарантии невмешательства, возложить оборону Залива на страны региона, гарантировать непрерывные поставки нефти странами Залива своим клиентам, сконцентрировать усилия на справедливом решении палестинской проблемы, для того чтобы избежать использования нефтяного эмбарго как стратегического экономического оружия.

«Отказ арабов присоединиться к какому-либо альянсу, — комментировала этот проект «Ад-Дусгур», — должен убедить администрацию США, что их отношения с СССР не так занимают воображение арабов, как освобождение оккупированных арабских земель»²⁸.

В 1981 году ход войны изменился в пользу Ирана. Иранские войска перешли в контрнаступление и вступили на территорию Ирака. Вашингтон оказался на перепутье. Одна часть политической элиты призывала поддерживать линию нейтралитета. Другая ее часть настаивала на необходимости помощи Ираку и возобновления с ним дипломатических отношений. Приводились следующие аргументы для обоснования этой позиции. Во-первых, разгром Ирака станет причиной уязвимости для Ирана и стран ССАГПЗ, которые не имеют таких возможностей для обороны. Во-вторых, Ирак сам стремится к улучшению отношений с США. В-третьих, победа ни одной из стран не допустима, поскольку она означала фактически безраздельное доминирование победившей страны в регионе. Вначале администрация Рейгана склонялась к тому, чтобы

продолжать политику нейтралитета. Были даже попытки воспрепятствовать продаже Францией Ираку ракет «эксосет», поскольку Иран угрожал заблокировать Ормузский пролив в случае применения Ираком этих ракет ²⁹.

Однако вскоре возобладала вторая точка зрения о необходимости помощи Ираку. Некоторые исследователи отмечают еще один фактор, способствовавший улучшению американо-иракских отношений. К этому времени баасисты признали тот факт, что Израиль является постоянным фактором на Ближнем Востоке и были готовы принять любое решение, если оно будет приемлемым для палестинцев ³⁰.

В 1982 году Ирак был исключен из списка стран, поддерживавших «международный терроризм». Это расширило возможности предоставления американских кредитов и экспорта товаров. В начале 1983 года, когда Ирак находился на грани банкротства, Вашингтон предоставил ему кредитные гарантии на сумму 400 миллионов долларов для экспорта из США пшеницы и другой продукции сельского хозяйства. Кроме своего прямого назначения, этот шаг произвел благоприятное впечатление на других возможных кредиторов Ирака ³¹.

Кульминационным моментом стало решение администрации Рейгана о восстановлении дипломатических отношений с Ираком, что было воплощено в жизнь в конце 1984 года и послужило новым толчком к развитию торгово-экономических отношений между двумя странами. Проникновение на иракский рынок было выгодным для США.

Подписание в сентябре 1985 года соглашения о торговле и сотрудничестве между США и Ираком облегчило расширение поставок сырья и готовой продукции из США, поскольку экспортно-импортный банк США мог увеличить кредитование американских фирм, экспортировавших товары в Ирак, только после подписания межправительственного соглашения о торговле. Основными статьями экспорта из США в Ирак были продукция сельского хозяйства, поставки машин и оборудования. Расширилось также сотрудничество в сфере нефтяной промышленности.

Любопытным фактом стала поставка двух крупных компьютеров новейших марок для Иранской нефтяной компании и министерства внутренних дел. Компьютерные технологии являются стратегическим товаром, и лишь вмешательство министра обороны США К. Уайнбергера помогло преодолеть возражения лиц, ответственных за контроль над такого рода экспортом, и осуществить эту сделку.

Поставки США в Ирак в середине 1980-х годов носили военный характер. К их числу можно отнести самолеты транспортной авиации, вертолеты «Белл», автотранспорт. Очень вероятно, что США обеспечивали Ирак разведывательной информацией, получаемой с самолетов АВАКС, поставленных Соединенными Штатами Саудовской Аравии. Позже американцы снабжали иракцев информацией, получаемой со своих спутников, непосредственно о театре военных действий, что позволяло иракскому руководству предвидеть и предвосхищать последствия военных операций иранских войск.

Кроме того, США предоставили Багдаду кредит суммой в 2 миллиарда долларов на сельскохозяйственные и другие экономические нужды.

Однако такая поддержка США Ирака во время ирано-иракской войны вовсе не говорила о том, что США стояли за победу Ирака в войне. Напротив, их целью было истощение воюющих сторон, чтобы в послевоенный период именно США решали судьбу обескровленных народов Ирана и Ирака. Эта роль была не новой, а в геополитических постулатах имеет название «третьего радующегося».

Такая позиция США подтверждается фактом тайной продажи оружия Ирану. Цель этих поставок заключалась в том, чтобы в конечном итоге решить судьбу американских и других западных заложников в Ливане и восстановить дипломатические отношения с Ираном. Поскольку поставки оружия воюющим сторонам и во взрывоопасные регионы мира запрещены американским законодательством, а эти махинации были разоблачены, разразился скандал, известный под названием «Ирангейн».

Таким образом, при всех тайных или явных причинах продажи оружия Ирану налицо оказался факт поддержки обеих воюющих сторон, что доказывает двуличную позицию США.

Однако же смягчение антизападных выступлений Багдада, восстановление дипломатических отношений с Соединенными Штатами, расширение экономических связей со странами Запада, и в особенности с США, — все это по большому счету было политической игрой Ирака. Как показали события последующих лет, такая перемена во внешнеполитической ориентации

Ирака носила временный, тактический характер. Военная и материальная помощь, столь необходимая Ираку, а также политические дивиденды, получаемые от «дружбы» с Западом, придавали Ираку политический вес, а также приближали к победе. Политическое сближение с монархиями Залива также служило этим целям. Такая политика, кроме того, способствовала формированию Фронта общееарабской солидарности в борьбе с Ираном. Несомненно, финансовое богатство монархий Залива явилось движущей силой в укреплении этих отношений. Нефть финансировала всю войну как со стороны Ирака, так и Ирана. Наряду с прямыми военными расходами, перед Ираком встала необходимость восстановления разрушенных объектов народного хозяйства. В общем, король Фахд оказал Саддаму Хусейну существенную помощь в войне с Ираном. Саудовская Аравия предоставила Ираку заем в размере 16 миллиардов долларов, а также значительные безвозвратные субсидии³². Аналогичную помощь Ираку оказывал Кувейт.

Таким образом, в дипломатии Багдад настаивал на том, что целью Тегерана является свержение всех аравийских монархических режимов, и потому объединение усилий стран Залива необходимо в борьбе Ирака против Ирана.

Соединенные Штаты Америки поддержали резолюцию Совета Безопасности ООН № 598 от 20 июля 1987 года, призывавшую воюющие стороны прекратить масштабные военные операции, и в конечном итоге одобрили решение Ирака о ее принятии и полном одобрении ее требований. И это, несмотря на то, что Ирак был вынужден вследствие политики Ирана в отношении курдских сепаратистов, пойти на так называемую «войну городов». «Ирак намеренно бомбил нефтеперерабатывающий завод и другие промышленные предприятия под Тегераном, чтобы заставить его сесть за стол переговоров»³³. Вместе с тем США осудили Иран, который отверг эту резолюцию под тем предлогом, что Ирак в ней не назван агрессором.

В конце 1987 года происходит еще большее ухудшение ирано-иракских отношений, что, в частности, связывается с упорным нежеланием Ирана признать резолюцию № 598. Соединенные Штаты стали настаивать на том, чтобы в отношении Ирана были применены со стороны ООН санкции, включая эмбарго на поставки Ирану оружия, а в дальнейшем и прекращение с ним торговых отношений со стороны всех стран мира. СССР, в числе некоторых других стран-членов Совета Безопасности ООН, не согласился, обосновывая свою позицию тем, что рано прибегать к такого рода санкциям, ибо еще не исчерпаны все дипломатические возможности первого положения этой резолюции.

Кульминацией ухудшения американо-иранских отношений явились события апреля 1988 года. 18 апреля 1988 года три американских военно-морских подразделения атаковали два иранских нефтяных терминала. По утверждению американской администрации, эта операция была проведена в отместку за минирование Ираном вод Персидского залива. Иранцы немедленно предприняли ответные действия. Их быстроходные катера арестовали американский транспорт «Вили Тейлор» у побережья Объединенных Арабских Эмиратов и нефтяной терминал, расположенный в этом районе, а также обстреляли американский вертолет, базировавшийся на фрегате «Саймсон». После этого американский ракетный крейсер «Уайттрайт» открыл огонь по двум иракским самолетам типа «Фантом-4», пролетавшим в зоне действия американских кораблей. Этот же крейсер своим огнем потопил иранский ракетный катер «Джушан».

Огнем американцев были повреждены иранские фрегаты «Сайлан» и «Санханд». По оценке военных специалистов, все это снизило эффективность действий иранских ВМС в Заливе. В пятый раз с начала своего присутствия в этом районе с июля 1987 года американские ВМС нанесли удары по иранцам. 29 апреля 1988 года администрация США официально заявила, что она полна решимости расширить задачу американского флота в Персидском заливе с целью обеспечения безопасности судоходства в нем для транспорта, идущего под флагом нейтральных государств. Судя по всему, одной из причин принятия Вашингтоном этого решения явилось его стремление воспрепятствовать иранским атакам против танкеров Кувейта, Саудовской Аравии, других стран Залива и склонить «танкерную войну» в пользу Ирака, учитывая, что основные силы иранского флота, противостоящие Ираку, действовали в территориальных водах Ирана³⁴.

Начавшаяся конфронтация между США и Ираном в Персидском заливе была проведена в интересах Ирака.

Большую роль в прекращении огня между двумя воюющими государствами сыграла принятая 20 июля 1987 года резолюция Совета Безопасности ООН с требованием «немедленного прекращения огня между Ираном и Ираком, прекращения всех боевых действий на суше, на море и в воздухе, незамедлительного отвода войск к международно признанным границам в качестве

первого шага к мирному урегулированию, которое будет достигнуто в ходе переговоров»³⁵.

18 июля 1988 года Иран уведомил Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра о своем согласии придерживаться резолюции № 598, принятой Советом Безопасности в июле 1987 года. Багдад выразил сомнения в серьезности иранской инициативы. Тарик Азиз направил Пересу де Куэльяру письмо, в котором сформулирован ряд условий для начала переговоров. Он настаивал на том, что «этот шаг необходим перед тем, как предпринимать последующие шаги». Он даже выражал сомнение в искренности действий Генерального секретаря ООН, обвиняя его в необъективности в связи с тем, что он выступал против применения Ираком в ходе боевых действий химического оружия, запрещенного мировым сообществом³⁶.

В своем заявлении, опубликованном вскоре в Иране, аятолла Хомейни подтвердил готовность Ирана выполнить резолюцию № 598. Одновременно он заявил, что «признание резолюции Совета Безопасности не означает окончания войны, а имеет своей целью лишь положить конец враждебной пропагандистской кампании, развязанной против Ирана». Хомейни призывал иностранные войска покинуть территорию региона, «пока их флоты не утонули в этом болоте», и поклялся «продолжить войну против США и правителей Саудовской Аравии». В заключение он констатировал, что «признать эту резолюцию для него было тяжелее, чем выпить порцию яда»³⁷.

В июле 1988 года были устранены последние препятствия для начала ирано-иракских переговоров при посредничестве Генерального секретаря ООН. 22 июля Перес де Куэльяр уведомил журналистов о том, что после консультаций с членами Совета Безопасности ООН он пригласил министров иностранных дел Ирана и Ирака в Нью-Йорк для переговоров.

20 августа 1988 года было положено начало ирано-иракским переговорам по заключению мирного соглашения. Вашингтон одобрил переговоры, и в соответствии с этим стало строиться новое отношение США к ирано-иракскому конфликту.

В целом США стали выступать за мирное урегулирование конфликта, что отвечало их интересам в глобальном и региональном плане. Однако США в одиночку и даже при поддержке союзников по НАТО не могли решить этой проблемы, не прибегая к сотрудничеству с СССР, который граничит с этим регионом и имеет здесь свои исторические, политические, экономические и военные интересы. Это хорошо понимали в Вашингтоне, и поэтому участие СССР в решении проблем региона казалось и им совершенно бесспорным.

Советский Союз на протяжении всех лет войны играл заметную роль в этом конфликте. В ноябре 1986 года Кувейт после скандала с «Ирангейтом» просил СССР взять под свою военно-морскую защиту три кувейтских танкера. Согласие Москвы вызвало острую реакцию Тегерана. В начале мая 1987 года иранские канонерки атаковали неэскортируемое советское грузовое судно, направлявшееся в Кувейт, а через месяц советский танкер подорвался на mine у берегов Кувейта³⁸.

Согласие Москвы удовлетворить просьбу Кувейта заставило администрацию Рейгана оценить новую роль СССР в Персидском заливе. Впервые советский военный флот должен был дислоцироваться там неопределенно долгое время, преследуя политические, а потенциально и военные цели. Встревоженный Вашингтон попытался переиграть СССР и предложил Кувейту поместить половину его танкерного флота под военно-морскую защиту США³⁹.

Мнения же в самом регионе о событиях, вызванных кувейтской просьбой о советской и американской военно-морской защите танкеров, явно разделились. Ирак не возражал против инициативы своего соседа, но, видимо, сомневался, что она может помочь прекращению войны. Иранская реакция, напротив, была абсолютно негативной. Министр иностранных дел Али Акбар Велайати объявил во время визита в Объединенные Арабские Эмираты, что Тегеран «не позволит» США, СССР «или каким-либо другим силам вмешиваться в дела региона»⁴⁰.

Любопытно, что когда Советский Союз 3 июля 1987 года выступил с заявлением о том, что все проблемы Персидского залива должны решаться самими прибрежными странами и только ими, без какого-либо вмешательства, тем более военного характера, со стороны иностранных государств, Ирак и Иран отреагировали на это заявление диаметрально противоположно. Исламская Республика Иран, которая давно уже выступала с подобным предложением, одобрительно встретило его. Наоборот, Багдад довольно прохладно отнесся к этому предложению, ибо он в то время проводил курс на интернационализацию войны в Заливе и втягиванию в ее сферу СССР и США, чтобы обезопасить себя от разгрома успешно наступавшего в то время Ирана.

Летом 1987 года во время «танкерной войны» в Заливе Советский Союз, откликнувшись на призыв Совета Безопасности ООН, предоставил государству Кувейт в аренду три танкера и выделил для их сопровождения в водах Персидского залива три военных корабля. Танкеры стали вывозить кувейтскую нефть на международные рынки. Этот шаг был с одобрением встречен в Багдаде и вызвал недовольство в Тегеране, который обвинил Кувейт в поддержке Ирака и принял решение топить танкеры, вывозящие кувейтскую нефть на мировые рынки, часть доходов от продажи которых поступала в казну Ирака. После прекращения «танкерной войны» советские военные суда покинули воды Персидского залива, в то время как одна часть военных кораблей США и других стран НАТО оставалась в Заливе, а другая — передислоцировалась в район Индийского океана — напротив входа в Ормузский пролив, ведущий в Персидский залив. Нужно отметить, что ввод советских военных кораблей в то время оказал сдерживающее влияние на США и их союзников по НАТО, с одной стороны, а с другой — охладил воинствующий пыл Тегерана, открыто заявлявшего тогда, что он готов начать войну с США.

С региональной точки зрения США были заинтересованы в мирном решении ирано-иракского конфликта. Дело в том, что в Заливе обнаружено до 70 процентов мировых запасов нефти капиталистического мира. Отсюда США берут 15—20 процентов потребляемой ими нефти, до 25 процентов, иногда даже до 40 процентов своих потребностей, нефть импортируют союзники США по НАТО, до 70 процентов — Япония. Поэтому сохранение мира в Персидском заливе было прежде всего в интересах США и их союзников.

Однако победа Ирака, а также последовавшее за этим наращивание военного потенциала этой страны ни в коей мере не отвечало интересам США, преследовавших цель: «нет победителей, нет побежденных». Несмотря на серьезное ухудшение отношений между США и Ираном, первые не теряли надежды на восстановление тесных отношений с этой страной. В эти годы в политике на Ближнем Востоке можно проследить два разных подхода. Сторонники первого выступали за сотрудничество с Ираком, делая упор на традиционную политику США поддержки дружественных отношений со странами, которые имели давнюю историю отношений с ними. Ирак относился к этой категории стран. Эта позиция превалировала в Вашингтоне после 1986 года, после неудачной попытки Рейгана убедить Иран освободить американских заложников. Она сохранялась до начала 1990 года и в Госдепартаменте, уже при администрации Буша.

Эта позиция подтверждалась, в частности, мнением политиков и политологов. Так, имела место точка зрения, что в партии Баас существовали две фракции, одна из которых стояла за политику сотрудничества с СССР, а другая, так называемая светская, — за сотрудничество с Западом. После 1979 года, когда С. Хусейн стал президентом страны, влияние светской фракции увеличилось, особенно за счет антиправительственных выступлений иракских шиитов, подстрекаемых Ираном. Таким образом, Ирак двигался в сторону сотрудничества с Западом, учитывая поддержку, оказываемую Ираку еще во время ирано-иракской войны⁴¹.

Что касается второй позиции, то ее сторонники, в частности Министерство обороны, Конгресс и пресса, полагали, что, несмотря на явное ухудшение отношений с Ираном, политический режим в Иране когда-нибудь сменится, а на его место придет другой, более лояльный к Соединенным Штатам, либо же существующий станет более умеренным, что опять-таки благотворно скажется на двусторонних отношениях.

Однако в американо-иракских отношениях имелись непримиримые противоречия, связанные с безопасностью Залива и с арабо-израильским конфликтом, исключавшие возможность их развития выше определенного уровня.

В начале 70-х годов США придерживались в отношении безопасности Залива «доктрины Никсона», а это значило, что Вашингтон предпочитал непосредственно не вмешиваться в дела Залива, а задачу сохранения стабильности перепоручил местным странам — Саудовской Аравии и особенно Ирану. Однако падение шаха развеяло иллюзии многих американцев относительно ценности такого косвенного подхода. Администрация Рейгана отбросила этот подход и сделала ставку на непосредственное американское вмешательство в региональные дела.

В ответ на это арабские государства Персидского залива создали систему региональной коллективной безопасности, представленную группой стран Залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты) под эгидой Саудовской Аравии.

Багдад противодействовал вмешательству великих держав в дела Залива, хотя не предпринимал никаких мер против поставок американского оружия и самолетов с системами АВАКС Саудовской Аравии и устройства американских баз в Омане.

Кроме вопроса об отношении к безопасности Залива, осложняла американо-иракские отношения палестинская проблема. Палестинская проблема для Ирака — это и политическая, и эмоциональная проблема. Полярность позиций Ирака и США по этому вопросу ставит жесткие пределы развитию их отношений: двустороннее сотрудничество всегда будет ограничено этим фактором.

Кроме того, Ирак, который одно время был лидером движения неприсоединения и играл заметную роль во всем мусульманском мире, не желал открыто связывать себя тесными отношениями с США из-за убежденности в том, что это будет использовано против него его врагами. В этой связи арабские историки часто приводят пример Садата⁴². В Ираке сохранились воспоминания о Багдадском пакте, который наглядно иллюстрирует цену, которая может быть уплачена за союз с Западом. Не только иракские, но все арабские лидеры по ряду идеологических и политических причин боятся казаться в глазах их последователей слишком проамериканскими.

Ограничивающей для политики США в отношении Ирака являлась также позиция, занятая Саудовской Аравией и другими государствами Залива. Во всех своих шагах в отношении Ирака Вашингтон вынужден был оглядываться на своего союзника — Саудовскую Аравию и зависящий от нее ССАГПЗ, что исключало возможность сколько-нибудь существенного сближения США и Ирака, даже несмотря на формальное восстановление дипломатических отношений.

Любопытно, что политика Хусейна, смягчившего антиамериканские выступления, благоприятствовала американской политике на Ближнем Востоке, и в частности в Персидском заливе, ликвидировав многие препятствия на пути американцев.

После окончания ирано-иракской войны С. Хусейн, несмотря на ряд препятствий, тормозивших развитие американо-иракских отношений, надеялся на сотрудничество с Америкой. Этому способствовала также позиция, занятая администрацией Буша. Однако антииракские выступления в Конгрессе США, а также нападки прессы на иракское правительство о пресловутых правах человека и программе перевооружения в противовес официальным заявлениям Вашингтона о готовности сотрудничества с Ираком ставило иракское руководство в тупик.

Для прояснения позиции американцев в Вашингтон были направлены официальные лица, в том числе в октябре 1989 года министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз. Госсекретарь Бейкер в беседе с ним опроверг заявление Азиза о том, что Америка занимает враждебную антиамериканскую позицию. Однако и после этого нападки в прессе не прекратились, более того, внимание стало уделяться авторитарности правления С. Хусейна, что, разумеется, рассматривалось официальным Ираком как вмешательство в его внутренние дела. Через свое посольство в Вашингтоне Ирак обращался с жалобами в американское руководство, но инсинуации не прекращались, что говорило лишь о реальной позиции США по отношению к Ираку.

На встрече в Багдаде в феврале 1990 года помощника Госсекретаря США по делам Ближнего Востока Д. Келли с С. Хусейном последний сделал попытку определить свою позицию в международных вопросах после потери СССР былого влияния. Он недвусмысленно дал понять, что США стали единоличным лидером в мировых делах в целом, и на Ближнем Востоке в частности. Это было сигналом к тому, что Ирак готов к сотрудничеству с Соединенными Штатами ради сохранения мира и безопасности на Ближнем Востоке⁴³. Тогда же С. Хусейн заинтересовался, насколько Соединенные Штаты готовы к сотрудничеству с Ираком или же давление израильского лобби, в частности в лице прессы, будет и впредь настраивать общественное мнение США на выполнение целей, выгодных Израилю.

Д. Келли предпринял попытку объяснить, что такова политическая система Соединенных Штатов, а также предупредил его о выходе годового отчета о правах человека в мире, в котором имели место определенные критические замечания в адрес Ирака.

О годовом отчете, который вышел в свет через месяц после этой встречи, было сообщено в арабской программе «Голоса Америки». В нее были включены недвусмысленные комментарии, отражающие мнение Госдепартамента, которые в корне противоречили заявлениям Келли о хорошем отношении США к Ираку. В итоге посольство США в Ираке получило указание направить руководству Ирака извинения в отношении тона передачи, сделав особый упор на то, что было ошибкой включать доклад о соблюдении прав человека в программу на арабском языке⁴⁴.

Ухудшению американо-иракских отношений способствовал также ряд инцидентов, таких, как арест по обвинению в шпионаже в марте 1990 года британского гражданина журнали-

ста Ф. Базофта и казнь его в том же месяце, несмотря на массовые протесты на Западе, и другие подобного рода инциденты⁴⁵.

Кульминационным моментом послужила речь Хусейна 1 апреля 1990 года, в которой он заявил, что мог бы сжечь половину Израиля. Эти слова, встреченные арабами с большим энтузиазмом, были осуждены странами Запада. Госдепартамент США назвал их «поджигательскими, прискорбными и безответственными». С. Хусейн позже заявил, что его слова о возможном использовании бинарного химического оружия против Израиля при их цитировании были вырваны из контекста, так как западная пресса опустила завершающую часть его фразы: «...если он [Израиль] когда-либо попытается нанести какой-либо ущерб Ираку»⁴⁶.

Ирано-иракская война дала США повод для наращивания своего военного присутствия в регионе, особенно после угроз экстремистского крыла правительства Ирана закрыть Ормузский пролив, через который шел весь экспорт нефти из Персидского залива. США начали усиленно вооружать своих союзников в Заливе и организовали охрану судов в международных водах. «Война между Ираном и Ираком, начавшаяся в сентябре 1980 года, «подарила» Америке золотой шанс для развертывания в регионе Персидского залива инфраструктуры Центрального командования Вооруженных Сил США (СЭНТКОМ): в водах Залива появились американские авианосцы и крейсера, а в ряде государств региона были созданы американские военные базы, призванные обеспечить безопасный и бесперебойный отток нефти на мировые рынки из этого района, охваченного пламенем восьмилетней войны»⁴⁷.

Великобритания также увековечила свое военное присутствие в Заливе под предлогом защиты своих судов. Крупные кредиты и военную помощь Ираку предоставила Франция, составившая график погашения долгов Ираком с учетом длительности войны.

Эти меры трех западных государств не оставляли сомнений относительно их намерений надолго сохранить свое военное присутствие в Персидском заливе, контролировать источники и пути вывоза нефти и вмешиваться во внутренние дела этого региона и в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Машкин В., Яковлев А. Персидский залив в планах и политике Запада. М., 1985. С. 51.

² Там же. С. 65.

³ См.: Республика Ирак в системе международных отношений (80-е гг. XX в. — начало XXI в.). М., 2002. С. 65.

⁴ См.: U.S. Department of State, Bureau of Public Affairs, Testimony before the House of Representatives. Committee on Foreign Affairs. 1980. 3 Sept. Current policy paper # 215.

⁵ Newsweek. 1980. 6 Oct.

⁶ Bienen H. The Superpowers and the War // The Iraq-Iran War. Issues on the Conflict and Prospects for Settlement / Ed. by A.E. Dessouki. Princeton University. 1981. P. 11, 32.

⁷ Аль-Тавра. 1980. 23 окт.

⁸ Интервью с Хусейном // Аль-Акба (Кувейт). 1981. 19 янв.

⁹ Аль-Шарк Аль-Авсат. 1981. 2 февр.

¹⁰ См.: New York Times. 1981. 20 March.

¹¹ См.: Аль-Тавра. 1981. 5 апр.

¹² См.: БИКИ. М., 1985. Приложение 7. С. 40, 41.

¹³ New York Times. 1980. 12 Oct.

¹⁴ См.: O'Balance E. The Gulf War. London etc, Brassey's Defense Publishers, 1988. P. 28.

¹⁵ Washington Post. 1980. 6, 29 Oct.

¹⁶ Times. 1980. 6 Oct. P. 31.

¹⁷ См.: Washington Post. 1980. 29 Oct.

¹⁸ US News and World Report. 1980. 3 Nov. P. 39.

¹⁹ См.: Лль-Сакафа Аль-джададаб. 1981. № 154 (февр.) С. 20.

²⁰ См.: O'Balance E. Op. cit. P. 56.

²¹ См.: Абдулла Халид. Такдис Аль-Асияха фи Аль-Халидж. Бейрут, 1978. С. 7; Гассан Саляма. Аль-Сияса Аль-Хариджия Лия арабия аль-Саудия. Бейрут, 1980. С. 20.

²² The Times. 1981. 5 Apr.

²³ U.S. News and World Report. 1981. 13 Nov. P. 46.

²⁴ См.: The Guardian. 1981. 20 Apr.

²⁵ См.: Аль-Маджалля. 1981. 2 Apr.

²⁶ См.: Аль-Баянб Абу Даби. 1981. 8 Apr.; Ахбар аль-Халидж. Манама. 1981. 10 Apr.

- ²⁷ Ар-Райа. Доха. 1981. 9 Арг.
- ²⁸ Ад-Дустур. Амман. 1981. 9 Арг.
- ²⁹ См.: Katz Marc N. Iraq and the Superpowers. P. 89.
- ³⁰ См.: Axeigard F.W. A New Iraq? The Gulf War and Implications for US Policy. N.Y.: West-point; L., 1988. P. 12.
- ³¹ См.: MER9P Reports. Wash., 1984, #125/126. P. 45.
- ³² См.: Халед Ион Султан Воин пустыни. Личный взгляд на войну в Заливе командующего Объединенными вооруженными силами. М., 1996. С. 21.
- ³³ Time. N. Y. 1987. 5 Sept. P. 22.
- ³⁴ Известия. М. 1988. 22 авг.
- ³⁵ Цит по: Аль-Кабас. Кувейт. 1987; Аль-Сакафа Аль-джадид.
- ³⁶ См.: Ирак-АльГэд. Багдад. 1988. 20 март.
- ³⁷ Наме Мардум. Тегеран. 1988. 20 март.
- ³⁸ См.: The New York Times. 1987. 20 Jan.
- ³⁹ См.: The New York Times. 1987. 24 March.
- ⁴⁰ The New York Times. 1987. 3 Aug.
- ⁴¹ Khadduri M., Ghareeb E. War in the Gulf, 1990—1991. N.Y., 1997. P. 97.
- ⁴² См.: Foreign Affairs. Nov-Dec, 2001. Vol 80. № 6. P. 2—16.
- ⁴³ См.: Республика Ирак в системе международных отношений (80-е гг. XX в. — начало XXI в.). М., 2002. С. 73.
- ⁴⁴ См.: Khadduri M., M. Ghareeb E, War in the Gulf... P. 97.
- ⁴⁵ См.: Республика Ирак в системе международных отношений... С. 73.
- ⁴⁶ Khadduri M., Ghareeb E. War in the Gulf... P. 97.
- ⁴⁷ Мир Паша Зейналов. В блокадном Ираке. М., 2001. С. 9—10.

А.Ю. Калинин

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Вопросы судейского правотворчества на протяжении многих столетий занимали внимание не только древнеримских, а позднее, в средние века, английских и других западноевропейских авторов, но и многих видных исследователей — юристов дореволюционной России¹.

Независимо от того, на каких позициях в решении проблем правотворчества и правопонимания стояли те или иные авторы, какого мнения они придерживались в вопросах идентификации источников права вообще и судебной практики как источника права, в частности, неизменно в поле их зрения находились не только традиционные для позитивистской и естественно-правовой теории права проблемы, но и вопросы, касающиеся судейского правотворчества. Круг их был весьма широк и разнообразен, но наиболее важные из них сводились к определению сущности и содержания судейского правотворчества, соотношению его с парламентским правотворчеством; к определению юридической природы и характера судебной практики как источника права и соотношению судебной практики, а точнее судебного прецедента, с правовым и простым обычаем; к выяснению вопроса о социально-правовой значимости судебной практики; и др.

Среди данных и иных им подобных вопросов центральное место занимали вопросы, касающиеся понятия судебной практики, а также ее правового статуса и роли в системе других источников права, ибо они были исходными, имея в виду, что от того, как понимались, а главное, как решались данные вопросы, в значительной мере зависело решение всех остальных, неразрывно связанных с ними и обусловленных ими проблем.

Акцентируя внимание на том, что судебная практика, наряду с «юридическим обычаем», является «древнейшим источником права»² и что, «по господствующему, хотя и не общепризнанному мнению», практика неизменно занимает весьма важное место в системе других источников права, в научной юридической литературе она никогда не понималась и не определялась одинаково.

Анализируя работы дореволюционных авторов, нетрудно заметить, что в одних случаях

судебная практика понималась «как правило, созданное судом при постановлении им решений по отдельным случаям». При этом она нередко сопоставлялась (соотносилась) с правовым обычаем, который рассматривался в виде «правила, сложившегося в общественной среде и лишь констатированного судом»³.

В других случаях судебная практика «обыкновенно» определялась как «общее, продолжительное, однообразное применение известной нормы права судами данной правовой области»⁴.

Наконец, в третьих случаях она рассматривалась в «расширительном» плане как «частная форма обычного права»⁵.

Сотнося судебную практику с правовым обычаем, один из сторонников «расширительного» понимания судебной практики и ее развернутого определения Н.М. Коркунов, указывал на такие ее отличительные особенности, как: а) выражение содержащихся в судебной практике юридических норм «не в общей форме, а лишь в применении к отдельным, частным случаям»; б) отсутствие в ней «определенности объема действия норм по времени»; в) создание судебной практики, «подобно закону», «не обществом и не каким-либо отдельным общественным классом, а учреждением»; г) обладание ею «в противоположность обычаю, познаваемому только из фактических данных», «юридически определенной, аутентической формой выражения — подлинными судебными решениями»; д) возникновение судебной практики в отличие от обычая «обыкновенно в письменной форме, между тем как письменное возникновение обычая немислимо»; е) наличие у судебной практики волевого, «сознательного» характера, «сознательное стремление к реализации содержащейся в ней юридической нормы»⁶.

По поводу последней отличительной особенности судебной практики автор отмечал, что в отличие от обычая, который «первоначально возникает как простое обыкновение, слагающееся совершенно бессознательно, без всякой мысли о юридическом нормировании отношений, судебная практика, подобно закону, возникает в силу сознательного стремления к реализации данной юридической нормы». Конечно, пояснял Н.М. Коркунов, и обычай делается юридическим обычаем только тогда, когда в соблюдении его превзойдет сознание его необходимости. Но содержание обычая дается всегда обыкновением, вырабатывается всегда бессознательно. Юридическое сознание, превращающее простое обыкновение в юридический обычай, находит содержание уже готовым, уже определившимся». Напротив, резюмировал автор, «судебные решения, из коих слагается судебная практика, суть вполне сознательные акты. Содержание каждого отдельного судебного решения вырабатывается вполне сознательно и именно ради юридического нормирования отношений»⁷.

Говоря о понятии судебной практики в ее трактовке дореволюционными русскими авторами, следует заметить, что те споры и суждения относительно того, что есть судебная практика, а что не является таковой, и та неопределенность, которая сложилась в результате этих споров и противоречивых суждений относительно понятия, содержания и отличительных признаков судебной практики, сохраняются и по сей день.

Аналогично обстоит дело и с решением проблем, касающихся существования в условиях российской правовой действительности самого института судебной практики.

Применительно к России о возможности существования и использования судебной практики в качестве источника права дореволюционные отечественные авторы вели речь лишь в отношении периода, наступившего в развитии правовой и судебной системы России после проведения Александром II во второй половине XIX века судебной, земской, военной и ряда других реформ.

До проведения судебной реформы, как отмечает Л.И. Петражицкий, «когда суды должны были применять законы по точному и буквальному смыслу оных, не допуская при этом обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований»⁸, не могло быть и речи о возникновении и использовании никаких иных форм права, включая судебную практику, кроме законов.

В силу того, писал по этому поводу Н.М. Коркунов, что в тот период судебная власть не была еще отделена от законодательной власти и высшая судебная инстанция в лице Государственного совета «была вместе с тем и законодательным учреждением», вполне понятно и естественно, что при таких условиях судебная практика не получила и «не могла получить значения самостоятельного источника права»⁹. Дело в том, пояснял автор, что, если суд «усматривал неясность или неполноту законодательства, он должен был представлять о том в высшую инстанцию, и так, переходя из инстанции в инстанцию, дело доходило до Государственного совета, где оно и разрешалось». Естественно, заключал ученый, что при такого рода условиях, не-

возможно было говорить о судебной практике как о самостоятельном источнике права, поскольку «судебные решения тогда постоянно превращались в законодательные постановления»¹⁰.

С точки зрения реального существования и практического использования судебной практики в рассматриваемый период, до проведения соответствующих реформ, о ней можно было серьезно говорить, согласно мнению российских исследователей, лишь в отношении Англии.

Страна, где «судебная практика является в настоящее время формой права, — констатировал Г.Ф. Шершеневич, — это Англия. То, что обыкновенно называется английским обычным правом, есть преимущественно право прецедентов (Case-Law), воплощенное в сборниках судебных решений (Reports)». В Англии ссылка «на судебный прецедент, записанный в сборнике, имеет такое же юридическое значение, как и ссылка на парламентский акт»¹¹.

Рассматривая английский вариант судебной практики, полностью отождествляемый им с прецедентом, автор не ограничивается лишь простой констатацией фактов, а исследует самые различные стороны данного явления, и в первую очередь — «силу судебной практики как формы права».

Последняя, по мнению Г.Ф. Шершеневича, заключается в следующих принципиально важных положениях: а) безусловной связанности «всяких судов» решениями всех высших судебных инстанций; б) недопустимостью оспаривания судом первой инстанции решений апелляционного суда; в) обязательным характером решений палаты лордов для апелляционного суда; г) связанностью палаты лордов своими собственными решениями; д) «обязательным значением» решений палаты лордов не только для настоящего, но «и на будущее время»; е) связанностью апелляционного суда своими собственными решениями; и ж) допущением исключения из принципа обязательности судебных решений в том случае, когда суд приходит к «хорошо мотивированному заключению о том, что данный прецедент — дурной (a wrong decision)»¹².

Наряду с рассмотрением судебной практики в Англии, Г.Ф. Шершеневич и другие авторы касались проблем судейского права на данном этапе развития общества в Германии, Франции и других европейских странах¹³.

Общий вывод, к которому приходят авторы, сравнивая английский вариант судебной практики с европейским, сводится к тому, что по сравнению с Англией «ничего подобного не встретим нигде на континенте Европы»¹⁴.

При всем практическом направлении правоведения во Франции, писал, в частности, Г.Ф. Шершеневич о правовой теории и практике, существующей в этой стране, «французские юристы не признают за судебной практикой (jurisprudence) значения формы права»¹⁵. Ибо суд во Франции не связан юридически ни собственными решениями, ни решениями высших судебных инстанций, в том числе и разъяснениями кассационного суда. Кроме того, в дополнение к сказанному о судебной практике во Франции важно иметь в виду то обстоятельство, отмечает автор, что французский закон «нигде не придает судебной практике значения формы права» и что «такое значение судебной практики не соответствовало бы духу конституции французской республики»¹⁶.

Аналогичным образом в рассматриваемый период обстоит дело с признанием судебной практики в качестве источника права в Австрии и в Германии. Согласно действовавшему законодательству, а именно Прусскому Лэндрихту 1974 года и Австрийскому гражданскому уложению 1811 года, судебная практика не только не признавалась официально в качестве самостоятельной формы права, но, наоборот, в законодательном порядке всячески запрещалось пользоваться судебными прецедентами в качестве источника права.

Однако, несмотря на официальные запреты и в целом негативное отношение в Германии, Франции и в других европейских странах рассматриваемого периода к судебной практике как к источнику права, в юридической литературе того времени предпринимались попытки со ссылкой на рецепцию римского права и другие факторы «внедрить» судебную практику как источник права в европейскую и, в частности, германскую правовую систему.

Не решаясь прямо поставить судебную практику в один ряд с законом и обычаями, авторы, выступавшие за признание судебной практики в качестве источника права, развивали идеи о содержании в ней правовых норм гораздо меньшей юридической силы и значения по сравнению с нормами законов и обычаев.

Исходя из того, что ряд авторов — известных юристов того времени, в том числе Е.Н. Трубецкой, приравнивали судебную практику в форме прецедента к обычаю, считали, что «в сущно-

сти, обычай сводится к прецеденту» и что «он есть не что иное, как *множественный прецедент*»¹⁷, следует признать значительную роль в разработке теории и практики применения судебной практики исторической школы права. Развивая идеи правового обычая и обычного права, которые представляют собой, по мнению одного из основоположников исторической школы права Г. Пухты, автора известного сочинения под названием «Обычное право», не что иное, как «наиболее непосредственное и верное выражение народных воззрений». Сторонники данного направления эволюции юридической мысли тем самым одновременно развивали и идеи юридической, точнее судебной практики¹⁸.

Таким образом, если в рассматриваемый период в практическом плане о судебной практике речь могла идти только применительно к Англии, а теоретически, в свете предпринимавшихся попыток осмысления и частичного «внедрения» судебной практики в правовую систему Германии, — лишь в отношении некоторых стран континентальной Европы, то применительно к дореформенной России не было никаких оснований говорить о ней ни в теоретическом, ни в практическом плане.

В России, писал в связи с этим Г.Ф. Шершеневич, судебная практика фактически не имеет сколько-нибудь заметного значения. Согласно статье 84 Основных Законов, рассуждал автор, Российская империя «управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке. Следовательно, иные формы права, кроме закона, могут быть признаны лишь настолько, насколько они указаны законом»¹⁹. Этим, резюмировал ученый, определяется область применения и сила правовых обычаев, а также канонических правил. «Точно так же и судебные решения могли бы иметь значение норм права, если бы обязательность их была установлена законом»²⁰.

Однако Закон по этому вопросу в дореформенной России хранил полное молчание. «В отношении всех судов вообще, рассматривающих дела по существу, — констатировал Г.Ф. Шершеневич, — русское законодательство не дает никаких указаний на юридическую обязательность их решений». Конечно, продолжал автор, суд, «охраняющий свое достоинство, не станет отступать без достаточных оснований от раз принятой точки зрения; он сам себя связывает своим решением». Но суд не нарушит своих обязанностей и не лишит силы своего решения, если «под влиянием представленных ему новых доводов или по самостоятельному соображению ошибочности прежней аргументации выскажется в направлении, противоположном прежнему»²¹.

Говоря об официальном непризнании судебной практики в дореформенной России и отсутствии законодательных и иных оснований для такого признания, необходимо отметить, что ситуация в этом отношении несколько изменилась после проведения судебной реформы в стране и соответственно после принятия ряда таких юридических актов, как Устав гражданского судопроизводства, Устав торгового судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства и др.²²

Конечно, речь не идет о законодательном признании судебной практики в качестве самостоятельного источника права или же о радикальном изменении отношения к ней со стороны официальных российских властей. В этом плане все оставалось по-прежнему в тот период, впрочем, как и по сей день, независимо от того, был ли это дореформенный или пореформенный период развития царской России, была ли это советская «автократическая» или же современная «демократическая» Россия.

Имеются в виду весьма серьезные изменения, которые произошли в законодательстве и в самой судебной системе страны и которые послужили основанием для признания судебной практики в академической юридической среде одним из источников права.

После проведения судебной реформы в России и принятия новых пореформенных законов многие отечественные авторы-юристы обратили внимание на судебную практику (в основном в форме прецедента) как на несомненно «древнейший» и к тому же самостоятельный источник права, выступающий в системе источников позитивного права не только в Англии или других зарубежных странах, но и фактически в самой России²³.

Разумеется, такое признание не могло не сопровождаться, как и признание любого нового явления, определенными оговорками.

В этом отношении весьма примечательным представляется замечание Н.М. Коркунова о том, что, «признавая судебную практику самостоятельным источником права, мы должны оговориться, что это не следует понимать так, чтобы раз принятое судом решение какого-нибудь спорного вопроса, безусловно, связывало суд на будущее время». Если каждый закон, убеждал автор, «может быть заменяем новым», если «на обык есть перебык», то, конечно, и судебная прак-

тика не может быть обречена на неподвижность и застой. Но, с другой стороны, постоянство судебной практики и обуславливаемая им определенность юридических отношений представляет, конечно, важное значение». И в заключение: «Нужны весьма серьезные и веские основания, чтобы склонить суд к изменению установившейся в нем практики. Поэтому все вероятнее за то, что раз принятое судом начало будет поддерживаться им и в последующих решениях»²⁴.

Однако, несмотря на те или иные оговорки относительно признания судебной практики в качестве одного из источников пореформенного российского права, фактом остается то, что такое признание получило поддержку со стороны многих ведущих в рассматриваемый период теоретиков права.

Констатируя данный факт, Л.И. Петражицкий писал, что «в качестве третьего и последнего, после законного и обычного права, источника русского права в юридической литературе приводится, согласно *общим господствующим учениям современной науки об источниках, судебная практика*»²⁵.

Наиболее типичными и распространенными примерами-аргументами в пользу тезиса о существовании судебной практики как источника российского права в пореформенный период служили ссылки на некоторые законодательные положения, содержащиеся в Уставе уголовного судопроизводства и в Уставе гражданского судопроизводства. Речь, в частности, шла соответственно о статьях 12 и 13 Устава уголовного судопроизводства и статье 10 Устава гражданского судопроизводства, которые не только предоставляли судам право решать «всякое дело на основании существующих законов, не останавливая решения под предлогом неполноты, неясности, недостатка и противоречия законов», но и поясняли, по словам Л.И. Петражицкого, что «это требование можно выполнять только при свободном толковании законов», которое неизбежно «влекло за собой творческое значение судебной практики» и, как следствие, «возведение ее в источник права»²⁶.

Так, согласно статье 12 Устава уголовного судопроизводства «все судебные установления» обязаны были решать дела «по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания», должны были основывать свои решения «на общем смысле законов».

В соответствии со статьей 13 этого же нормативно-правового акта «воспрещалось останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов». При этом указывалось, что «за нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти»²⁷.

Ответственность предусматривалась «Уложением о наказаниях уголовных и «исправительных» (1845 г.) статьями 383—385. По аналогии с «противозаконными поступками должностных лиц при хранении и управлении вверяемого им по службе имущества» виновный подвергался в зависимости от степени вины или отрешению от должности (ст. 385), или денежному взысканию (ст. 383), или же «лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую с заключением на время от одного года до двух лет или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, наказаниями розгами в мере, определенной ст. 35 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода...»²⁸.

Аналогичные положения, обязывающие судей под угрозой наказания рассматривать дела «в случае неполноты, неясности или противоречия законов», содержались не только в Уставе уголовного судопроизводства, но и в других юридических актах, таких, в частности, как Устав гражданского судопроизводства и Устав торгового судопроизводства. Статья 352 последнего акта гласила, что «решения коммерческих судов утверждаются на законах», однако в тех случаях, когда «нет точных или ясных законов, дозволяется принимать в основание торговые обычаи и примеры решений, в том же суде последовавших и вступивших окончательно в законную их силу».

Данные и иные, сходные с ними законодательные положения, позволяющие судам и вменяющие им в обязанность рассматривать дела в отсутствие неполноты, неясности или противоречивости законов, а также принимать во внимание при рассмотрении дела «примеры решений, в том же суде последовавших и вступивших окончательно в законную их силу», несомненно, свидетельствуют о придании судам отнюдь не механической роли простого, заурядного правоприменителя, а об их весьма значительной, ассоциирующейся с созданием ими новых законодательных положений правотворческой деятельностью.

Об этом же, как представляется, отчасти свидетельствуют и разъяснения, даваемые департаментами по уголовным и гражданским делам Сената — высшего кассационного органа по судебным уставам 1864 года, которые публиковались в соответствии со статьей 815 Устава гражданского судопроизводства и статьей 933 Устава уголовного судопроизводства, «для руководства к единообразию» в процессе применения и толкования применяемых актов²⁹.

Юридическая природа и характер этих разъяснений были предметом нескончаемых споров и суждений в среде юристов того времени — теоретиков права и практиков, но все авторы сходились на том, что наличие данных разъяснений, равно как и существование уголовно-правовых и гражданско-правовых статей, обязывавших «все судебные установления» решать рассматривавшиеся ими дела по «точному разуму существующих законов» и основывать свои решения «на общем смысле законов», свидетельствовали о том, что в государственно-правовой системе пореформенной России суду отводилась более значимая роль по сравнению с прежней системой³⁰.

С принятием судебных уставов 1864 года сначала наметилась, а затем довольно четко обозначилась продолжающаяся и по сей день тенденция постепенного практического «освоения» российским судом наряду с его традиционными функциями правоприменителя и толкователя права также функции, весьма близкой основному направлению деятельности российского правотворца — функции создателя новых правовых норм³¹.

Разумеется, что по мере накопления судом опыта реализации новой функции, активно заполнявшей существовавшие в правовой системе России бреши и тем самым объективно дополнявшей правотворческую деятельность российского законодателя, все острее становился теоретически и практически важный вопрос о юридической природе и характере не только отдельных форм (в виде «разъяснений» Сената и проч.), но и в целом судебной практики как источника права. Отвечая на него, многие исследователи, естественно, в силу сложности, многогранности, а в ряде случаев противоречивости рассматриваемой материи, не приходили, да и не могли прийти к единому мнению.

В решении вопроса о юридической природе и характере судебной практики, сводящегося в конечном счете к вопросу о самостоятельности или несамостоятельности судебной практики как источника права, возникла фактически, в силу неразрывной связи и взаимозависимости рассматриваемых проблем, одна и также весьма неоднозначная ситуация, при которой взгляды одних авторов не только не совпадали, но и часто находились в полном противоречии со взглядами других авторов.

Так, например, если Н.М. Коркунов фактически признавал самостоятельную роль судебной практики как источника права, справедливо полагая, что «хотя деятельность суда осуществляется по закону или обычаю, а не по его усмотрению», но этим «отнюдь не исключается творческое значение судебной практики»³², то другие авторы подходили к оценке ее юридического статуса и к определению уровня и характера ее самостоятельности совсем иначе.

В частности, Л.И. Петражицкий, ссылаясь на «невьясненность в современной юриспруденции вопроса о том, что такое право судебной практики», исходил из того, что «и в случае свободнейшего толкования законов и весьма обширного творчества в этом направлении со стороны судебной практики, о существовании особого вида позитивного права, отличного от законного права судебной практики... не может быть и речи, поскольку дело идет именно о толковании законов, как таковом, о ссылках для обоснования прав и обязанностей на (свободно или несвободно толкуемые) законы»³³.

Таким образом, пояснял ученый, «подлежащее право есть законное право, а не право судебной практики. Право же судебной практики имеется лишь в том случае, если практика судов, как таковая, возводится в нормативный факт. Оно может существовать и при наличности закона о буквальном толковании законов и может не существовать при действии правила о свободном толковании законов по их смыслу»³⁴.

Фактически отрицая возможность существования судебной практики как самостоятельного источника права, а вместе с ней и порождаемого судебной практикой судебного права, Л.И. Петражицкий заключал, что «судебная практика, конечно, не есть особый, самостоятельный вид права или вид обычного права; вообще она не право, а явление совсем иного порядка — ряд человеческих действий, поступков»³⁵.

В отличие от Н.М. Коркунова и Л.И. Петражицкого, выражавших противоположные подходы и воззрения, касающиеся судебной практики как источника права, в отечественной ли-

тературе рассматриваемого периода имели место и другие, своего рода «промежуточные» по отношению к ним суждения. Суть их в общем и целом сводилась, с одной стороны, к признанию важности и нужности судебной практики как самостоятельного источника права для восполнения пробелов в нем, а также необходимости предоставления судом права создавать «по своему усмотрению и разрешению» недостающие правовые нормы с целью разрешения «непредусмотренных в законе случаев справедливости», а с другой — к выражению опасения, в силу того, что «объективного, всеми признанного критерия справедливости не существует, а принципы права вообще и естественного права, в частности, являются спорными», сведения всех рассматриваемых уголовных и гражданских дел к «полному и бесконтрольному судебскому усмотрению»³⁶.

Следует заметить, что опасения по поводу «бесконтрольного судебного усмотрения» в случае официального признания судебного правотворчества и соответственно судебной практики в качестве самостоятельного источника права, опасения по поводу возможного возникновения в этом случае судебного произвола высказывались в работах многих авторов дореволюционного периода, независимо от того, какую позицию по отношению к рассматриваемой проблеме они занимали.

Так, Н.М. Коркунов, будучи сторонником признания судебной практики в качестве источника права, тем не менее, первоначально выражал беспокойство по поводу того, не будет ли признание судебной практики самостоятельным источником права равносильным признанию за судом права «судить не по закону или обычаю, а по своему усмотрению» и возведению, таким образом, «в общее правило судебский произвол»³⁷.

И.В. Михайловский в связи с этим сформулировал даже, по его собственному мнению и оценке, «правильные ответы на интересующие нас сейчас вопросы», а именно: Как избежать в данном случае судебного произвола? Что может служить гарантией против него? Наконец, как отличить акт произвола от «правомерной юридической нормы»?

Отвечая на последний вопрос, автор писал: «Юридическая норма отличается от акта произвола тем, что она одинаково обязательна для всех членов данного общежития, в том числе и для представителей органов того внешнего авторитета, который ее санкционировал»³⁸.

При ответе на первые два вопроса И.В. Михайловский заявлял: «Что же касается опасения судебного произвола, то гарантиями против него является, прежде всего, солидное научное образование судей в связи с практическим опытом толкования законов, под контролем надлежаще организованного кассационного суда»³⁹.

Проблема возможного судебного произвола в случае официального признания судебного права в качестве одной из ветвей права и судебной практики в качестве источника права, равно как и другие, связанные с ними проблемы, — это не только и даже не столько дань прошлого, сколько вопрос настоящего.

Дело в том, что на протяжении всего периода развития идей судебного права в России начиная со второй половины XIX века, со времени проведения в стране судебной реформы и принятия «обновленного» законодательства, и вплоть до настоящего времени, периодически вставал вопрос — своего рода аргумент против признания судебной практики в качестве источника права, о возможности или даже «неизбежности» в случае такого признания судебного произвола, о «бесконтрольности судебного усмотрения», и т.д.

При этом противниками признания судебной практики в качестве источника права никогда не учитывался полностью или частично тот прискорбный факт, что судебный произвол, «бесконтрольное судебное усмотрение» и прочие им подобные явления в той или иной степени и форме существовали и существуют всегда и везде — в любой государственно-правовой системе независимо от того, признается ли в ней судебское право и судебная практика как источник права или не признается. Это, во-первых. А во-вторых, полностью или частично игнорируется то обстоятельство, что значительная часть национальных правовых систем, в частности, тех, которые формируют собой систему (правовую семью) общего права исторически, в силу правовых и иных традиций, не боясь судебного произвола и «бесконтрольного судебного усмотрения», на протяжении многих веков не только признает, но и широко использует судебское право и судебную практику (в виде прецедента).

Следуя логике авторов, обращавшихся к «судебному произволу» и «бесконтрольному судебскому усмотрению» как к аргументам против признания судебного права и судебной практики, система общего права должна была бы представлять собой сплошную картину судебных

злоупотреблений, скопище данных негативных явлений. Однако в действительности, как показывает опыт существования и функционирования правовых систем общего права, все обстоит далеко не так. Судебные злоупотребления существуют как в системах общего права, так и в других правовых системах.

Наряду с названными проблемами, касающимися судебной практики, в дореволюционной отечественной литературе рассматривались и другие неразрывно связанные с ними вопросы. Особое место среди них занимали проблемы определения места и роли судебной практики как источника права среди других источников права.

Анализируя сложившееся в данной области научных исследований и в юридической практике положение, Л.И. Петражицкий писал: «Многие считают судебную практику особым источником права (видом позитивного права) наравне с обычным правом и законами. Другие, не отрицая значения судебной практики как источника права, подводят ее под обычное право и считают ее особым видом обычного права. Некоторые же вообще отрицают значение судебной практики как источника права, указывая, что задача судов вообще состоит не в создании, а в применении действующего права». Представители «второго и третьего мнения, — подытоживал автор, — признают одинаково существование не трех, а только двух источников права, законного (законов) и обычного права»⁴⁰.

С точки зрения места и роли судебной практики как источника права в системе других источников права последнее замечание автора означает, что разговор на эту тему можно предметно вести лишь в первом случае, когда судебная практика рассматривается в виде «особого», самостоятельного источника права. В этом случае судебная практика представляется как объективно необходимое явление, обусловливаемое невозможностью для законодателя предвидеть все разнообразие жизненных казусов, которые важно в интересах всего общества и отдельных индивидов опосредовать с помощью норм, содержащихся в законах.

Указывая на объективный характер судебной практики, Е.Н. Трубецкой констатировал, что, «наряду с административными распоряжениями, закон в тесном смысле дополняется нормами, создаваемыми судебной практикой»⁴¹. Конечно, рассуждал автор, «суд есть инстанция, применяющая закон к казусам, встречающимся в действительности, но в силу невозможности для законодателя предвидеть все разнообразие казусов, судебная практика поневоле не ограничивается одним только применением закона к случаям действительной жизни»⁴².

В жизни общества, подчеркивал ученый, «встречаются случаи, законом не предусмотренные, и суд, разбирая такие случаи, призван играть творческую роль, он должен разрешать всякие казусы и, сталкиваясь с новыми казусами, волей-неволей вынужден создавать для них новые нормы права».

Подытоживая сказанное, Е.Н. Трубецкой заключал: «У нас в России судебная практика имеет значение самостоятельного источника права, но это значение было официально признано за ней лишь со времени издания *Судебных уставов императора Александра II*»⁴³. При анализе данных посылов, высказанных Е.Н. Трубецким и другими, разделявшими его мнение авторами, нетрудно видеть, что судебной практике в рассматриваемом случае придается не только «особый», со слов Л.И. Петражицкого, объективный характер, но и позитивистская значимость. Судебная практика при этом рассматривается как вполне самостоятельный, относительно автономный источник позитивного права, стоящий в одном ряду с другим источником позитивного права — законом и с источником обычного права — обычаем.

Означает ли это, что судебная практика имеет одинаковую с законом и обычаем юридическую природу и равную юридическую силу? Нет, не означает. Ведь нельзя забывать, что в одних случаях судебная практика возникает на основе закона, во исполнение закона и в дополнение к закону. В этом смысле, тяготея к закону, но не поглощаясь им, судебная практика в зависимости от обстоятельств может быть по своей юридической силе под законом, выступать наравне с законом и даже быть над законом.

В тех же случаях, когда судебная практика возникает, как полагает Н.М. Коркунов и некоторые другие авторы, на основе обычая, тяготеет к обычаю, формирует обычай, но «не растворяется» в обычае, она по своей юридической силе «занимает как бы среднее, посредствующее место между обычаем и законом»⁴⁴.

Если же судебная практика, формируя обычай, отождествляется с обычаем, «растворяется» в нем и выступает, по мнению ряда исследователей, как частная форма обычного права, то юридическая сила данного судебного акта будет равна юридической силе правового обычая.

Решая вопросы, касающиеся понятия, содержания, юридической силы и юридической природы судебной практики, дореволюционные российские авторы значительное внимание уделяли также проблемам социально-правовой роли и значимости судебной практики. И это вполне понятно, ибо судебная практика как явление и понятие важна не только и даже не столько сама по себе, сколько с точки зрения ее теоретической и практической значимости.

Исходя из этого, одни авторы усматривали социальную роль и значение судебной практики, а точнее содержащихся в ней правовых норм, прежде всего в наличии регулятивного потенциала. Судебная практика и содержащиеся в ней нормы оценивались в первую очередь как регуляторы общественных отношений.

В качестве примера можно сослаться на мнение Л.И. Петражицкого, который, с одной стороны, не соглашаясь «с господствующим мнением, принимающим судебную практику за самостоятельный, отличный от законного и обычного, вид права или за особый вид обычного права»⁴⁵, выступает против признания судебной практики в качестве источника права и, следовательно, против признания ее социальной ценности. А с другой стороны, фактически признает регулятивную роль судебной практики, рассматривает как «несомненный факт» то, что «судебная практика иногда получает в психике людей значение нормативного факта, т.е. появляются правовые переживания, приписываются правовые обязанности и права со ссылкой на то, что такова судебная практика, что так прежде «всегда» решались подлежащие вопросы судами или определенным, например, высшим судом»⁴⁶.

Другие авторы видели социально-правовую роль судебной практики прежде всего в том, что она, сочетаясь с действующими нормативно-правовыми актами и правовыми обычаями, помогает обнаружить и заполнить собой обнаруженные правовые пробелы.

Ни в одну эпоху истории, писал в связи с этим Е.Н. Трубецкой, деятельность суда «не ограничивалась одним применением закона к отдельным случаям жизни. Законодательство, даже самое совершенное, не может всего предвидеть и заключает в себе неизбежные пробелы, которые и выполняются судебной практикой»⁴⁷.

Наконец, третья группа авторов при оценке социально правовой роли и значимости судебной практики исходила из того, что она способствует созданию «прочного», устойчивого правосудия, а вместе с тем и укреплению правопорядка⁴⁸.

Кроме названных, дореволюционными отечественными авторами отмечались и другие аспекты социально-правовой роли и значения судебной практики, свидетельствующие, помимо всего прочего, о том большом внимании, которое уделялось данной проблематике в рассматриваемый период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. [Переизд. 1903 г.]. М., 1997. С. 101—117; Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб., 1907. С. 567—574; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. [Переизд. 1907 г.]. М., 1995. С. 20—48; Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 185—192; и др.

² Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. С. 191.

³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Учебное пособие. Т. 2. Вып. 2—4. М., 1995. С. 86.

⁴ Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 567.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 86.

⁶ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. [Переизд. 1898 г.]. СПб., 2004. С. 357—358.

⁷ Там же. С. 358.

⁸ Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 630—631.

⁹ Коркунов Я.М. Указ. соч. С. 371.

¹⁰ Там же.

¹¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 86.

¹² Там же. С. 87.

¹³ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 87—91; Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права (по запискам студентов. Киев, 1906). СПб., 1998. С. 71—79.

¹⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 87.

¹⁵ Шершеневич Г.Ф. Учебник римского гражданского права. С. 28—30.

¹⁶ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 87.

- ¹⁷ Трубецкой Е.М. Энциклопедия права. С. 79, 362.
- ¹⁸ См.: История политических и правовых учений. Ч. 1. Хрестоматия / Сост. В.В. Ячевский. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С. 614—622.
- ¹⁹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 88.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 88—89.
- ²² См.: Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 8. Судебная реформа / Отв. ред. Б.В. Виленский. М., 1991. С. 5—32.
- ²³ См.: Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. С. 78; Касса Л. Источники русского гражданского права. М., 1890. С. 9—15.
- ²⁴ Коркунов Я.М. Указ. соч. С. 361.
- ²⁵ Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 630.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Устав уголовного судопроизводства (1864 г.) // Российское законодательство X—XX вв. Т. 8. С. 121.
- ²⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство первой половины XIX в. / Отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1988. Ст. 383—385. С. 271—272.
- ²⁹ Подробнее об этом см.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 89—90; Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 630—634.
- ³⁰ См.: Муромцев С. Суд и закон в гражданском праве // Юридический вестник. 1880. № 14. С. 390—393.
- ³¹ См.: Пахман С.В. О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 32—36.
- ³² Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 359, 360, 361.
- ³³ Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 631.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 567.
- ³⁶ Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 102.
- ³⁷ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 359.
- ³⁸ Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 60.
- ³⁹ Там же. С. 418.
- ⁴⁰ Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 567.
- ⁴¹ См.: Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 103.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 104—106.
- ⁴⁴ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 358.
- ⁴⁵ Петражицкий Л.И. Указ. соч. С. 568.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 77.
- ⁴⁸ См.: Хвостов В.М. Система римского права. М., 1996. С. 51; Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. С. 85—86.

А.И. Бородин

**ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
РАЦИОНАЛЬНЫМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ
И ОХРАНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ**

Природные ресурсы страны — главный потенциал ее экономического развития и роста. В связи с огромным объемом используемых природных веществ и энергии проблема обеспеченности человечества природными ресурсами является глобальной. Для предотвращения истощения природных ресурсов, загрязнения окружающей среды необходимы рациональное и компактное их использование, а также поиск источников финансирования мероприятий по охране окружающей среды. Повышение экономической эффективности природопользования достигается также на основе совершенствования законодательства в области использования ресурсов, улучшения управления природными ресурсами, а также ответственности предприятий за нарушение правил рационального природопользования, сверхнормативные загрязнения и расход природных ресурсов.

С принятием Закона «Об охране окружающей природной среды» (1992) в России создались предпосылки для кардинальной перестройки экономической политики. Речь идет о создании нового режима и механизма природопользования. При этом центральное место отводится усилению экономического регулирования и экономическим рычагам рационализации сферы природопользования.

Система регулирования природопользования органически связана с более сложной системой регулирования рыночных отношений и поэтому может рассматриваться как ее подсистема. В настоящее время элементарной структурной единицей системы регулирования природопользования следует признать предприятие-природопользователь как юридически и экономически самостоятельный субъект хозяйствования.

В понятие организации производства входят выбор наиболее рациональных методов ведения работ, регулирования процесса производства, снабжение его материально-техническими ресурсами, то есть осуществление комплекса мероприятий, направленных на рациональное сочетание процессов труда с вещественными элементами во времени и пространстве с целью повышения его эффективности и наилучшего использования производственных ресурсов. Природоохранная деятельность заключается в мероприятиях по очистке отходящих вредных веществ и предотвращении выбросов их в окружающую среду на основе внедрения в производство малоотходных технологических процессов.

Предприятие, наряду с выполнением задачи по удовлетворению потребности в его продукции, обязано обеспечить нормативное качество окружающей среды. Для получения конечных продуктов в производство вовлекаются различные природные ресурсы, прежде всего минеральные, водные, земельные. На осуществляемых стадиях переработки сырья вместе с получением валового объема полезных компонентов образуются и сопутствующие им побочные продукты и отходы, количество и состав которых зависят от технологических особенностей производства.

Управление деятельностью предприятия, которая влияет на состояние окружающей среды, называется экологическим менеджментом. Взаимосвязь производственной деятельности предприятия с окружающей средой представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Связь бизнеса с окружающей средой

Производство представляет собой процесс создания материальных благ, необходимых для удовлетворения социально-экономических потребностей общества и обеспечения его развития. Оно предполагает использование трудовых, материальных и финансовых ресурсов. Результатом производства является совокупный общественный продукт, который состоит из двух пропорциональных потоков: потока полезной продукции и потока побочных продуктов, порождаемого технологическими особенностями производственного процесса. Последние уничтожаются или выбрасываются в окружающую природную среду, вызывая ее загрязнение. Выход полезной продукции, образующийся в процессе уничтожения побочных продуктов (использование вторичных материальных ресурсов), в стоимостном аспекте может рассматриваться как частичная компенсация затрат на уничтожение загрязнений или как частный эффект. Получаемые в процессе утилизации отходов полезные продукты могут быть использованы как в основном производстве, так и быть сырьем для другого производства. В этой связи меняется содержание термина «отходы производства». Речь идет скорее о получении побочного продукта (сырья).

Производство, с одной стороны, может оказывать положительное влияние на природную среду, а с другой — вести к ее ухудшению, деградации и разрушению, нарушению естественного равновесия и существующих экологических взаимосвязей. Природная среда не остается безучастной к производимым в ней изменениям, она оказывает обратное воздействие на развитие экономики, ее эффективность и темпы роста. Отсюда вытекают экологические обязанности общества по отношению к природе, которые формализуются в требования рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей природной среды.

Эти требования необходимо выражать не только через административные ограничения, но и через соответствующую организацию управления природопользованием.

Организационной структурой управления проблемами рационального природопользования предполагается создание системы взаимосвязанных органов, деятельность которых должна быть направлена на реализацию функций управления охраной окружающей среды и рациональным использованием природных ресурсов.

Специфической особенностью системы управления рациональным природопользованием является достижение такой конечной цели управления, как наиболее полное и рациональное использование недр при устранении или локализации экологических нарушений, а также эффективное восстановление природной среды. Для достижения этой цели органами государственного управления и контроля рационального природопользования разрабатываются мероприятия по предупреждению возможных правонарушений в области охраны природы, к которым относятся:

- разработка природоохранной политики государства и установление соответствующих ей форм международного сотрудничества;
- совершенствование природоохранного законодательства;
- природоохранная деятельность хозяйственных организаций и общественности;
- выделение ассигнований на охрану природы;
- строительство природоохранных сооружений и реализация научных разработок по природозащите;
- популяризация знаний по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов.

Выделяя в экономическом управлении природопользованием систему государственного регулирования процессов производственно-экологической направленности (использование,

охрана и воспроизводство ресурсов), необходимо определить элементы такой системы и раскрыть основные системные связи.

Систему регулирования в зависимости от аспекта ее изучения можно представлять как систему административно-правового, санитарно-гигиенического, экономического и иного регулирования.

Целенаправленное воздействие со стороны государства на экономически самостоятельные предприятия в условиях рыночных отношений коренным образом отличается от прямого администрирования, которое имело место при централизованном государственном управлении. И вместе с тем нельзя утверждать, что государственное регулирование в рыночной экономике неосуществимо. Необходимость его обусловлена, во-первых, тем, что становление рынка происходит в период уже сложившейся сложной экологической ситуации, и ее исправление поэтому является безотлагательным; во-вторых, локальный, а также региональный характер проявления последствий негативного воздействия на состояние природной среды при любых социально-экономических и политических условиях требует скорректированных, согласованных усилий административных единиц, отдельных отраслей и предприятий, особенно тех, которые находятся в зоне повышенной экологической опасности; в-третьих, в рамках индикативного планирования любых целенаправленных действий в регионе возможно применение инструментов регулирования, не ущемляющих прав экономической самостоятельности субъектов природопользования.

В общем случае в качестве субъекта экономического регулирования природопользования выступают лица и учреждения, которые принимают практические решения по экономическому воздействию на природопользователей и способны их осуществлять.

Официальным субъектом такого регулирования является исключительно государство в лице правительства, территориальных исполнительных органов власти, законодательных и судебных органов. Наряду с ними, в рыночной экономике, как правило, существуют также субъекты, не обладающие суверенной властью и представляющие специфические интересы своих членов.

Традиционно методы управления производственным процессом, в том числе и в природопользовании, подразделяют на административно-правовые, организационно-экономические и социально-психологические. Такое разделение весьма условно, что объясняется прежде всего сложностью и многообразием системных связей и отношений, складывающихся в природно-хозяйственной системе. Так, административно-правовыми методами может вводиться распоряжение (постановление, закон) об экономической ответственности за несоблюдение каких-либо требований; мнение определенных кругов общественности может повлиять на ужесточение или смягчение того же закона и т.п. Наиболее перспективными методами регулирования, определяющими элементно-структурный состав системы управления природопользованием, являются: возмещение стоимости; выплата штрафов при нарушении установленных требований в утвержденных законодательством размерах; внесение платежей за пользование природными ресурсами и негативное воздействие на них. При этом формами реализации последнего могут быть налог, залог и страхование.

Указанные элементы в условиях рыночных отношений активно взаимодействуют не только друг с другом, но и с другими элементами рыночной экономики: налоговой, финансово-кредитной системами, системой ценообразования и др.

В условиях формирования рыночных взаимоотношений предприятий-природопользователей и местных органов самоуправления необходим качественно новый подход к планированию и организации управления деятельностью в сфере природопользования, включая финансовую.

Согласно действующему законодательству экономические меры обеспечения охраны окружающей природной среды предусматривают:

- определение источников финансирования мероприятий по охране окружающей природной среды;
- установление лимитов использования природных ресурсов, выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду и размещения отходов производства;
- установление нормативов платы и размеров платежей за специальное использование природных ресурсов;

— установление нормативов платы и размеров платежей за загрязнение окружающей среды;

— предоставление субъектам предпринимательской деятельности и гражданам налоговых, кредитных и иных льгот при проведении природоохранных работ;

— возмещение в установленном порядке убытков, причиняемых нарушением природоохранного законодательства.

Экономический механизм реализуется на разных уровнях: от государственного до локального, то есть до предприятий.

Структура системы финансирования природопользования — это совокупность финансовых, экологических институтов и производственных единиц, объединенных с целью рационального природопользования. Основными элементами этой системы являются:

1. *Региональный фонд охраны природопользования (РФОП)*. Фонд призван решать комплекс вопросов, связанных с образованием, распределением и использованием финансовых средств для реализации экологической политики региона.

2. *Страховые компании*. Цель экологического страхования — компенсация убытка, образуемая у третьих лиц и самого страхователя в результате аварийного или внезапного загрязнения окружающей природной среды; экономическое стимулирование предотвращения аварий у страхователя, достигаемого за счет уменьшения издержек на проведение предупреждающих мероприятий за счет страховщика, а также эффективность использования концентрируемых в страховых фондах денежных средств.

3. *Экологический фонд предприятия*. Основную ответственность за состояние окружающей среды и организацию рационального природопользования должны нести природопользователи. Экономическая самостоятельность предприятий и объединений позволяет более мобильно, оперативно и эффективно распоряжаться образованием и расходованием собственных средств. Однако такая самостоятельность вне экономической связи с природоохранными задачами региона не может быть принята за основу рационального хозяйствования. Заинтересованность предприятия в природоохранной работе должна заключаться в ее прибыльности, доходности, причем не меньшей, чем основная производственная деятельность. Увязать региональную заинтересованность в качественном состоянии природной среды с производственными задачами отдельных предприятий и производств может финансовый механизм.

4. *Банк*. Основная задача банка при финансировании и кредитовании природоохранных задач заключается в наиболее рациональном использовании природных средств, содействии выполнения планов ввода в действие производственных мощностей природоохранного значения, осуществлении природоохранных мероприятий в срок, сокращении продолжительности инвестиционного процесса.

5. *Налоговая инспекция*. Налоговая инспекция контролирует поступление платежей за загрязнение окружающей природной среды и использование природных ресурсов, взимает штрафы и налагает санкции за нарушение природоохранного законодательства, осуществляет контроль за правильностью и своевременностью перечислений, предоставляет налоговый кредит, осуществляет контроль за деятельностью регионального фонда охраны природы, банка, страховых компаний и получает всю необходимую информацию.

6. *Управление статистики*. Предоставляет информацию всем потребителям информации, получает информацию от природопользователей, регионального фонда охраны природы, страховых компаний, Управления по охране окружающей природной среды и т.д.; создает экологический банк данных.

7. *Территориальные органы самоуправления*. Утверждают смету расходов Фонда; заключают контракты с природопользователями на осуществление природоохранных программ, проектов, мероприятий, продажу права на торговлю выбросами; получают информацию от Управления статистики; получают экспертное заключение от Управления по охране окружающей природной среды; осуществляют финансирование региональных программ, проектов, мероприятий.

8. *Управление по охране окружающей природной среды*. Получает право на утверждение тома ПДВ; утверждает лимиты выбросов; дает экспертное заключение по контрактам, заключенным между природопользователем и органами территориального самоуправления.

Создание эффективной системы управления природопользованием, а именно ресурсно-экологической безопасностью социально экологического развития государства, означает не просто управление нынешней экономической политикой, а переход к принципиально новой эколого-экономической модели рыночных реформ.

Реальность отечественного экологического менеджмента свидетельствует об отсутствии стимулирующей роли экономических регуляторов. В сущности, экологические инструменты выполняют роль только фискального характера. Нынешняя экологическая политика не направлена на стимулирование выполнения экологических норм и нормативов для снижения техногенного давления на природу. Поэтому приоритетным направлением формирования действенного организационно-экономического механизма природопользования следует считать финансово-экономические действия субъектов хозяйствования, которые должны способствовать снижению выбросов загрязняющих веществ.

К основным направлениям совершенствования управления природными ресурсами природопользования необходимо отнести рыночные экономические регуляторы: налоговые льготы, льготное кредитование, экологический налог на продукт.

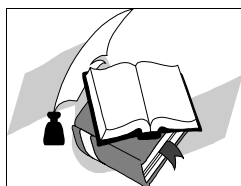
Система рыночных регуляторов строится на комбинации инструментов, которые одновременно стимулируют хозяйствующих субъектов к осуществлению природоохранных мероприятий. Такая система не только экономически выгодна, но и дает возможность использовать негосударственные финансовые источники инвестирования природопользования, что очень актуально в условиях дефицита государственного бюджета.

Разработанный организационно-экономический механизм управления природопользованием позволит органам управления стать важным элементом системы экологического менеджмента, от решений которых будет зависеть поведение предприятий-загрязнителей. В связи с этим необходимо провести реформирование организационной структуры менеджмента природопользования по функциональному принципу.

В свою очередь разработанный механизм менеджмента потребует информационного обеспечения. Такой информационной основой может стать эколого-экономический паспорт территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ruth Hillary. The Eco-Management and Audit Scheme. A Practical Guide. Stanley Thornes, 1995.
2. Environmental management tools for SMEs. A handbook // Environmental issues series. 1998.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.А. Лаврентьев

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ВАЛЕНТНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В современной лингвистической литературе отмечается, что «безличные предложения — центральная, наиболее употребительная и самая пестрая по структуре и семантике разновидность односоставных предложений»¹. В силу своей особой специфики безличные предложения трактуются учеными неодинаково. При значительном количестве исследований, посвященных различным аспектам безличных предложений, широте спектра рассматриваемых явлений, разнообразии используемых учеными приемов и методов, проблема определения сущности безличных предложений остается спорной, по-разному понимаемой и интерпретируемой как в работах сугубо научного характера, так и в учебной литературе. Несмотря на указанную дискуссионность проблемы безличного предложения, исследователи единодушны в следующем: во-первых, безличные предложения существуют; во-вторых, безличные предложения выражают независимое действие (процесс) или признак безотносительно к деятелю (производителю) или носителю признака; в-третьих, в безличных предложениях нет и не может быть подлежащего в его традиционном понимании (форма имени в именительном падеже); в-четвертых, главный член безличных предложений выражается формой, не указывающей на отношение высказывания к 1-му, 2-му или 3-му лицу.

Существование в языке, наряду с личными предложениями, безличных обусловлено языковой потребностью изобразить действие или состояние в отрыве от деятеля или носителя состояния. Грамматическая структура безличного предложения не безразлична по отношению к его значению, семантике, поэтому в таких конструкциях, как *Громом убило человека*, трудно однозначно квалифицировать семантический субъект действия (*громом*); его можно представить и как орудие действия. Е.М. Галкина-Федорук писала: «В безличной конструкции с творительным объекта действия лицо устранено, но обозначено орудие, которым действует какой-то неизвестный деятель. Вместо «*гром убил человека*» говорят «*громом убило человека*»². Если проанализировать и другие «субъектные» безличные предложения (*Меня тошнит*, *Ему холодно*), мы увидим, что объектное оформление субъектного компонента не случайно: «субъект оказывается на положении предмета, признак которого — состояние или действие — обращен к нему или на него, «настигает» его извне, без его собственной активности, лишь с его соучастием — в той мере, в какой признак включает этот предмет в соответствующее отношение, отношение к себе»³. Таким образом, в безличных предложениях «настоящая, высшая» причина события не познана и непознаваема»⁴ и в этом смысле все безличные предложения бессубъектны. Эту же точку зрения высказывает П.А. Лекант: «Семантика бессубъектности грамматически оформляется в безличность»⁵.

Итак, наличие особой грамматической структуры у безличных предложений в виде бесподлежащей конструкции с одним главным членом — сказуемым, в форме которого не выражено значение лица, не может не влиять на семантику предложения в целом, каково бы ни было его конкретное лексическое наполнение, поэтому присутствие так называемого субъекта в семантической структуре безличного предложения в любом случае не устраняет значения безличности, заложенного в грамматической структуре предложения.

Как справедливо отмечал А.М. Пешковский, в безличном предложении «бесподлежащность — не случайное явление, а составляет самую их сущность». По мнению ученого, это «предложения, в которых подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли»⁶. Однако необходимо заметить, что наличие субъекта и семантико-грамматическое значение компонентов, распространяющих безличный предикат, может определять семантические и типологические особенности его функционирования в тексте. Так, глагольные безличные предложения с общим значением «состояние природы» типа *Светаает; Смеркается*, определяемые в специальной литературе как абсолютно безличные, выражают максимально общее состояние природы, проявляющееся без ограничений. Функционируя в описании, такие предложения в той или иной мере семантически определяют все другие признаки в микротеме, например: *Смеркалось. Улицы серели, а дома вспыхивали сначала бледными, потом яркими огнями окон (К. Семенов)*.

Глагольные субъектные безличные предложения в отличие от бессубъектных могут обозначать такой признак, который обычно проявляется более или менее ограниченно, поэтому, функционируя в описании, эти предложения не имеют такого влияния на семантику других предложений в микротеме, как бессубъектные безличные предложения, например: *Зима в тот год была особо суровая. Завалило снегом леса, озера, толсто оковало льдом проруби, жгло морозным ветром да играло по утренним зорям двумя зеркальными, в радужных кольцах солнца-ми (И. Бунин)*. К тому же субъектные безличные предложения часто функционируют в повествовании и обозначают последовательные действия, например: *Рогова и помещика подкинуло ветром и швырнуло об лед так сильно, что не сразу поднялись (В. Атаев); Его отбросило, подняло на взмыве огромнейшей волной и ударило снова (С. Сергеев-Ценский)*. В подобных бессубъектных безличных предложениях в роли предиката обычно выступают личные глаголы в безличном употреблении (швырять, поднимать, затягивать и т.д.). Значение таких предложений при некоторых оговорках близко значению двусоставных; эти предложения можно трансформировать в двусоставные: *Его отбросило, подняло на взмыве волна*. Следует подчеркнуть, что при функционировании субъектных безличных предложений основную роль в передаче значения последовательности действий играет совершенный вид глагола: *Воздух похолодел, потянуло откуда-то сыростью*.

В бессубъектных безличных предложениях обычно употребляются собственно безличные глаголы: *светает, смеркается, морозит, дождит*, хотя могут быть и личные в безличном употреблении: *темнеет, светлеет, яснееет* и др.

Определяя общее языковое значение безличных конструкций, многие исследователи (Е.М. Галкина-Федорук, В.В. Бабайцева, П.А. Лекант, Н.Ю. Шведова и др.) сходятся в одном: безличные предложения в своей основной массе выражают *состояние*. Известно, что семантика предложения организуется прежде всего семантикой слов, входящих в его предикативный центр. В безличном предложении такая роль отводится предикату, так как именно он составляет предикативную основу предложения. Таким образом, значение состояния выражается прежде всего безличным предикатом и является его базовой семантической характеристикой.

Утверждение базовости данного значения у предиката аргументируется и фактом самодостаточности многих слов, способных составить предикативный центр безличного предложения и не нуждающихся в обязательном распространении. Например: *Светаает; Холодает; Морозно*.

При всем разнообразии семантики глаголов, выступающих предикатами в безличном предложении, их можно разделить на две группы, в рамках которых объединяются различные лексико-семантические подгруппы глаголов в безличной форме.

К первой группе относятся глаголы в безличной форме, обозначающие состояние природы и окружающей среды. Эта группа объединяет несколько лексико-семантических подгрупп, среди которых выделяются глаголы, называющие: определенное время суток (*светает, вечерет, темнеет, смеркается*), атмосферно-метеорологические явления (*дождит, моросит, вьюжит, пуржит*), чувственное восприятие (*пахнет, веет, тянет, несет*), а также некоторые другие значения.

Вторая группа объединяет глаголы, обозначающие состояние человека. Сюда относятся подгруппы, выражающие: психическое, эмоциональное или интеллектуальное состояние человека (*вспоминается, думается*); физическое состояние человека (*тошнит, знобит, ломит, ноет*).

Особую группу составляют глаголы с модальным значением (*подобаает, следует, надлежит*). Данная группа немногочисленна в русском языке.

Безличные предложения, главный член которых выражен глаголом, могут иметь следующие значения: состояние природы или окружающей среды; физическое состояние живого существа; психическое состояние человека; модальное значение.

Помимо глагола, главный член безличных предложений может быть выражен словами категории состояния (предикативами), в том числе формами сравнительной степени. В этом случае безличные предложения могут иметь следующие значения: состояние природы или окружающей среды; физическое состояние живого существа; психическое состояние человека; эмоциональное состояние человека; модальное значение; субъективно-объективная оценка окружающего.

Реже главный член безличных предложений выражается краткими страдательными причастиями в форме прошедшего времени среднего рода (безличной форме). При этом безличное предложение обозначает психическое состояние человека, деятельность человека или имеет модальное значение. И, наконец, главный член безличного предложения может быть представлен отрицательной конструкцией, а само предложение при этом будет иметь небытийное значение.

Главный член в безличном предложении может быть представлен синтетической или аналитической формой. Во втором случае в состав главного члена может входить инфинитив или вспомогательный связочный компонент. По мнению Н.Н. Арват, безличные предложения можно представить следующими структурными схемами:

- 1) глагольные V_{fs} ; V_{fs} Inf; neg V_{fs} Gen;
- 2) наречные Praed; Praed Inf;
- 3) причастные Part_o; Neg Part_o Gen; Part_o Inf;
- 4) отрицательные конструкции Нет Gen; Neg Gen.⁷

Категория безличности и ее функционирование на уровне простого предложения изучена достаточно подробно. Особенности же реализации категории безличности в сложном предложении до сих пор мало изучены и во многом спорны.

Различаясь по строению, простые и сложные предложения вместе с тем имеют черты сходства в динамическом аспекте. Их функция одинакова: и простые, и сложные предложения функционируют в речи в качестве цельных коммуникативных единиц, имеющих единое интонационное и словопорядковое оформление. На наш взгляд, большой интерес представляют не только безличные предложения сами по себе, но и их функционирование в составе сложного предложения, а также их сочетаемость с другими предикативными единицами.

Безличные предикативные единицы могут выступать частью как союзных (сложносочиненных и сложноподчиненных), так и бессоюзных конструкций: *В магазине было светло, и его потянуло на этот свет из темного переулка холодной и точно сальной мостовой (И. Бунин); А вот почему так получилось, Колька понять не мог... (Б. Васильев); Вечерело, вечернее бледное море лежало спокойно и плоско (К. Паустовский).*

Рассмотрим валентность безличных предложений в составе сложноподчиненных предложений.

Безличные предикативные единицы, входя в структуру сложноподчиненных конструкций, могут употребляться в функции главной или придаточной части, а также в функции главной и придаточной части одновременно.

Сочетаемость безличных предикативных единиц с другими структурно-семантическими типами простого предложения в структуре сложноподчиненной конструкции зависит от следующих факторов:

1. Какой структурно-семантический тип простого предложения вступает в подчинительную связь с безличной предикативной единицей?
2. В какой части (главной или придаточной) находится безличная предикативная единица?
3. Какой морфологической формой выражена категория безличности?
4. Какую структуру имеет главный член безличного предложения?
5. Распространено безличное предложение или нет?
6. Какое значение имеет безличное предложение?
7. Какой тип придаточного употреблен при безличном главном или, наоборот, в функции какого типа придаточного употреблено безличное предложение?

Безличные предикативные единицы могут сочетаться на основе подчинительной связи с

другими структурно-семантическими типами простого предложения. Возможны следующие комбинации: безличное + двусоставное; безличное + определенно-личное; безличное + неопределенно-личное; безличное + обобщенно-личное; безличное + инфинитивное; безличное + безличное; двусоставное + безличное; определенно-личное + безличное; обобщенно-личное + безличное; инфинитивное + безличное; номинативное + безличное. Не сочетаются только безличное главное и номинативное придаточное, что объясняется структурно-семантическими особенностями номинативных предикативных единиц.

Безличное предложение, входя в состав сложноподчиненной конструкции, может быть распространенным и нераспространенным. Среди распространенных безличных главных и придаточных предложений различаются безличные предложения с обязательными второстепенными членами и безличные предложения с необязательными второстепенными членами. Обязательные второстепенные члены являются необходимым элементом структуры безличного предложения, их наличие в составе данной предикативной единицы обусловлено структурно-семантическими особенностями главного члена. Обязательные второстепенные члены безличного главного и придаточного предложений связаны с главным членом при помощи сильного управления; зависимость обязательных второстепенных членов от главного может быть на уровне семантико-морфологическом или морфологическом.

Распространение безличного предложения обязательными второстепенными членами зависит от значения и формы главного члена. Обязательные второстепенные члены могут быть обусловлены структурой сложноподчиненного предложения, зависимость обязательных второстепенных членов от главного в этом случае осуществляется на морфолого-синтаксическом уровне.

Необязательные второстепенные члены не являются необходимым элементом структуры безличной предикативной единицы; они связаны с главным членом как при помощи слабого управления, так и при помощи примыкания.

Среди распространенных двусоставных и односоставных глагольных главных и придаточных предложений различаются предложения с обязательными второстепенными членами и предложения с необязательными второстепенными членами. К обязательным второстепенным членам относим прямое дополнение при переходном глаголе; к необязательным — косвенное дополнение и различные обстоятельства. Обязательные второстепенные члены обусловлены структурно-семантическими особенностями сказуемого двусоставного или главного члена односоставных предложений либо структурой сложноподчиненной конструкции. Обязательные второстепенные члены предложения связаны со сказуемым двусоставного или главным членом односоставного глагольного предложения при помощи сильного управления, необязательные второстепенные члены предложения связаны со сказуемым двусоставного или с главным членом односоставного глагольного предложения при помощи слабого управления или примыкания.

Главное номинативное предложение может быть распространено только согласованными или несогласованными определениями, которые носят факультативный характер.

В сложноподчиненном предложении безличное главное может сочетаться с безличным придаточным; такое сложноподчиненное предложение представляет структуру частей, одинаковую по синтаксической природе.

В разноструктурном сложноподчиненном предложении в функции главного и придаточного употребляются безличные предикативные единицы различной семантики, однако в функции главного преимущественное большинство составляют предложения, обозначающие состояние человека, а в функции придаточного — предложения с модальным значением.

В сложноподчиненной конструкции с безличными частями сочетаются безличные предикативные единицы одинаковой или разной семантики. В сложноподчиненных предложениях с безличными частями семантика безличных предикативных единиц вносит некоторое ограничение в их сочетаемость; главное безличное предложение не всегда сочетается с безличным придаточным цели, причины, условия.

Учитывая различный структурно-семантический план предикативных единиц, входящих в состав сложноподчиненных предложений, можно выделить абсолютно-безличные сложноподчиненные предложения (безличное + безличное; безличное + инфинитивное; инфинитивное + безличное) и безлично-личные или лично-безличные в зависимости от того, какая семантика (личная или безличная) доминирует в данном сложноподчиненном предложении.

Сложноподчиненное предложение с безличной предикативной частью представляет со-

бой лингвистическое явление, заключающее в себе обширную сферу языковой деятельности. В связи с этим возникает ряд вопросов, связанных с процессом нахождения границ указанных конструкций. Заслуживающим внимания представляется вопрос о функционировании категории безличности в сфере союзных сочинительных конструкций, а также конструкций контаминированной структуры. Открытым остается вопрос о функционально-семантическом поле сложных предложений с безличной предикативной частью (частями). Таким образом, можно определить ряд направлений для дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М., 1987.

² Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.

³ Павлов В.М. Субъект в безличном предложении // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Л., 1992.

⁴ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

⁵ Лекант П.А. Основные аспекты предложения // Русская речь. 1975. № 1.

⁶ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

⁷ См.: Арват Н.Н. Семантическая структура безличных предложений в современном русском литературном языке. М., 1976.

Н.В. Коваленко

МАРГАРИТА Б. ПАСТЕРНАКА И ГРЕТХЕН И.В. ГЁТЕ

(к проблеме интерпретации образа героини И.В. Гёте в поэзии Б. Пастернака)

В русской литературной критике сложилось несколько одностороннее отношение к образу гетевской Маргариты (трагедия «Фауст»). В.А. Жуковский видел в основе его «...торжество смирением и покаянием над силою ада и над богоотступной гордостью человеческой...»¹. В.Г. Белинский определял Маргариту «идеалом женственной любви и преданности, покорной и безропотной жертвой страдания, смерть которой была для нее спасением и искуплением ее вины, в христианском значении этого слова»². И.С. Тургенев утверждал: «О самой Гретхен мы не будем распространяться: она мила как цветок, прозрачна, как стакан воды, понятна, как дважды-два — четыре; она бесстрастная, добрая немецкая девушка; она дышит стыдливой прелестью невинности и молодости; она, впрочем, несколько глупа. Но Фауст и не требует особенных умственных способностей от своей возлюбленной»³. Интересно и опять же характерно отрицательное отношение Н.Г. Чернышевского (впрочем, он более верно и глубоко интерпретировал этот образ, чем И.С. Тургенев) к идеализации наивности Гретхен, ставшей общим местом в современной ему критике: «И не только Фаусту начинает быть скучно подле Гретхен, не только совесть упрекает его — являются положительные поводы к недовольству Гретхен; она не может разделять его понятий, она хочет, чтобы он возвратился к понятиям, пора которых уже пережита Фаустом, к которым он не может возвратиться, — она требует, чтобы он для нее отказался от приобретений, сделанных его мыслью, — это невозможно»⁴. Чернышевский видит Маргариту «нежной, но не сильной», находя в ней много общего с гетевским Вертером. А.И. Герцен увидел в изображении «женской доли» Гретхен элементы реализма и социальной жалости, созвучные прогрессивным течениям русской литературы этой эпохи. Одновременно среди литературоведов 40-х и 50-х годов XIX столетия бытовало мнение об изображении наивной женской души, пробужденной любовью к сознательной жизни и вступающей в трагический конфликт с окружающей средой, что перекликается с актуальной тематикой эмансипации женщины, выдвинутой в жоржзандистской литературе. Развитие этой тенденции обнаруживается у М.А. Бакунина, И.С. Тургенева в его «Фаусте», Н.Г. Помяловского и др. Д.Н. Овсяннико-Куликовский, осуждая Фауста, в свою очередь определял Маргариту жертвой, вызывающей, правда, сожаление, «но она так проста и наивна, она — такая неинтересная дурочка, что читателю приходится самому иде-

ализировать и поэтизировать ее, чему очень помогают, конечно, превосходные стихи Гёте»⁵. Гетевская Маргарита представляется ему одним из литературных мифов, основанных на «культе Гёте». Но, добавляет критик, «его нет в знаменитой трагедии великого мыслителя — там на его месте находится нечто совсем другое, — фигура, в которой нет и тени поэзии и которая годится опять-таки только для мещанской мелодрамы и для уголовной хроники»⁶. Несколько позже К. Бальмонт увидит в трагедии Маргариты обычную мелодраму. Таким образом, в зависимости от позиции комментатора, героиню видят либо воплощением истинной христианской веры и нравственной чистоты, либо носителем старых религиозных предрассудков, мещанкой, находящейся во власти своих традиционных представлений. Она тянет Фауста назад, отвлекает от внешних планов. В большей степени все эти замечания определяют прежде всего нравственные или философские, религиозные позиции самих исследователей, чем подлинное значение героини и ее положение в системе образов. Маргарита, по мнению исследователей, была и остается лишь спутником, своеобразным придатком к могучему образу Фауста — помогающим или мешающим, уже неважно. Как самостоятельный персонаж она чаще не представляла никакого интереса для исследователей.

Тенденция отрицательного отношения к образу гетевской Маргариты сохранилась в русской литературной критике XX века. Н. Вильмонт, отстаивая собственные нравственные и философские принципы, говорит: «Многое в характере отношений Фауста к предмету его страсти оскорбляет наше нравственное чувство»⁷. Фауст только «играет любовью» и тем вернее обрекает на смерть возлюбленную. Покориться чарам Маргариты означало бы так или иначе подписать мировую с окружающей действительностью. Маргарита-Гретхен — обаятельное порождение порочного мира. Чем станет она в будущем? Это зависит от обстоятельств: она не противопоставляет им своей воли. Эту тему продолжает развивать Л. Копелев: «Она добрая, чистая душой, самозабвенно и доверчиво любящая — живое олицетворение самых здоровых сил земной действительности, народности, женственности... но именно поэтому, бесхитростно простая, обаятельная и ограниченная в своем очень конкретном личном обаянии, она не может дать Фаусту даже одного мгновения полного... счастья... Он горячо любил все человечество, но его любовь к Маргарите оказывается эгоистичной и потому жестокой, губительной. А Маргарита могла любить только его одного. И любила самоотверженно, безоглядно, жертвуя всем, забывая обо всем, кроме счастья возлюбленного»⁸. Далее Л. Копелев добавляет: «В судьбе Маргариты олицетворена «горестная доля многих миллионов, живших и живущих в таких общественных условиях, когда женщина считается существом низшего разряда»⁹. Считая Маргариту ограниченной, простой, наивной, консервативной, не давая ей ни малейшего шанса на самостоятельное развитие, видя ее лишь продолжением образа Фауста в его низменных инстинктах и потребностях, считая ее поэзию «поэзией домохозяйки», исследователи, тем не менее, сходятся в одном: любовь к Фаусту — смысл существования самого этого образа. Только одни низводят эту любовь до страсти глупой, недалекой самки, а другие видят в ней простоту неискушенного сердца. Но дело в том, что Маргарита как раз интересна и значительна своим чувством: любовь поглотила разум, она довлеет над ней, над ее поступками, но она не жалеет о своем чувстве. И финал ее определен в большей степени развитием, обусловленным в первую очередь поведением Фауста, а не ее духовным или нравственным противоречием. Ведь в своей духовной ипостаси Маргарита равна Фаусту: стремясь примирить свои нравственные принципы с принципами возлюбленного, она успокаивается лишь тогда, когда убеждается в равенстве. Действительно, Фауст близок Маргарите по духу, по высочайшему смыслу человеческого существования, хотя девушка все же понимает, что ее возлюбленный не исповедует христианства. Именно посредством своего сердца она возвращается к естественному, а не церковному мировосприятию, услышав вопрос Фауста: «Об этом говорят повсюду все сердца под небосводом, и каждый на своем языке: почему же мне не говорить на своем?» Оправдываясь посредством своего все понимающего на бессознательном уровне сердца она испытывает страх перед Мефистофелем не в силу собственной религиозности и естественного страха правильной христианки перед чертом, а потому, что этот страх — страх «перед косной повседневностью окружающей жизни, перед ее условностями, предрассудками, перед всем тем, что является противоестественным напластованием над истинной природой человека»⁹. И она сумела, хотя в заслугу ей это никто не ставит, переступить через эти условности, через предрассудки. И для нее важнее та духовная близость, которая возникла у них с Фаустом после беседы о религии, чем близость физическая, которая им только еще предстоит. Гёте сталкивает в этом чувстве чистоту только что распустившейся души и

многолетнюю (ведь Фауст проживает не первую жизнь), познавшую жизнь в ее теоретической неприглядности души. В этом поединке есть только внутреннее всеохватывающее чувственное единство мира: «Зови его, как хочешь: любовь, блаженство, сердце, Бог».

Именно эта всеобъемлющая чувственность становится основополагающей в пастернаковской интерпретации гетевской Гретхен. Вариация этого образа в поэзии Б. Пастернака зависит от мировоззренческой и творческой позиции самого поэта, в частности, от решения темы «женской любви» и вообще темы женщины.

Любовь по Пастернаку — основа этого образа. У А. Шопенгауэра есть классификация трагических коллизий. Первая коллизия: причиной трагедии является зло, сосредоточенное в определенном лице. Вторая: трагическая развязка обусловлена стечением исторических обстоятельств. Третья: в трагической ситуации нет виновных, когда она выражает глубинную трагедийность бытия (Гамлет — Офелия, Фауст — Маргарита). В творчестве Б. Пастернака коллизия Фауста — Маргариты неоднократно обнаруживается своей драматической стороной, явно или намеком, в той или иной мере субъективности. Сборник стихов Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь» в основе своей несет черты чувства гетевской героини.

Лирическая героиня сборника внутренним духовным содержанием апеллирует к гетевской Маргарите, с ее еще детским, но таким смелым ощущением и восприятием жизни. Это истинное проявление женского существа в его вечном стремлении к любви и одновременно это воплощение невозможности осуществления данного чувства из-за зависимости от внешних традиций и консервативных предрассудков. В стихотворении «Любить, — идти, — не смолкнул гром...» поэт, сопоставляя восприятие полученное от гетевской трагедии и оперы Ш. Гуно «Фауст», создает новый образ Маргариты как символ постоянного обновления бытия. Пастернак не случайно сравнивает возраст самого солнца с возрастом лирической героини. Да, оно старше ее, но и ее возраст приближается к бесконечному: она постоянна, как постоянно и вечно существующее само чувство любви. Маргарита — первая женщина, вечная женственность. Но она не призрачна, как призрачны «Вечные Жены» А. Блока, она состоит из плоти, но плоть подчинена ее духовному миру, и физическая близость — естественное продолжение духовной. Наиболее отчетливо тема единения физической и духовной близости, невозможности их существования друг без друга находит свое воплощение в стихотворении Б. Пастернака 1919 года «Маргарита». «В «Маргариту», как это часто бывает, я был некоторое время влюблен, читая ее моим друзьям (большинство из них были горячими почитателями Пастернака), — писал Н. Вильмонт. — Когда меня впервые заворожила «Маргарита», я только решил про себя, что невозможно было лучше раскрыть вычеркнутое Гёте восклицание Гретхен: «Und — ach! — mein Schoß!» (то есть: «И — ах! — мое лоно!»), иначе: томление девушки по ее возлюбленному, к «Фаусту». И Пастернак со смущенной радостью со мной согласился»¹⁰. Воспоминания литературоведа не только убедительно доказывают несомненное родство лирической героини с гетевским образом, но в большей степени проясняют отношение к ней самого поэта. Пастернак был знаком не только с классическим текстом трагедии «Фауст», но и со многими вариациями ее, так как строчка, упомянутая Вильмонтом, была Гёте вычеркнута.

Маргарита Пастернака — это женский образ, воплотивший в себе черты множества женских образов как литературных, так и реально существующих. Это сильная, уверенная в своем чувстве и поэтому в самой себе личность, ей не свойственна стыдливость. Это воплощение самой любви, самой страсти в высшем духовном понимании этого чувства. Образ несет в себе черты и гетевской Гретхен и характерного для русской литературы XX века образа сильного женского начала: в паре Маргарита — Фауст доминирует Маргарита. Именно такова Маргарита М. Булгакова в его знаменитом романе «Мастер и Маргарита». Сильная, страстная, она решает свои отношения с Мастером — Фаустом, не боясь любить и расплачиваться за это чувство собственной жизнью. Суламифь А. Куприна напоминает гетевскую Маргариту силой и наполненностью своей любви. Выделяется, пожалуй, лишь Маргарита Н. Гумилева — центральный образ одноименного стихотворения. Здесь гетевская героиня низведена до крайней степени мещанской безнравственности. Маргарита Н. Гумилева — продажная девка, цена которой ларец, ставший причиной гибели ее родного брата и позором матери. Да и возлюбленный ее не Фауст, а сам Мефистофель — «насмешник в кровавом плаще». У Пастернака нет даже упоминания о предмете любви героини, главным для него становятся страсть, естественность и полнота ощущений:

И, когда изумленной рукой проводя
По глазам, Маргарита влеклась к серебру,
То казалось под каской ветвей и дождя,
Повалилась без сил амазонка в бору¹¹.

Силки «чинной девичьей страсти» рвутся самой героиней, поэтому и кажется, что раненая воительница — «амазонка», настигнутая мощью своего влечения, упала без сил. Страсть необузданная, влекущая и одновременно отталкивающая, вообще характерна для поэзии Пастернака. Как нечто краугольное и первичное, любовь равнозначительна творчеству.

Любимая жуть! Когда любит поэт,
Влюбляется Бог неприкаянный.
И хаос опять вылезает на свет,
Как во времена ископаемых.

«Маргарита» — это страсть, но страсть женщины, и она не менее разрушительна, чем мужское чувство. Причем Пастернак объединяет в одном стихотворении мужское и женское начала: «амазонка» — с одной стороны, изумленность и податливость — с другой. Женскому чувству у поэта вторит и природа:

Он как запах от трав исходил. Он как ртуть
Очумелых дождей меж черемух висел.
Он кору одурял. Задыхаясь ко рту
Подступал. Оставался висеть на косе.

В «Маргарите» ряд реальный, действительный («кусты», «бор», «соловей») перемежается рядом историческим, легендарным («амазонка», «шлем», «каска»), создавая при этом ощущение вневременности, бесконечности. При этом использование своеобразной метафоры-символа девы-воительницы обуславливается, с одной стороны, гетевской традицией (в романе о Вильгельме Майстере эта тема проходит красной нитью), с другой — воспоминаниями самого русского поэта. В детстве, по собственным воспоминаниям, Б. Пастернак был поражен отрядом амазонок, выступавших перед зрителем с театральным представлением¹². Именно тогда Пастернак осознал для себя весь трагизм бесправного в собственном проявлении чувств положения женщины, зависимой и одновременно торжествующей над мужчиной. И даже само понятие революции сопрягается у Б. Пастернака с темой женщины. М. Цветаева в одной из статей, посвященных поэту, определила: «Вот признание самого Пастернака, недавнее, после пятнадцати лет Революции, признание:

И так как с малых детских лет
Я ранен женской долей,
И след поэта — только след
Ее путей — не боле¹³.

Своеобразное, но характерное для русской литературы начала и середины XX века решение образа Маргариты оказало несомненное влияние и на сам процесс перевода бессмертной трагедии немецкого классика. А. Вознесенский в статье, посвященной Б. Пастернаку, заметил: «Он и «Фауста» где-то перевернул. У Гёте второстепенная героиня — Гёте не думал и не знал этого. — Маргарита у Пастернака овладевает вещью, вдыхает в нее жизнь, боль!»¹⁴. А. Шахов в своих лекциях, посвященных творчеству Гёте, Маргариту определял следующим образом: «... самостоятельного значения Гретхен для нас не имеет. Она любопытна по отношению к Фаусту, и этим она его привлекает. Простота, эпичность Гретхен поражает даже Мефистофеля, у которого на наивные слова ее прорывается возглас: «Das... Kind! (ребенок)»¹⁵.

Н. Холодковский также переводит дословно: «ребенок», «девочка», «девчонка»; Пастернак переводит иначе: ребенок в его переводе превращается в женщину. Ср:

В переводе Пастернака:

Просто диво,

В переводе Холодковского:

Ах, Боже мой, как он учен!

Куда он устремляет мысль свою!
А я пред ним в смущении стою,
Всему поддакивая торопливо.
И все же в толк никак я не возьму,
Чем я могла понравиться ему? ¹⁶

Или:
Сведи меня с той девушкой.

Чего, чего не знает он.
А я пред ним должна стоять,
Краснеть, да слушать и молчать.
Ребенок я — он так умен:
И что во мне находит он? ¹⁷

Или:
Ты должен мне добыть девчонку непременно.

Да и само отношение Фауста к Маргарите у переводчиков получает различную стилистическую окраску:

В переводе Пастернака:

Будь семь часов покоя мне даны,
Я б не нуждался в кознях сатаны,
Чтоб совратить столь молодое зелье.

В переводе Холодковского:

Будь семь часов спокоен я —
Не надо черта мне в друзья,
Чтоб соблазнить такую штучку!

Вечное преклонение Пастернака перед женщиной, возвеличивание ее в собственной поэзии отложило несомненный отпечаток и на стилистическую окраску перевода. «Штучка» у Холодковского и у самого Гёте вырастает в переводе Пастернака до высот неземных, превращается в ангела:

Поверь, мой ангел, то, что мы зовем
Ученостью, подчас одно тщеславье.

Исследователи нередко обвиняли Пастернака в стилизации переводов в зависимости от собственного поэтического стиля. И в отношении Маргариты поэт нередко употребляет в качестве перевода близкие его поэтической концепции строки, слова, меняя тем самым сущность самого текста: незначительное на первый взгляд изменение ведет к подвижкам во всем произведении, во многих составляющих его образах:

В переводе Пастернака:

Хоть миг вниманья подарите мне,
И я всегда вас помнить буду вправе.

В переводе Холодковского:

Когда б вы обо мне подумали хоть раз,
О вас бы думала с тех пор всегда я.

Употребление самого слова «миг» напоминает нам о сделке Мефистофеля и Фауста. Неслучайно героиня в переводе Пастернака просит у Фауста подарить ей мгновенье, как бы утверждая истинность именно этого момента: любовь — высшее проявление на земле, ради которого возможно продать душу самому Сатане (мотив продажи души не Мастером, а Маргаритой у Булгакова). Маргарита у Пастернака сильнее Фауста, что традиционно для русской литературы с ее обмельчавшим в собственных желаниях гетевским героем, и Пастернак интерпретировал образ в зависимости от собственной поэтической системы, сделав его частью современной литературной эпохи, включив его в русло русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе. М., 1982. С. 230.

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 12. С. 416.

³ Жирмунский В.М. Указ. соч. С. 231.

⁴ Там же. С. 404.

⁵ Там же. С. 405.

⁶ Там же. С. 406.

⁷ Вильмонт Н. Гёте. М., 1959. С. 301.

⁸ Копелев Л.З. «Фауст» Гёте. М., 1962. С. 89.

⁹ Там же.

¹⁰ Вильмонт Н.Н. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. М.: Сов. писатель. С. 69—70.

¹¹ Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989.

¹² См. там же. С. 352.

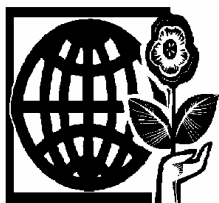
¹³ Цветаева М.И. Поэты с историей и поэты без истории // Хрестоматия критических материалов: Русская литература рубежа XIX—XX веков. М.: Рольф; Айрис-Пресс, 1999. С. 45.

¹⁴ Вознесенский А. Небо Б. Пастернака // Иностранная литература. 1968. № 1. С. 23.

¹⁵ Goethe Johann Wolfgang «Faust». Der Trägödie erster und zweiter Teil., Berlin, 1966.

¹⁶ Гёте И.В. Фауст: Трагедия / Пер. с нем. Б. Пастернака; Под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта; Коммент. А. Аникста // Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1976.

¹⁷ Гёте И.В. Фауст / Пер. с нем. М. Холодковского. М., 1954.

С.Р. Подоль

ФОРМИРОВАНИЕ ЛАНДШАФТОВ ПОЛЕСИЙ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Проблема происхождения полесских ландшафтов на Русской равнине неразрывно связана с вопросом генезиса развитых здесь песчаных накоплений. Он рассматривался многими исследователями и, несмотря на некоторые разногласия высказываемых суждений, не вызывает сомнения, что ведущим фактором развития природы полесий стало совокупное действие флювиогляциальных, криогенных и аллювиальных процессов. Они повлекли за собой глубокую физико-химическую переработку литогенной основы и сформировали современные черты полесий — сильно заболоченные песчаные низменности, которые по своему облику сходны с более северными ландшафтами лесной зоны.

Исследуемые территории по своим генетическим особенностям относятся к перигляциальным областям московского и валдайского ледников. В приледниковой зоне существовали благоприятные условия для оттока талых ледниковых вод в долины крупных рек — Днепра, Оки, Волги. Поэтому в периоды наступания и разрушения ледников современный пояс полесий, как и большая часть Русской равнины, находился под воздействием многочисленных наземных и подземных водно-геохимических потоков. Реки, начинавшие свой сток от края ледника, имели высокие концентрации кремнезема и других растворенных веществ. Различные химические элементы выпадали в осадок по мере насыщения ими растворов при движении вод к югу. Первыми из раствора выпадали соединения марганца, железа и затем кремнезема. Ярко выраженная аккумуляция соединений марганца и железа наблюдается повсеместно в гидроморфных ландшафтах заболоченных понижений и поймах рек. Областью механической аккумуляции кремния в виде кварца является пояс полесий [9].

Действительно, в геохимическом отношении флювиогляциальные отложения характеризуются доминированием в их составе кремнезема. Другие компоненты играют резко подчиненную роль (из них наибольшее значение имеют оксиды алюминия (Al_2O_3), железа (Fe_2O_3) и щелочные элементы). Преимущественное накопление в литогенной основе кварца связано не только с его особой устойчивостью, но и с другими факторами. Прежде всего к этим факторам следует отнести способ механической дифференциации вещества. Так, флювиогляциальные потоки отлагали преимущественно грубозернистый материал, лишенный тонких фракций — основных носителей вторичных продуктов выветривания исходных пород [8]. Часть полевых шпатов, особенно кальциевых, при транспортировке неизбежно разрушалась до меньших размеров, оседая в мелкоалевритовой фракции. Однако, по-видимому, большая часть тонкодисперсного терригенного материала дробилась еще до переноса водными потоками в теле ледника или на месте первичного залегания под влиянием процессов выветривания. Поэтому кальций, содержащийся в крайне малых количествах, в основном связан с силикатами. Вообще, механизм криогенного выветривания имеет сложную природу и относится к физико-химическому типу. Экспериментально установлено, что пределом криогенного разрушения кварца, амфиболов и пироксенов является размер зерен 0,05—0,01 мм, полевых шпатов — 0,1—0,05 мм, биотита — 0,25—0,1 мм, полевых шпатов — 0,1—0,05 мм, биотита — 0,25—0,1 мм, мусковита — 0,5—0,25 мм [7].

Для минералого-петрографического состава аллювиальных отложений характерны продукты глубокой физико-химической переработки главным образом первоначальных изверженных пород кислого ряда. Древнеаллювиальные пески представляют собой кварцевые, реже полевошпатово-кварцевые аккумуляции. В ассоциации тяжелых минералов преобладают устойчи-

вые минералы кислых изверженных пород. Ассоциации глинистых минералов характеризуются гидрослюдистым, реже каолин-гидрослюдистым составом.

Активная аккумуляция песков в современных полесьях началась с приближением края днепровского ледника. Талые ледниковые воды заполняли речные долины, размывали древнеаллювиальные отложения и распространялись на междуречья. На значительных территориях современных полесских низменностей сток огромных масс талых вод по разным причинам был затруднен, а реки оказались подпруженными. Это создавало условия для образования водных бассейнов, где происходило накопление осадков — преимущественно мелко- и тонкозернистых песков с прослойками иловатых суглинков. В результате сформировались крупные аллювиальные равнины [4; 11; 12].

Во время таяния днепровского ледника сток вод концентрировался вдоль доледниковых долин. Это способствовало образованию вытянутых вдоль крупных долин зандров — поверхностей флювиогляциальной, а впоследствии аллювиальной аккумуляции.

Разрушающийся ледник распадался на большие поля мертвого льда, между которыми находились протаявшие возвышенные водоразделы [15]. Между ними и полями мертвого льда возникали водные бассейны с затрудненным стоком. Там, где сток не был затруднен, отлагались флювиогляциальные осадки.

После отступления днепровского ледника описываемые ландшафты представляли собой низменные, слабо расчлененные и значительно обводненные водно-ледниковые равнины. Климат был умеренно-холодным и влажным. В растительности господствовали хвойные (преимущественно сосновые) и березовые леса с примесью широколиственных пород. В бассейнах Оки и Волги широколиственные породы были представлены липой и вязом, а в бассейне Припяти — липой и грабом. Подавляющее доминирование сосны, содержание пыльцы которой в исследованных торфяниках [16] достигает 98 процентов, объясняется, вероятно, преобладанием песчаных грунтов. Кроме того, вслед за отступающим ледником из южных и юго-западных районов Европы в первую очередь начали проникать наименее требовательные к условиям среды сосна и береза.

Приближение московского ледника выразилось в нарастании континентальности и суровости климата. В перигляциальной зоне широколиственные леса сменились сначала березовыми кустарниками, а затем растительностью, представленной тундровыми и степными видами.

Активный сток талых ледниковых вод способствовал мощной аккумуляции водно-ледниковых отложений. Наряду с этим широкое развитие получили криогенные процессы: морозное растрескивание, солифлюкция, образование наледей и бугров пучения. Ледниковые воды заполняли не только неглубокие понижения, но и возвышенные водоразделы, в результате чего образовались зандровые равнины, сложенные разнозернистыми песками незначительной мощности [17]. На участках, не занятых водами, происходило развевание зандров.

Интенсивное таяние ледника в период его отступления явилось причиной активизации деятельности ледниковых потоков, в результате чего флювиогляциальные отложения вновь покрыли многие участки полесских территорий. Сток пополнялся многочисленными блуждающими потоками, перегруженными наносами. В Мещере, между Прой и Окой, образовался обширный проточный водоем, уровень воды в котором достигал 125—130 м [11]. В Кубенско-Сухонской низине возникли обширные и глубокие приледниковые озера [17].

Растительный покров позднемосковского времени был представлен, скорее всего, березовым редколесьем с широким развитием ксерофитных, тундровых и болотных формаций. Хвойные леса занимали в то время еще довольно ограниченные площади, но началось расселение ольхи [3; 12; 21].

В период, предшествовавший климатическому оптимуму межледниковья, на описываемых территориях господствовала лесная растительность, представленная главным образом сосновыми и березовыми ассоциациями с небольшой примесью широколиственных пород. В условиях прогрессирующего потепления климата происходило активное зарастание озер и образование болот, в которых начал накапливаться торф.

Климат микулинского времени отличался от современного более теплыми зимами. В центральных районах Русской равнины (Москва, Тверь) средние температуры июля составляли приблизительно 19—19,5°, а среднеянварские температуры находились на уровне –3—4°. Годовое количество осадков достигало 800 мм [6; 17]. Эволюция растительности проявлялась в постепенном увеличении доли широколиственных пород: дуба, вяза, орешника, липы и граба. К концу периода климатического оптимума широколиственные породы доминировали. Повсеместно происходило формирование почвенного покрова из дерново-палево-подзолистых почв

на водоразделах, дерново-глееватых — на днищах эрозионных ложбин и торфяно-болотных — на мощных древесно-гипновых торфах в замкнутых влажных котловинах [12].

В конце микулинского межледниковья на территории полесий активно шел процесс пространственной ландшафтной дифференциации. Причинами этого явилось энергичное врезание рек и, как следствие, глубокое эрозионное расчленение сформировавшихся к этому времени поверхностей водно-ледниковой и озерно-аллювиальной аккумуляции. Так, река Ока и ее притоки врезались на 5—10 м глубже современного уровня [11]. Река Припять тоже интенсивно размывала ледниковые отложения, в результате чего происходило формирование ее второй террасы. Терраса в настоящее время имеет колоссальную площадь — около 130 тыс. км², что служит достаточным основанием считать ее аллювиальной равниной [4; 10]. Эрозионные процессы активизировались и в ложбинах стока талых ледниковых вод, сформировавшихся на заключительной стадии московского оледенения. Эти ложбины углублялись и расширялись.

Таким образом, к концу межледниковья регион полесий представлял собой обширные, слабо дренированные, залесенные и заболоченные аллювиально-водно-ледниковые равнины, покрытые многочисленными озерами и болотами.

Начало валдайского оледенения вызвало похолодание климата. В частности, климатические условия ранневалдайского этапа на территории современного пояса полесий некоторые исследователи [6] сравнивают с современными климатическими особенностями южной части Средней Сибири. Средняя температура июля составляла 16—18°, января — 16—24°. Годовое количество осадков не превышало 400 мм. Спорадическое распространение имела многолетняя мерзлота. Хвойные леса конца межледниковья сменили хвойно-мелколиственные, которые затем начали перемежаться с участками холодной лесостепи, отдаленно напоминавшей современную сибирскую лесостепь с березовыми колками.

Средневалдайский этап развития ландшафтов характеризовался климатическими условиями, значительно более суровыми, чем современные. В периоды относительных потеплений на большей части средней полосы Восточно-Европейской равнины январские температуры были 27—28°, а осадков выпадало не более 300—400 мм в год [3; 12]. В оптимум средневалдайского времени климатические условия напоминали современные. Это непродолжительное межстадиальное время знаменовалось значительным возрастанием площади лесов, преимущественно сосновых. Небольшое распространение имели также широколиственные породы: вяз, липа, орешник.

В поздневалдайское время ледник достиг максимального распространения. Наличие ледникового покрова ослабило зональную и усилило меридиональную циркуляцию атмосферы. Ландшафтные условия в перигляциальных зонах во время максимальной фазы поздневалдайского оледенения определялись господством крайне суровых климатических условий. Возросла роль вторжений арктических воздушных масс, особенно зимой. Фазе наибольшего похолодания, связанной с поздневалдайским оледенением и датируемой 23—17 тысяч лет назад, на сопряженных с полесьями территориях соответствует горизонт наиболее чистых карбонатных лессов, залегающих выше брянской почвы. Малая степень выветрелости этих лессов, близкая к аналогичному показателю для лессов Якутии, морфологические особенности песчаных зерен, а также данные палинологических анализов указывают на то, что их формирование происходило в резко континентальных условиях существования вечной мерзлоты [1]. Палеоботанические исследования показывают, что плакорные пространства в это время представляли собой открытую холодную степь. Господство тундрово-степных и тундровых ландшафтов подтверждается находками таких видов фауны, как мамонт, северный олень, песец [6].

Климат разных частей перигляциальной зоны характеризовался неоднородностью: на западе наблюдались сильные циклонические ветры, приносящие не менее 500 мм осадков в год [4]. На востоке сила ветров и годовое количество осадков убывали до 300 мм. Температура самого теплого месяца на территории современной Москвы не поднималась выше +12°, а самого холодного — выше 25°. В целом зимой и летом преобладала ясная погода, тогда как весной и осенью — циклоническая погода со снегопадами. Средние годовые температуры, по разным данным, составляли от 0° (Гагель, Верт) до 6° (Бюдель).

Возрастание суровости климата и сокращение древесной растительности способствовали широкому развитию криогенных процессов. Область сплошного распространения многолетней мерзлоты на Русской равнине располагалась севернее 45—47° с.ш. Мерзлотные полигональные системы были сходны с аналогичными системами северо-востока Сибири и Аляски. В частности, в Мещере образовывались пластово-жильные и полигонально-жильные льды [12],

которые при последующем вытаивании способствовали созданию многочисленных котловин, западин и верей. Большинство озерных котловин междуречья Оки и Клязьмы имеет термокарстовое происхождение. Поверхность Припятского полесья была покрыта обширными наледями, которые создавали подпор водно-ледниковым потокам и способствовали тем самым образованию многочисленных озер, в которых происходило накопление толщи ледниково-озерных отложений [10]. Между этими наледями и по их трещинам протекали водные потоки, сформировавшие впоследствии так называемые «наледные озы», особенно широко развитые по реке Уборти. Солифлюкция способствовала обильному сносу в речные долины большого объема рыхлого материала. Это нарушало речной сток и приводило к образованию подпрудных озерных бассейнов. В них шла аккумуляция ледниково-озерных отложений, преимущественно песчаного состава. В валдайское время произошло обводнение Молого-Шекснинского бассейна.

Существенное развитие получили процессы аккумуляции аллювия в долинах рек и даже на междуречьях, в результате чего поверхность аккумуляции расширялась, образовывались наложенные поймы. Аккумуляция аллювия осуществлялась на фоне слабого тектонического опускания территорий, поэтому накопились аллювиальные толщи повышенной мощности.

Существование обширных, сильно обводненных понижений, по некоторым данным [13], создавало условия для сохранения в Мещере и долине Припяти лесной растительности, представленной редкостойными хвойными лесами и березовыми колками. Под ними формировались маломощные многолетнемерзлотные почвы с небольшим содержанием гумуса. Современным аналогом этих ландшафтов в какой-то мере можно считать районы Центральной Якутии.

Отступая на север, ледник таял неравномерно, оставляя при своих задержках стадийные морены, а в понижениях рельефа — глыбы мертвого льда. Вытаивание этих глыб впоследствии повлекло за собой образование озер.

Разрушение ледника способствовало потеплению климата, в результате чего начали формироваться березовые и сосново-березовые сообщества с элементами тундровой растительности и участием ксерофитов [3; 17]. Кроме того, по мере отступления ледника территории полесских низин снова были подтоплены талыми ледниковыми водами. Они также размывали поверхности озерно-аллювиальной аккумуляции московского возраста, разделяя их на отдельные останцы.

Во время интерстадиалов (беллинг и аллеред) преобладающим типом растительности стали таежные леса, довольно разреженные, перемежающиеся со степными и тундровыми пространствами. По палеоботаническим данным [3; 5; 6; 12], температура июля в аллереде достигала 13—14°. Возрастание летних температур заметно опережало увеличение количества летних осадков. Это являлось причиной возрастания сухости вегетационного периода и способствовало ксерофитизации растительности перигляциальной зоны. В целом от среднеледниковья к позднеледниковью климат становился более континентальным. Однако годовое количество осадков вряд ли уменьшилось, так как общее потепление и устранение препятствия в виде мощного ледникового антициклона с главных путей циклонов не могли не повлечь за собой некоторое увеличение осадков.

Аллередское потепление способствовало началу процесса деградации многолетней мерзлоты и активизации развевания песков. Именно к этому времени относится первый значительный этап закрепления песков почвенно-растительным покровом.

Похолодание позднего дриаса проявилось в резком снижении зимних температур. Они отличались от современных на 7—8°, в то время как отклонение июльских температур от современных не превышало 2—5°. Активно проявлялось влияние арктического фронта, который действует и в настоящее время.

В составе древостоя сократилось количество ели, сосны и увеличилась доля кустарниковых берез. Редкостойные сосновые леса и березовые колки чередовались с открытыми пространствами, занятыми полынно-маревыми сообществами. Климат был в целом неблагоприятный для почвообразования.

В позднеледниковый период по-прежнему активную роль играли термокарстовые процессы, способствовавшие возникновению озер. Солифлюкция развивалась только на возвышенностях и приводила к их нивелировке [5].

Климат предбориального периода был холоднее и суше по сравнению с современным. В частности, средние температуры июля составляли 18—18,5°, средние температуры января — 13—14°, а осадков выпадало приблизительно на 50 мм в год меньше, чем в настоящее время. Климат формировался в условиях ослабления западной циркуляции и поступления по перифе-

рии скандинавского антициклона холодных воздушных масс с северо-запада. Это способствовало расселению сосновых и сосново-березовых лесов.

Бореальное время развития полесских ландшафтов можно охарактеризовать как переход от холодного предбореала к относительно теплой атлантике. Среднеиюльские температуры составляли 17—18°, среднеянварские — –15—17°.

Растительность была представлена березово-сосновыми лесами и ельниками с незначительной примесью широколиственных пород. Наблюдалось смещение природных зон к северу. Кроме того, происходило активное болотообразование. При этом распространялись преимущественно низинные осоковые и травяно-гипновые болота с мощностью торфа 1—2 м.

В атлантический оптимум зональная система циркуляции атмосферы с господством западного переноса воздушных масс достигла максимального развития. В целом усилилась также циклоническая деятельность. Этому способствовало углубление (особенно летом) и смещение к северо-востоку исландского минимума [3; 17], а также ослабление скандинавского антициклона. Однако наиболее значительное повышение летних температур произошло в высоких широтах, что ослабило межширотные термические контрасты и циклоническую активность в умеренном поясе.

Средние июльские температуры в пределах исследуемых регионов превышали современные на 1°. Показатели годового количества осадков приблизительно соответствовали современным.

Северная граница тайги, скорее всего, располагалась к северу от своего современного положения. Полесские низменности были заняты ольхово-березовыми и сосново-березовыми лесами с большой примесью дуба, вяза, липы и граба. На раннеатлантическое время приходится первый пик широколиственных пород. Однако атлантический период не характеризовался максимальным их распространением в полесских регионах. По разным данным, доля пыльцы широколиственных пород нигде не превышала 20 процентов [1; 4; 17]. Это, видимо, можно объяснить сильной увлажненностью территорий, вызванной высоким стоянием грунтовых вод.

Такие условия были благоприятны для образования болот: они развивались не только в понижениях рельефа, но и на суходолах, на месте сфагновых сосняков. В начале атлантического периода активно формировались травяно-сфагновые, пушицевые и пушицево-вейниковые болота, которые в середине данного периода трансформировались в заболоченные сосново-еловые леса с участием березы [1]. Одновременно происходило затопление болот в древних понижениях и образование озер-разливов.

Климат рассматриваемого периода голоцена способствовал активному развитию процессов почвообразования, о чем можно судить по погребенным почвам. Они мало отличались от современных по мощности и степени дифференцированности профиля. По некоторым данным [2], скорость формирования почвенного профиля, а также интенсивность миграции железа и алюминия были значительно выше, чем сейчас.

Похолодание на границе атлантики и суббореала повлекло за собой сокращение широколиственных пород. На этом фоне наблюдалось значительное снижение интенсивности почвообразования.

В середине суббореального периода климат стал теплее и суше. Средние температуры января и июля были выше современных на 1°, осадков выпадало примерно на 50—75 мм меньше, чем сейчас. Именно на это время приходился максимум пыльцы широколиственных пород в бассейнах Оки и Волги. Эдификатором широколиственных пород была липа, а сопутствующими — дуб, клен, лещина и граб. Смещение к северу зональных типов ландшафтов не уступало по интенсивности позднеатлантическому периоду. В частности, скорость смещения лесной зоны оценивается в 0,5 км/год [6].

Позднесуббореальное время характеризовалось сокращением площади широколиственных лесов. Доминировали хвойные леса: сосновые, еловые и дубово-сосновые. На поймах крупных рек развивались пойменные дубравы. Продолжался процесс торфообразования.

В субатлантический период имел место направленный процесс уменьшения доли широколиственных пород в растительности полесий. После чего началось формирование современного облика южно-таежных ландшафтов. Похолодание и увеличение влажности климата вновь вызвали повышение уровня грунтовых вод, усиление болотообразования и развитие сфагновых формаций — пушицево-сфагновых болот верхового типа.

На протяжении голоцена происходит формирование современной гидрографической сети и пойменных ландшафтов. В связи с активизацией речной деятельности было спущено

большинство приледниковых озер и началось развитие озерно-ледниковых ландшафтов. Наряду с этим, вследствие повсеместного поднятия уровня грунтовых вод активизировались процессы заболачивания и торфообразования, что послужило основой для формирования ландшафтов болот.

Для голоцена в целом характерно усиление частоты и амплитуды колебаний климата по мере приближения к нашему времени. Однако эти климатические флуктуации не столь значительно сказались на развитии природы песчаных и сильно увлажненных низменностей по сравнению с окружающими их территориями.

Современный этап эволюции ландшафтов полесских равнин характеризуется ярко выраженным сочетанием активного выщелачивания химических элементов с их биогенной аккумуляцией, которая осуществляется в верхних горизонтах автоморфных почв и в подчиненных геохимических ландшафтах. Особенно мощная аккумуляция макро- и микроэлементов происходит в поймах крупных рек. Для автономных ландшафтов междуречий и террас характерен дефицит элементов питания растений. Это способствует развитию болот на месте сосняков, а также разведению плохо закрепленных растительностью песчаных холмов и гряд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Т.А. Антропогенное воздействие на ландшафты центральной Мещеры в голоцене по палинологическим данным // Вестник МГУ. Сер. География. 1999. № 1. С. 47—52.
2. Александровский А.Л. Эволюция почв Восточно-Европейской равнины в голоцене. М.: Наука, 1983.
3. Асеев А.А. Древние материковые оледенения Европы. М.: Наука, 1974.
4. Асеев А.А. Палеогеография долины средней и нижней Оки в четвертичное время. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
5. Богдель И.И. Развитие природы Белоруссии в голоцене: Дис. ... канд. геогр. наук. Минск, 1984.
6. Величко А.А. Глобальные изменения климата и реакция ландшафтной оболочки // Изв. АН СССР. Сер. География. 1991. № 5. С. 5—22.
7. Вопросы криолитологии при изучении четвертичных отложений. М.: Наука. 1962.
8. Геохимическая характеристика литогенеза и ландшафтов Белорусского Полесья / Под ред. К.И. Лукашева. Минск, 1966.
9. Ковда В.А. Биогеохимия почвенного покрова. М.: Наука, 1985.
10. Коржув С.С. Рельеф Припятского полесья. Структурные особенности и основные черты развития. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
11. Кривцов В.А. Рельеф Рязанской области / Ряз. гос. пед. ун-т. Рязань, 1998.
12. Марцинкевич Г.И. Ландшафты Беларуси: Дис. ... канд. геогр. наук. Киев, 1992.
13. Обидиентова Г.В. Геоморфология и палеогеография южной Мещеры // Материалы по геоморфологии и палеогеографии СССР. М.: Изд-во АН СССР. М., 1948.
14. Палеогеографическая основа современных ландшафтов / Под ред. Н.А. Хотинского. М.: Наука, 1994.
15. Равнины европейской части СССР. М.: Наука, 1974.
16. Спиридонов А.И. Геоморфология европейской части СССР. М.: Высшая школа, 1978.
17. Юренков Г.И. Эволюция и особенности разновозрастных ландшафтов краевой полосы Валдайского оледенения и сопредельных регионов Русской равнины: Дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1997.

И.Ю. Давыдова

ТРАНСФОРМАЦИЯ E_h -рН СОСТОЯНИЯ ЧЕРНОЗЕМА В СВЯЗИ С ТЕХНОГЕННЫМ ГЛЕЕОБРАЗОВАНИЕМ

Техногенное воздействие на окружающую природную среду (ОПС) заключается в изменении миграции химических элементов под влиянием производственной деятельности человека [27; 32]. Одним из негативных последствий техногенеза является вторичное глееобразование почв.

Для возникновения восстановительных условий и развития глееобразования необходимо периодическое или постоянное переувлажнение почв, наличие органического вещества,

способного к сбраживанию, и гетеротрофной микрофлоры [9]. Анаэробноз приводит к несбалансированному выносу соединений несиликатного железа из переувлажненной почвы (до 30—60 % и более от исходного количества). Обезжелезнение вызывает появление в почвах холодной окраски, распад микроагрегатов, значительное увеличение содержания свободного ила, неблагоприятное изменение водно-физических и других свойств. Наиболее ярко цветовые признаки выражены в почвах, сформировавшихся на кислых и нейтральных породах.

При застойно-промывном водном режиме глееобразование приводит к максимальному выносу металлов, а также илистой фракции мелкозема, что повсеместно обуславливает формирование почв с кислыми элювиальными поверхностными горизонтами, обогащенными кварцем [8].

Глееобразование — это биохимический процесс. Органическое вещество для гетеротрофной микрофлоры является источником энергии. При отсутствии свободного кислорода окисление (брожение) органического вещества по мере снижения окислительно-восстановительного потенциала среды осуществляется сначала нитратами, а затем Mn (IV), Fe (III), сульфатами и т.д. [15]. В результате этих реакций образуются низкомолекулярные органические кислоты, аминокислоты, спирты, ацетон, CO₂, H₂, Mn (II), Fe (II), H₂S, CH₄, NH₃ и другие низкомолекулярные окисленные и восстановленные продукты.

Комплексные соединения железа с органическими кислотами, бикарбонат железа (Fe(HCO₃)₂) обладают высокой миграционной способностью в водной среде при обычной температуре и давлении [27].

Наличие сульфатов в восстановительной среде препятствует несбалансированному выносу железа, так как вследствие процесса сульфатредукции происходит осаждение сульфида железа. Однако в почвах, как и в горных породах, возможно протекание сульфидно-глеевого процесса, что может быть вызвано зональным распределением Eh-pH условий. Подобные явления, вызванные анаэробным окислением поступающих с водой углеводов, гумусовых кислот, углеводородов и других сбраживаемых соединений, отмечены в красноцветной, угленосной, нефтегазоносной формациях [26; 35]. В резко восстановительной сероводородной (сульфидной) зоне осаждается минерал гидротроилит (Fe(HS)₂ · nH₂O) черного цвета, по периферии сульфидной зоны в слабо восстановительной (бескислородной) среде развивается оглеение. В итоге формируется зона «бессульфидного обеления» пород, то есть глеевой каолинитизации.

Таким образом, развитие глееобразования в почвах и горных породах в естественных условиях зависит от водного режима, количества и состава органического вещества, а также условий миграции химических элементов, то есть E_h-pH состояния среды и возможности комплексообразования.

При техногенном воздействии на природные системы, в том числе на почвы, биохимические и миграционные процессы значительно осложняются. Это обстоятельство может быть вызвано дополнительным поступлением энергии, например, при тепловом, электрическом и химическом загрязнении ОПС. Как следствие — в этом случае наблюдается активизация микробных систем, трансформация сложившихся циклов химических элементов, E_h-pH условий, газового режима и другие изменения [15].

Поэтому представляется актуальным и целесообразным всестороннее исследование техногенно-иницированного процесса глееобразования в почвах. В этой связи можно предполагать, что степень деградации вторично оглеенных почв будет зависеть главным образом от изменения естественного типа водного режима и особенностей загрязнения.

Наибольший интерес вызывает глеегенная деградация черноземов, обладающих значительной буферностью свойств и высоким потенциальным плодородием.

В черноземной зоне, как и в других природных зонах, факторы развития техногенного глееобразования имеют двоякий характер. Одни из них возникли в связи с общими тенденциями развития ноосферы и обусловлены ростом промышленного производства, населения, урбанизации. Другие факторы отражают природно-зональную специфику ведения сельскохозяйственного производства.

Многие виды производственной деятельности способствуют развитию вторичного глееобразования, поскольку сопровождаются нарушением гидрологического режима территорий, подтоплением земель и загрязнением ОПС педохимически-активными веществами. К таким поллютантам относятся щелочи, органические кислоты, оксиды серы, азота, углерода, сероводород, метан, соединения железа, углеводороды, поверхностно-активные вещества (ПАВ) и т.д.

В таблице 1 приведены сведения о техногенных факторах вторичного глееобразования почв по результатам обобщения ряда работ, указанных ниже.

Таблица 1

Техногенные предпосылки глееобразования

<i>Инженерно-геологические сооружения → факторы подтопления территории → последствия для ОПС</i>			<i>Химическое загрязнение ОПС выбросами и сбросами предприятий различных производств</i>
<ul style="list-style-type: none"> ◆ Искусственные водоприемники и водоемы (водохранилища, хвостохранилища, шламохранилища, пруды-накопители, пруды-отстойники, «белые моря», карьеры, шламоотстойники, поля фильтрации, гидроразвалы, гидро-золоотвалы) ◆ Гражданское и промышленное строительство ◆ Линейно-дорожное строительство ◆ Гидромелиоративное строительство 	<ul style="list-style-type: none"> ✓ Фильтрационные потери из водоприемников, водоемов, водонесущих комплексов ✓ Подпор грунтовых вод ✓ Скопления поверхностных вод в техногенных понижениях рельефа ✓ Аварии на ограждающих дамбах ✓ Сбросы сточных, шахтных и карьерных вод в поверхностные воды ✓ Засыпка естественной дренажной сети ✓ Оседание поверхности ✓ Орошение природными и сточными водами 	<ul style="list-style-type: none"> ■ Подъем уровня грунтовых вод ■ Техногенные верховодки ■ Техногенные водоносные горизонты в приповерхностных отложениях ■ Заболачивание почв ■ Активизация карста, суффозии, биокоррозии ■ Уплотнение пород ■ Просадочные явления в лессовых грунтах ■ Образование техногенного рельефа: муть оседания, провалов, уступов, депрессионных воронок 	<p><i>Выбросы в атмосферу:</i></p> <p>пыль (оксиды Si, Al, Ca, K, Na, Mg, Pb, Zn, Fe, C); дымы (оксиды Ca, Zn, Mg, Fe, S, P, C); газы (CO₂, CO, SO_x, NO_x, NH₃); этилен, пропилен, бензол, толуол, бутадиев, ксилол, метанол, этилацетат, алканы, алкены, ароматические углеводороды, альдегиды, органические кислоты, бенз(а)пирен, ацетон, этилбензол, ПАУ, меркаптаны (тиоспирты), фенолы, акролеин, сероводород, хлор, фтор и т.д.</p> <p><i>Сбросы сточных вод:</i></p> <p>фенолы, уголекислота, радионуклиды, нефтепродукты, сульфаты, железо, щелочные и щелочно-земельные металлы, марганец, сероводород, алканы, алкены, карбонильные соединения, эфиры, нитраты, нитриты, пиридин, анилины, амины, бензолы, альдегиды, кетоны, спирты, минеральные и органические кислоты, щелочи, терпены, формальдегид, ароматические углеводороды, одоранты, метил- и диметилртуть, диметилселен, тетраметилсвинец, ПАВ, углеводы, белки, пектиновые вещества, агрохимикаты, взвешенные вещества, оксиды Al, Si, V, As, Mo, Hg, Pb и т.д.</p>

В Воронежском, Окско-Донском, Приволжском, Припятско-Днепровском и других экономически развитых регионах, затрагивающих черноземную зону, весьма актуальной является проблема подтопления земель [10]. Это обстоятельство объясняется значительным воздействием на инженерно-геологическую среду при различных видах строительства, а также высокой степенью концентрации промышленности и населения, интенсивным сельскохозяйственным производством и другими причинами

Так, следствием гражданского строительства, расширения селитебных ландшафтов и урбанизации является широко распространенное подтопление городов и других объектов. На территории России общая площадь подтопленных застроенных территорий превышает 8 тысяч км² [11]. Этот процесс имеет прогрессирующий характер и охватывает уже почти все города и населенные пункты. Зоны подпора грунтовых вод при застройке территорий имеют протяженность десятки километров и распространяются далеко за пределы городов.

Подтопление земель в селитебных ландшафтах, особенно при высокой доле урбанизированных территорий, происходит в условиях интенсивного загрязнения ОПС.

Прежде всего для этого вида техногенных ландшафтов характерно повышенное загрязнение атмосферы органическими веществами, образующими своеобразное облако вокруг сели-

тебных зон.

В воздушной среде намного превышены предельно-допустимые концентрации (ПДК) CO , SO_x , NO_x , углеводородов, ацетальдегидов и других поллютантов [1].

Вокруг городских агломераций под влиянием промышленных и коммунально-бытовых стоков, а также свалок формируются подземные (грунтовые и напорные) воды, загрязненные педохимически-активными веществами. Для этих вод характерны прогрессирующие со временем низкие значения Eh и возрастающие концентрации NH_4^+ , H_2PO_4^- , Fe^{2+} , Mn^{2+} , As^{3+} [19]. Подобные геохимические аномалии в подземной гидросфере объясняются главным образом высоким содержанием растворенных органических веществ и развитием анаэробного процесса. В этих условиях происходит вынос железа с подземными водами даже в присутствии HS^- и S^{2-} , чему способствует образование железо-органических комплексов. В комплексообразовании участвуют органические карбоновые кислоты и аминокислоты, которые практически всегда присутствуют в больших количествах в сточных водах.

Данная ситуация усугубляется применением биохимического метода очистки сточных вод, который основан на сбраживании органических загрязняющих веществ. В анаэробных условиях органические вещества окисляются сначала до спиртов и органических кислот, а затем до CH_4 и CO_2 . Огромное количество недоочищенных стоков сбрасывается в ОПС [4].

Как известно, биохимические процессы значительно ускоряются при повышении температуры. Для селитебных ландшафтов характерно физическое загрязнение, связанное с образованием техногенных тепловых и электрических полей. Техногенное тепловыделение в селитебных ландшафтах составляет 5 процентов от получаемой ими солнечной энергии [1]. В городах тепловое загрязнение почв и грунтов вблизи источников прогрева достигает 10^5 — 10^9 Дж/м² в год, отсюда зоны повышенной температуры распространяются вглубь на десятки метров и могут значительно расширяться при переносе тепла грунтовыми водами [7].

Высокая степень концентрации населения на урбанизированных территориях обостряет проблему утилизации и захоронения бытовых отходов. Свалки представляют собой техногенные аномалии разнообразных органических и других веществ. При трансформации захороненных отходов наблюдается сбраживание органических соединений по масляно-кисломому и ацетонобутиловому пути. Имеют место также интенсивная метаногенерация и другие анаэробные процессы. Продукты разложения бытовых отходов при взаимодействии с инфильтрующимися атмосферными осадками образуют фильтрат [25]. Эта жидкость характеризуется повышенными значениями температуры, минерализации, содержания соединений азота, тяжелых металлов, органических веществ, железа, щелочных и щелочноземельных металлов, биогаза и т.д. Фильтрат образует техногенные верховодки и постоянные водоносные горизонты, что способствует значительному распространению загрязнения ОПС вокруг свалок.

Под влиянием линейно-дорожного строительства и транспорта также происходит существенная перестройка гидрологических условий в сочетании с загрязнением почв. Сооружение дамб, насыпей, магистральных трубопроводов и других объектов приводит к перераспределению поверхностного и грунтового стока, изменению водного режима почв.

Наиболее опасными в отношении развития техногенного глееобразования являются объекты нефтегазового комплекса (таблица 2).

Таблица 2

Объекты нефтегазового комплекса как факторы техногенного глееобразования

<i>Источники загрязнения ОПС, технологические процессы</i>	<i>Поллютанты</i>
Места длительного размещения отходов: <ul style="list-style-type: none"> ▪ нефтешламонакопители, ▪ пруды-отстойники, ▪ иловые площадки, ▪ полигоны ТБО и ТБПО, ▪ площадки биологической очистки нефтешламов, нефтезагрязненных почв и грунтов 	Нефтяные углеводороды, биогаз, фенолы, тяжелые металлы

Утилизация нефтешламов	Водно-нефтяные эмульсии
Зачистка резервуаров и трубопроводов	Нефть, нефтепродукты, продукты кор-розии, соли, парафины, асфальтены, смолы, фенолы, СПАВ, ПАУ, Hg, Pb, Cd, As, Cr, Mo, Ni, Cu, Be
Выбросы парогазовых смесей и взвешенных частиц в атмосферу: <ul style="list-style-type: none"> ▪ «дыхание» резервуаров для хранения нефти и нефтепродуктов, ▪ трубопроводы, ▪ факельные установки, ▪ нефтеловушки, дренажные емкости, ▪ пруды-отстойники, ▪ энергетические и технологические установки, ▪ автотранспорт 	Углеводороды, NO _x , SO ₂ , CO, H ₂ S, сажа, фенолы, бензол, ПАУ, соединения свинца
Аварийные разливы нефти и нефтепродуктов: <ul style="list-style-type: none"> ▪ механическое повреждение и коррозия трубопроводов, ▪ нарушение герметичности резервуаров 	Алканы, циклоалканы, парафины, смолы, асфальтены, свободная сера и сернистые соединения (меркаптаны, сероводород, сульфиды, дисульфиды, тиофены, тиофаны), ПАУ, Pb, Zn, Cd, Cr, Cu, Ni, Mn

Весьма протяженная сеть трубопроводного транспорта, перекачивающего углеводородное сырье, представляет собой существенную опасность в развитии этого процесса. Во-первых, при сооружении трубопроводов значительно изменяется гидрологический режим территории вследствие нарушения естественных водотоков, просадочных явлений, образования водоупорных слоев при уплотнении насыпи и в силу других причин [17]. Во-вторых, трубопроводный транспорт характеризуется высокой аварийностью, что приводит к загрязнению почв и подземных вод нефтью и нефтепродуктами. На территории России ежегодное число аварий на этом виде транспорта достигает несколько десятков тысяч [1; 30]. В-третьих, для ликвидации последствий аварий широко применяются сорбенты на органической основе (синтепон, поролон, мох, солома, куриные перья, торф, опилки) и поверхностно-активные вещества [21; 33]. В переувлажненной почве пропитанные нефтью и нефтепродуктами сорбенты подвергаются сбраживанию. Поверхностно-активные вещества способствуют образованию водонефтяных эмульсий, легко проникающих в глубь почвы.

Из-за строительства крупных гидротехнических сооружений на территории России в значительной степени (более чем на 34 тыс. км²) подтоплены сельскохозяйственные угодья [11]. Подтопление проявляется на территориях, прилегающих к водохранилищам и орошаемым массивам, и в черноземной зоне. Влияние Куйбышевского, Волгоградского и других крупных равнинных водохранилищ прослеживается на удалении до 50 км от них, в том числе на участках, расположенных на высоте 10—15 м над нормальным подпорным уровнем [29]. В черноземной зоне интенсивное орошение даже при традиционных способах и нормах полива привело к подъему грунтовых вод, заболачиванию значительной части сельскохозяйственных угодий, загрязнению почв и подземных вод агрохимикатами и сточными водами [9; 10].

При орошении черноземов практикуется внесение в качестве удобрений различных отходов: сброженного навоза (эффлюента), термофильно-сброженных осадков городских сточных вод, шахтных вод, дефеката, гидролизного лигнина и т.д. Загрязнение органическими веществами при переполивах вызывает в почве развитие анаэробных процессов, приводящих к образованию органических кислот, CH₄, NH₃, CO₂. Наиболее активно эти процессы развиваются в рисовых чеках [23]. Однако они могут иметь место и на сельскохозяйственных полях орошения стоками сахарных заводов, свинокомплексов, птицеферм и других предприятий АПК, размещенных в черноземной зоне.

Так, в районах сельскохозяйственных территорий, орошаемых и удобряемых животноводческими и коммунально-бытовыми стоками, вертикальный градиент уменьшения содержания O₂ в зоне аэрации очень высокий. Его значения могут достигать 1—2 мг/л см⁻¹, что приводит к снижению Eh грунтовых вод до значений +100 мВ и ниже [19]. Развитие анаэробного при-

водит к появлению в грунтовых водах NH_4^+ , NO_2^- , H_2PO_4^- , Fe^{2+} , Mn^{2+} в концентрациях, намного превышающих ПДК. Такая геохимическая техногенная аномалия может сохраняться в течение 10—20 лет даже после устранения источника загрязнения.

Крупные техногенные геохимические аномалии и обширные зоны подтопления территорий связаны с размещением промышленных предприятий, особенно топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Только в лесной и лесостепной зоне площадь подтопленных земель из-за возведения ГЭС и ГАЭС превышает 330 тысяч га [2]. Особенно велико негативное воздействие ТЭС, что связано с подтоплением и загрязнением территорий вследствие высокого водопотребления, огромного объема сбросов сточных вод и выбросов в атмосферу газообразных продуктов: CH_4 , CO_2 , SO_2 , углеводов.

Так, только в средней полосе европейской части России накопилось более 160 миллионов тонн отходов предприятий теплоэнергетики, работающих на ископаемом топливе [18]. Применение системы гидрозолошлакоудаления допускает подачу на золоотвал промышленных, ливневых и хозяйственно-бытовых стоков. В итоге наблюдается подтопление окружающей территории насыщенными высокоминерализованными водами. В составе этих вод присутствуют в больших количествах взвешенные вещества, органические и минеральные кислоты, щелочи, ПАВ, нитриты, нефтепродукты и другие органические соединения. Как следствие, имеет место техногенное изменение класса водной миграции ландшафта. В лесной и лесостепной зоне кислый, кисло-глеевый (H^+ ; $\text{H}^+\text{-Fe}^{2+}$), нейтральный, нейтрально-глеевый ($\text{H}^+\text{-Ca}^{2+}$; $\text{H}^+\text{-Ca}^{2+}$, Fe^{2+}) классы трансформируются в кальциевый, кальциево-глеевый (Ca^{2+} $\text{Ca}^{2+}\text{-Fe}^{2+}$) классы [13].

Под влиянием АЭС не только развивается интенсивное подтопление территории, но и происходит тепловое и радиоактивное загрязнение подземных вод [3; 10]. В этом случае образуются техногенные верховодки и постоянные водоносные горизонты, в подземной гидросфере в средней полосе ЕТР наблюдаются температурные аномалии (на 20 °С выше фона).

Техногенное подтопление территории и заболачивание почв может быть обусловлено добычей полезных ископаемых. Негативная перестройка гидрологической ситуации вследствие техногенеза объясняется нарушением естественного рельефа, оседанием земной поверхности, сбросом сточных вод, просадочными явлениями в переотложенных грунтах, созданием водоприемников, подпором грунтовых вод и т.д. Такие изменения, затрагивающие территорию лесостепной зоны, отмечаются, например, в Подмосковном бурогольном бассейне и в районе Курской магнитной аномалии [10].

С развитием горнопромышленного производства также связано значительное загрязнение ОПС. Например, в угле- и нефтедобывающих районах, часть которых расположена в черноземной зоне, в почвах увеличено содержание битуминозных и других органических соединений, наблюдается образование техногенных солончаков, усиливаются процессы элювиирования железа на фоне резкого подщелачивания или подкисления среды. В итоге формируются почвы с осветленными поверхностными горизонтами — осолоделые почвы или глубоко оподзоленные поверхностно-ожелезненные почвы [22]. При заболачивании почв нефтепромысловыми водами развивается вторичное оглеение, почвы приобретают вблизи источников загрязнения ярко-синюю, сине-зеленую и оливковую окраску [31].

Следует подчеркнуть, что развитие почти всех отраслей промышленности в определенной мере способствует распространению вторичного оглеения почв. Территориальная концентрация различных отраслей значительно усиливает это отрицательное воздействие на ОПС, что связано с рядом причин.

Во-первых, большинство предприятий характеризуется значительным водопотреблением и сбросом сточных вод, утечками из водонесущих коммуникаций и искусственных водоемов. Как следствие, развивается подтопление территории.

В свою очередь подтопление активизирует просадочный процесс. На территории Русской равнины, особенно в черноземной зоне, значительное распространение имеют лессовидные породы, которые при дополнительном замачивании образуют просадки и уплотняются [10]. Техногенные просадочные понижения, как и естественные западины лесостепи и степи (поды, «степные блюдца»), более обводнены, чем окружающая территория.

Во-вторых, практически все отрасли промышленности (нефтегазовая, теплоэнергетическая, металлургическая, коксохимическая, нефтехимическая и др.) загрязняют окружающую среду органическими и другими веществами, в том числе выбрасывают в атмосферу нефтяные

углеводороды [2; 16; 34].

Только на предприятиях «Роснефти», активно участвующих в обеспечении Центрального региона нефтепродуктами, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу составляют более 1,5 миллиона тонн [5].

Из атмосферы нефтяные углеводороды выпадают с аэрозолями в основном в зимний период. Эти вещества хорошо адсорбируются снегом и сохраняются при низкой температуре до снеготаяния. С тальми водами алканы, арены и другие нефтяные углеводороды проникают в почву и грунт. Частичное окисление нефтяных углеводородов происходит в поверхностных водах, то есть во время снеготаяния, в процессе радикально-цепного окисления и микробиальной деградации с образованием спиртов, альдегидов и органических кислот [6].

Широко распространенный товарный парк нефтепродуктов является потенциальным источником загрязнения углеводородами не только атмосферы, но и других сред. Жидкие нефтепродукты попадают в почвы, грунты и подземные воды при систематических эксплуатационных и аварийных утечках и проливах из хранилищ углеводородного топлива. Легкие углеводороды образуют над уровнем грунтовых вод жидкие скопления — крупные квазистабильные линзы нефтепродуктов [12]. Помимо «плавающих линз нефтепродуктов», загрязнение нефтяными углеводородами захватывает грунты зоны аэрации и почвы. В понижениях микрорельефа и в эрозионной сети загрязнение нефтепродуктами выходит на дневную поверхность.

Для грунтовых вод в районе нефтебаз характерна восстановительная среда, повышенная перманганатная окисляемость, наличие нитритов и аммония [14].

Загрязнение почв и вод нефтяными углеводородами способствует развитию техногенного глееобразования, что связано с процессами трансформации этих органических веществ. Для биodeградации углеводородов необходимо наличие в среде акцепторов электронов (O_2 , NO_3^- , Fe^{3+} , SO_4^{2-}). При анаэробном окислении углеводородов образуются карбоновые нафтеновые кислоты, гамма-лактоны, спирты, оксикислоты и т.д. [24; 28; 36].

Катализаторами этих реакций служат ферменты различных микроорганизмов. Например, углеводородное топливо (дизельное топливо, мазут, керосин) подвергается биодеструкции, которую осуществляют несколько сотен углеводородоокисляющих микроорганизмов (роды *Pseudomonas*, *Candida* и др.) [20]. При бактериальном и грибковом разложении углеводородного топлива образуется сероводород и органические кислоты, уменьшается рН среды.

Помимо углеводородов нефти аналогичной трансформации в почве подвергаются многие органические поллютанты.

Таким образом, техногенное глееобразование и сульфидно-глеевый процесс в почвах развиваются под влиянием следующих факторов:

1. Добавочное увлажнение, приводящее к застою воды в почве.
2. Непосредственное загрязнение почв или через другие среды педохимически-активными веществами:

— органическими соединениями, подвергающимися брожению, в том числе нефтяными углеводородами, компонентами сточных вод и фильтрата свалок, сорбентами и мелиорантами на органической основе и т.п.;

— газами H_2S , CO , H_2 , SO_x , NO_x , NH_3 , CO_2 , CH_4 , в том числе биогазом;

— солями щелочных и щелочноземельных металлов, особенно нитратами и сульфатами;

— поллютантами органической и минеральной природы с ингибирующими свойствами в отношении гетеротрофной микрофлоры, участвующей в циклах C, N, Fe, S, H;

— соединениями железа, марганца и других металлов с переменной валентностью.

3. Тепловое загрязнение.

Очевидно, что сочетание этих факторов обуславливает уровень реализации процесса техногенного глееобразования и соответственно определяет степень деградации почв. Почва, представляющая собой техногенно-модифицированную биокосную систему, имеет тенденцию к развитию глееобразования при определенных параметрах рассмотренных выше факторов, воздействующих на эту систему извне.

Как показали результаты модельного эксперимента, E_h -рН состояние черноземов испытывает существенную трансформацию под влиянием техногенного переувлажнения и загрязнения сбрасываемыми органическими веществами.

В таблице 3 приведена схема опыта. В зависимости от варианта опыта использовались

различные органические поллютанты, соединения кальция и натрия. Увлажнение почвы осуществлялось с помощью поливов в оптимальном режиме (до предельной полевой влагоемкости (ППВ)) и с затоплением разной продолжительности.

Таблица 3

Схема лабораторного опыта

Вариант опыта	Режим полива		
	еженедельный полив		затопление на 2 месяца
	до ППВ	затопление на 5 часов	
	номер варианта опыта		
Нефть (10 г/кг почвы)	1	2	3
Моторное масло (10 г/кг почвы)	4	5	6
Нефть (10 г/кг почвы) + сено злаков (5 г/кг почвы)	7	8	9
Сено злаков (5 г/кг почвы)	10	11	12
Нефть (10 г/кг почвы) + СПАВ (10 г/кг почвы)	13	14	15
Фильтрат с полигона ТБО	16	17	18
Неминерализованная гидрокарбонатно-кальциевая вода (ГКВ)	19	20	22
Неминерализованная гидрокарбонатно-кальциевая вода (ГКВ) + сахара (0,2 %)	22	23	24
Неминерализованная гидрокарбонатно-кальциевая вода (ГКВ) + сахара (1,0 %)		25	26
Дистиллированная вода (ДВ) + сахара (1,0 %)		27	
Сульфат натрия (1%)	28		
Гипс (7 г/кг почвы)	29		
Сульфат натрия (1%) + сахара (1,0 %)	30	31	32
Гипс* + сахара (1 %)	33	34	35

* Гипс: вариант № 33 — 7 г/кг, вариант № 34 — 30 г/кг, вариант № 35 — 4 г/кг

В таблицах показана динамика окислительного потенциала почвы (E_h) после каждого полива. Очевидно, что наиболее глубокий анаэробноз развивается при переувлажнении чернозема на фоне поступления различных органических добавок. Совместное поступление в чернозем сульфатов и сбраживаемых органических веществ приводит к резкому снижению величины E_h даже при поливах до ППВ. В целом оптимальное увлажнение почвы препятствует развитию восстановительных условий даже при наличии легкосбраживаемых веществ.

В таблице 4 отражена динамика pH лизиметрических вод из пахотного горизонта чернозема при поливах с кратковременным затоплением. Значительное подкисление среды наблюдается при поступлении в почву углеводов, особенно в сочетании с сульфатами кальция и натрия. Это объясняется накоплением продуктов сбраживания углеводов кислотной природы и серной кислоты. Наличие в среде углекислого кальция препятствует подкислению. Нефтяные углеводороды не вызывают снижения pH среды.

Таблица 4

Влияние анаэробноза на изменение pH лизиметрических вод из горизонта A_p чернозема

Вариант опыта	Номер полива		
	1—6	25—30	51—60
Нефть (10 г/кг почвы)	7,0—8,7 (7,8)		

Моторное масло (10 г/кг почвы)	5,2—7,8 (6,7)		
Нефть (10 г/кг почвы) + сено злаков (5 г/кг почвы)	6,7—8,2 (7,7)		
Сено злаков (5 г/кг почвы)	6,2—8,0 (7,2)		
Нефть (10 г/кг почвы) + СПАВ (10 г/кг почвы)	6,0—7,5 (6,8)		
Фильтрат с полигона ТБО	6,1—7,5 (6,9)		
Неминерализованная гидрокарбонатно-кальциевая вода	6,7—7,9 (7,2)	6,9—7,8 (7,4)	7,2—8,6 (7,6)
Неминерализованная гидрокарбонатно-кальциевая вода + сахароза (1,0 %)	6,2—7,5 (7,0)	7,1—7,8 (7,6)	4,2—5,7 (4,8)
Дистиллированная вода + сахароза (1,0 %)	4,6—7,3 (6,1)	4,7—6,8 (6,1)	
Сульфат натрия (1%)+сахароза (1,0 %)	4,6—6,0 (5,4)	3,9—4,9 (4,5)	
Гипс* + сахароза (1 %)	5,3—6,1 (5,7)	3,3—3,6 (3,4)	

Таким образом, факторами техногенного изменения E_h -рН состояния черноземов являются, во-первых, режим увлажнения, допускающий периодический застой влаги в почве; во-вторых, органические вещества, способные к сбраживанию. Глеегенная деградация свойств чернозема наблюдается при использовании для поливов ультрапресных, неминерализованных гидрокарбонатно-кальциевых и минерализованных сульфатно-кальциевых и сульфатно-натриевых вод на фоне поступления в почву углеводов, нефтяных углеводородов, растительных остатков, органических удобрений, фильтрата с полигонов ТБПО и других техногенных носителей сбраживаемых органических веществ. Интенсивность этого процесса зависит от кальциевого потенциала среды. Превентивными мерами являются регулирование водного режима, внесение извести, уменьшение поступления в почву сбраживаемых органических веществ и сульфатов.

В заключение следует отметить, что проблема техногенного глееобразования почв является весьма актуальной и имеет, по-видимому, глобальное значение. Это обстоятельство объясняется постоянным усилением техногенного давления на ОПС, в том числе распространением переувлажнения и загрязнения почв, особенно поллютантами органического происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко В.А. Экологическая геохимия. М., 2000. 627 с.
2. Арский Ю.М., Кучерук Е.В., Овсянников В.Л. Геологические аспекты геоэкологии // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геоэкология. 1994. № 4. С. 3—11.
3. Архангельский И.В. Изменения геологической среды при строительстве и эксплуатации атомных станций // Там же. 1999. № 4. С. 310—313.
4. Богдановский Г.А. Химическая экология. М.: Изд-во МГУ, 1994. 237 с.
5. Векилов Э.Х. Охрана окружающей среды на нефтегазовых объектах в современных условиях // Нефтяное хозяйство. 1996. № 10. С. 47—48.
6. Гольдберг В.М., Путилина В.С. Органические загрязнители атмосферы и снежного покрова // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геоэкология. 1997. № 4. С. 30—39.
7. Жигалин А.Д. Изменение инженерно-геологической среды городов // Изв. АН СССР. Сер. Геология. 1990. № 4. С. 127—133.
8. Зайдельман Ф.Р. Закономерность формирования светлых кислых элювиальных горизонтов в профиле почв. Диплом № 37. Приоритет от 28 июля 1974 г. // Научные открытия (краткие описания за 1995—1996 гг.): Сб. М.: Изд-во РАЕН и ААНО, 1997. С. 14.
9. Зайдельман Ф.Р. Процесс глееобразования и его роль в формировании почв. М.: Изд-во МГУ, 1998. 316 с.
10. Инженерная геология СССР. Платформенные регионы европейской части СССР: В 2 кн. / Е.М. Сергеев, И.С. Комаров, В.Т. Трофимов и др.; Гл. ред. Е.М. Сергеев; Под ред. И.С. Комарова, Д.Г. Зилинга, В.Т. Трофимова. М.: Недра, 1991—1992.

11. Казакова И.Г., Слинко О.В. Проблема подтопления на территории России и возможные пути ее решения // Геозкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология. 1993. № 1. С. 43—50.
12. Казеннов С.М., Арбузов А.И., Ковалевский Ю.Б. Воздействия объектов нефтепродуктообеспечения на геологическую среду // Там же. 1998. № 1. С. 54—74.
13. Касимов Н.С. Экогеохимия городских ландшафтов / Под ред. Н.С. Касимова. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 20—39.
14. Климас А.Й., Кадунас К.С. Миграция нефтепродуктов в очаге загрязнения подземных вод // Разведка и охрана недр. 1986. № 10. С. 43—46.
15. Кожевина Л.С. Микробные системы литосферы // Геозкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология. 1998. № 4. С. 304—309.
16. Копанев А.И., Корнилов А.Г., Капкаев Э.А. Вопросы гигиенической оценки загрязнения атмосферного воздуха выбросами предприятий нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности // Охрана воздушного бассейна от загрязнения технологическими и вентиляционными выбросами промышленных производств: Тез. докл. Всесоюз. науч.-техн. конф. Вып. 2. Ереван, 1974. С. 81—83.
17. Коробанова И.Г., Нефедова Т.В., Черняк Э.Р. Техногенные изменения грунтов северных районов Западной Сибири в связи с прокладкой трубопроводов // Инженерная геология. 1988. С. 60—68.
18. Корольков Д.В. Твердые отходы тепловых электростанций Центральной России и их экологическое значение // Геозкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология. 1998. № 5. С. 51—57.
19. Крайнов С.Р., Фойгт Г.Ю., Закутин В.П. // Геохимия. 1991. № 2. С. 169—183.
20. Лакаатош Г., Беликов О.Е. Микробное поражение различных видов топлива и его последствия // Нефтяное хозяйство. 2000. № 5. С. 80—81.
21. Мочалова О.С., Нестерова М.П., Антонова Н.М. Физико-химические методы защиты водноболотных экосистем от нефтяного загрязнения // Там же. 1992. № 3. С. 35—36.
22. Никифорова Е.М., Солнцева Н.П. Техногенные изменения ландшафтов под влиянием добычи горючих полезных ископаемых // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1984. № 6. С. 59—66.
23. Николаева С.А. Особенности почвообразования в черноземах в условиях рисосеяния // Орошаемые черноземы / Под ред. Б.Г. Розанова. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 211—218.
24. Норенкова И.К., Архангельская Р.А., Тарасова Т.Г. Исследование водорастворимых органических веществ, образующихся в процессе окисления нефти микроорганизмами // Геохимия. 1978. № 3. С. 408—414.
25. Орлов М.С., Кузнецов М.М. Загрязнение подземных вод коммунальной свалкой // Вестник Моск. ун-та. Сер. 4. Геология. 1988. № 5. С. 43—48.
26. Перельман А.И. Геохимия. М.: Высшая школа, 1989. 528 с.
27. Перельман А.И., Касимов Н.С. Геохимия ландшафта. М.: Астрей-2000, 1999. 768 с.
28. Пиковский Ю.И. Трансформация техногенных потоков нефти в почвенных экосистемах // Восстановление нефтезагрязненных почвенных экосистем: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М.А. Глазовская. М.: Наука, 1988. С. 7—22.
29. Петров Г.Н. Особенности формирования подтопленных земель крупными водохранилищами и возможности их прогноза // Тр. координац. совета по гидротехнике / ВНИИГ. Л., 1970. Вып. 59. С. 94—99.
30. Середин В.В. Санация территорий, загрязненных нефтью и нефтепродуктами // Геозкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология. 2000. № 6. С. 525—540.
31. Солнцева Н.П. Добыча нефти и геохимия природных ландшафтов. М.: Изд-во МГУ, 1998. 376 с.
32. Ферсман А.Е. Геохимия. М. 1937. Т. 3.
33. Хлесткин Р.Н., Самойлов Н.А. О ликвидации разливов нефти при помощи растительных отходов // Нефтяное хозяйство. 2000. № 7. С. 84.
34. Хрущев А.Т., Игонина Л.Н., Чередников А.В. Характер антропогенного воздействия на окружающую среду Шебекинского промышленного узла // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1992. № 4. С. 27—32.
35. Шумлянский В.А., Зайченко Н.С., Мельниченко Б.Ф., Сергеев И.П. Формы железа в сульфидно-глеевом процессе изменения красноцветных песчаников полесской серии // Геологический журнал. 1981. Т. 41. № 5. С. 98—110.
36. Шилов А.Е., Штейнман А.А. Моделирование биологического окисления метана // Природа. 1995. № 6. С. 68—78.

МАТЕМАТИКА И МЕТОДИКА ЕЕ ПРЕПОДАВА- НИЯ

УДК 517.972.8
М.Т. Терехин

ОБ ОДНОЙ ЗАДАЧЕ ТЕОРИИ МНОЖЕСТВ

Рассмотрим задачу, которую далее будем называть задачей R . Пусть a, b, μ — некоторые постоянные числа, $a < b, \mu > 0$. Тогда из любой последовательности (B_n) , в которой при любом n B_n — измеримое по Лебегу множество, мера $m B_n \geq \mu$, $B_n \subset [a, b]$, можно извлечь

такую подпоследовательность (B_{n_k}) , что $m \bigcap_{k=1}^{\infty} B_{n_k} > 0$.

Ниже дается отрицательное решение задачи R : доказывается существование счетной совокупности множеств, удовлетворяющих условиям задачи R , пересечение любой счетной подсовокупности множеств которой имеет меру, равную нулю.

Доказательство проводится методом от противного.

Предположим, что задача R имеет положительное решение и что существуют следующие две последовательности:

$(\cos nt)$ и $\left(\frac{\sin nt}{n}\right)$ при $t \in [0, 1], n = 1, 2, \dots$. Очевидно, последова-

тельность $\left(\frac{\sin nt}{n}\right)$ на сегменте $[0, 1]$ равномерно сходится к нулю. Но любая подпоследовательность последовательности $(\cos nt)$ на сегменте $[0, 1]$ не сходится по мере к нулю. Действительно, пусть вопреки утверждению существует подпоследовательность $(\cos n_k t)$, которая сходится по мере к нулю на сегменте $[0, 1]$. Тогда на этом сегменте сходится по мере к нулю и последовательность $(|\cos n_k t|)$.

По теореме Лебега [1. С. 139] при любом $t \in [0, 1]$

$$\lim_{k \rightarrow \infty} \int_0^t |\cos n_k t| dt = 0,$$

что невозможно, так как при любом k

$$\int_0^t |\cos n_k t| dt \geq \int_0^t \cos^2 n_k t dt = \frac{t}{2} + \frac{\sin 2n_k t}{4n_k}.$$

Поэтому существуют положительные числа $\sigma > 0, \varepsilon > 0$ и сколько угодно номеров

$n_1, n_2 \dots n_k \dots$ что либо $mB_k \geq \varepsilon, B_k = B(\cos n_k t \geq \sigma)$, либо $mB_k^* \geq \varepsilon, B_k^* = B(\cos n_k t \leq -\sigma)$.
Здесь $B = [0,1]$.

Для определенности полагаем, что $mB_k \geq \varepsilon$ при любом k . Из последовательности (B_k) можно извлечь подпоследовательность (B_{k_i}) , что $mE > 0$, где $E = \bigcap_{i=1}^{\infty} B_{k_i}$ (задача R по предложению имеет положительное решение).

Выберем такое открытое множество $D \subset (0,1)$, что $E \subset D$ и $mD < mE + \frac{\sigma mE}{4}$. Пусть $(\alpha_r, \beta_r) (r = 1, 2, \dots)$ — составляющие интервалы множества D . Так как $D \subset (0,1)$, то существует номер N , при котором $\sum_{r=N+1}^{\infty} (\beta_r - \alpha_r) < \frac{\sigma mE}{4}$.

Очевидно, что при любом i $\sum_{r=1}^N \int_{\alpha_r}^{\beta_r} \cos n_{k_i} t dt = \int_E \cos n_{k_i} t dt - \sum_{r=N+1}^{\infty} \int_{\alpha_r}^{\beta_r} \cos n_{k_i} t dt + \int_{D-E} \cos n_{k_i} t dt$.
Откуда

$$\left| \sum_{r=1}^N \int_{\alpha_r}^{\beta_r} \cos n_{k_i} t dt \right| > \frac{\sigma mE}{2}$$

В силу конечности множества $\{1, 2 \dots N\}$ получим, что существуют число $p \in \{1, 2 \dots N\}$ и подпоследовательность (для которой сохраним обозначение подпоследовательности (n_{k_i})) последовательности (n_{k_i}) , для которой при любом i

$$\left| \int_{\alpha_p}^{\beta_p} \cos n_{k_i} t dt \right| > \frac{\sigma mE}{2N}$$

Но это невозможно, так как

$$\lim_{i \rightarrow \infty} \int_{\alpha_p}^{\beta_p} \cos n_{k_i} t dt = 0.$$

Полученное противоречие доказывает существование отрицательного решения задачи R , то есть доказывает существование последовательности (B_n) , при любом n $mB_n \geq \mu > 0$,

любая подпоследовательность (B_{n_k}) которой удовлетворяет равенству $m \bigcap_{k=1}^{\infty} B_{n_k} = 0$.

Убедимся, что если при любом n B_n есть либо интервал, либо сегмент, либо полуинтервал, то задача R для последовательности (B_n) имеет положительное решение.

Действительно, пусть для определенности $B_n = (a_n, b_n)$, при любом n $a \leq a_n < b_n \leq b$, $b_n - a_n = \lambda, \lambda > 0$ — некоторое число.

Из ограниченности последовательности (a_n) следует существование подпоследовательности (a_{m_k}) , удовлетворяющей равенству $\lim_{k \rightarrow \infty} a_{m_k} = c, c \in [a, b]$. Аналогично из ограниченности

сти последовательности (b_{m_k}) следует существование подпоследовательности $(b_{m_{k_i}})$, такой, что $\lim_{i \rightarrow \infty} b_{m_{k_i}} = d$, $d \in [a, b]$.

Заметим, что $\lim_{k \rightarrow \infty} a_{m_{k_i}} = c$ и $d - c = \lambda$. Пусть $0 < r < \frac{\lambda}{4}$. Тогда существует такое число i_0 , что при любом $i > i_0$ $a_{m_{k_i}} < c + \varepsilon$, $b_{m_{k_i}} > d - r$. Следовательно, $m \bigcap_{q=1}^{\infty} B_{n_q} > \frac{\lambda}{2}$, где $n_q = m_{k_{i_0+q}}$.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Натансон И.П. Теория функций вещественной переменной. М., 1957.

Е.В. Богомолова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ УМЕНИЯ ПРОЕКТИРОВАТЬ ПРОФИЛЬНЫЕ И ЭЛЕКТИВНЫЕ КУРСЫ ПО ИНФОРМАТИКЕ

Задачи образования на пути к демократическому и правовому государству, к рыночной экономике, направленные на преодоление отставания страны от мировых показателей экономического и общественного развития, определены Законом Российской Федерации «Об образовании» и Концепцией его модернизации на период до 2010 года. Особую роль в решении поставленных задач должен сыграть современный курс информатики, изучающий информационную цивилизацию, призванный формировать у учащихся мировоззрение, развивать их общеучебные знания, умения, навыки, интеллектуальные и творческие способности в информационной деятельности.

Согласно новым нормативным документам, созданным в русле модернизации отечественного образования, — стандарту, базисному учебному плану и т. п., школьный курс информатики должен развивать личность учащегося, его познавательные и созидательные способности. Этому должны быть подчинены все элементы системы обучения информатике: цели обучения и воспитания, реализуемые при освоении данной дисциплины, содержание предмета, направленное на достижение целей, структура обучения информатике, дидактические процессы и предпочтительные организационные формы.

Основной целью школьного предмета информатики является формирование мировоззрения учащихся через изучение представления об информации как одном из трех основополагающих понятий науки (к таким понятиям относятся также вещество и энергия); открытие школьникам одной из важнейших областей действительности — области информационных процессов в природе, обществе, технике, развитие единого подхода к их изучению; обоснование общности процессов восприятия, передачи и преобразования информации в системах различной природы; раскрытие роли информационных технологий в развитии общества. Изучение информатики направлено также на развитие у школьников теоретического, творческого мышления, формирование операционного типа мышления, овладение такими методами научного познания, как формализация, моделирование, компьютерный эксперимент и т.д. Не менее важная цель информатики — подготовка выпускников школы к труду, профессиональной деятельности, профессиональному самоопределению.

Поставленные цели определили содержание школьного учебного предмета информатики, которое включает основные сведения из развивающейся науки информатики, рассматривает элементы теоретической информатики, компьютерную технику и технологии. В содержании общеобразовательного курса информатики можно выделить четыре относительно самостоятель-

ные части [1] (рис. 1).

Рис. 1. Схема содержания школьного курса «Информатика»

Эта совокупность знаний, умений и навыков формируется при изучении таких направлений, как «Информационные процессы», «Информационное моделирование», «Информационные основы управления» [2]. Сформировать у учащихся все необходимые знания возможно лишь при системном и систематическом изучении информатики в течение всего периода обучения в школе. Современная структура обучения информатике в отечественной школе была обоснована в работах А.А. Кузнецова, Т.Б. Захаровой и др. [3—5], подтверждена и развита документами о модернизации российского образования в области информатики [6; 7] (рис. 2).

010009000003780000002001c000000000040000003010800050000000b0200000000050000000c0
2e1002f0d04000002e0118001c000000fb021000070000000000bc02000000cc0102022253797374656d00002f0
d000018c800008c3b110070838239b8fb23000c020000040000002d01000004000000020101001c000000fb029cf
f000000000009001000000cc0440001254696d6573204e657720526f6d616e00000000000000000000000000
000000040000002d010100050000000902000000020d000000320a5a0000001000400000000002f0de10020082
d00040000002d010000030000000000

Рис. 2. Структура школьного курса «Информатика»

Непрерывный курс школьной информатики состоит из нескольких ступеней обучения. На каждой ступени могут варьироваться глубина изучения содержательных линий, формы и методы обучения. Особенно это относится к курсам, которые отличаются профилем обучения: естественнонаучные, филологические, социально-экономические и т.д. Наряду с профильными курсами, обучающимся предлагаются различные (на выбор) элективные курсы по информатике. Содержанием этих курсов могут быть как дополнение к профильному курсу, углубляющее его содержание, так и развитие содержания какой-либо одной или нескольких отдельных тем базового курса, связанных с изучением средств информационных технологий. Элективные курсы предназначены также для удовлетворения познавательных интересов школьников независимо от того, какую профессиональную карьеру они намерены выбрать [8].

В настоящий момент обучение информатике в различных школах происходит неодинаково и неравномерно, что затрудняет адаптацию учащихся при переходе из одной школы (класса) в другую. Для преодоления трудностей предлагается придерживаться методики построения образовательных программ по заранее выделенным и структурированным элементам содержания — учебным модулям [2]. Такой подход обеспечит более комфортное развитие личности учащихся. Этому будет способствовать и проектирование индивидуальных образовательных траекторий школьников с учетом особенностей последних, межличностных отношений со сверстниками, профессиональных и учебных интересов, а также с учетом научных и методических интересов преподавателей [9].

Организация процесса изучения современного вариативного курса информатики целиком возложена на учителя. Она заключается в уточнении целей и детализации задач обучения; адаптации содержания (или его отборе в случае элективных курсов) согласно специфике учебного заведения, особенностям класса, отдельным учащимся и педагогическим предпочтениям преподавателя; выборе средств, форм и методов обучения. Необходимость решения данной задачи предъявляет к подготовке учителя ряд новых важных требований, изменяющих ее содержание и сущность. Особенно это касается подготовки преподавателя для старших классов.

Требования к учителю старшей школы были определены Концепцией профильного обучения на старшей ступени общего образования [10]. В этом документе подчеркивается, что преподаватель профильных классов должен обеспечивать: вариативность и личностную ориентацию образовательного процесса (проектирование индивидуальных образовательных траекторий); практическую ориентацию образовательного процесса с введением интерактивных, деятельностных компонентов (освоение проектно-исследовательских и коммуникативных методов); завершение профильного самоопределения старшеклассников и формирование способностей и компетентностей, необходимых для продолжения обучения в соответствующей сфере профессионального образования. В Концепции также отмечено, что новые требования к учителю, обусловленные переходом к профильному обучению, диктуют необходимость дальнейшей модернизации педагогического образования и повышения квалификации действующих педагогических кадров.

Перед преподавателем профильных и элективных курсов по информатике стоят задачи по созданию условий, необходимых для максимально полного освоения личностью информационной культуры, раскрытия ее внутренних потенций, движения по пути самореализации, стимулирования познания учеником самого себя, выработки индивидуального стиля жизни и деятельности, социализации в информационном обществе. Будущий учитель должен уметь управлять сложной системой профильного обучения. При этом согласно положениям синергетики он сам является сложной самоорганизующейся системой. И эта система способна справиться с решением проблемы, обладающей определенным известным разнообразием, когда она сама имеет еще большее разнообразие, чем разнообразие решаемой проблемы, или она способна создать в себе это разнообразие. Опираясь на этот принцип, введенный в кибернетику У.Р. Эш-би [11], можно заключить, что преподаватель профильных и элективных курсов должен не только обладать достаточно широкими и глубокими знаниями в области информатики, педагогики, психологии, других смежных наук, но и уметь быстро и эффективно пополнять эти знания, организуя на их основе процесс обучения.

Обеспечить молодому специалисту необходимое «разнообразие» и «способность создать в себе это разнообразие» возможно, на наш взгляд, путем модернизации всего комплекса

психолого-педагогической, профессиональной и методической подготовки. При этом следует придерживаться принципов модульного обучения [12], опираясь на теорию персонализации в области социальной психологии [13] и разработанную на ее основе теорию персонализированного обучения [14; 15].

Представление содержания обучения в законченных самостоятельных комплексах (информационных блоках), усвоение которых осуществляется в соответствии с дидактической целью, в необходимом объеме и на определенном уровне его усвоения учащимся, позволит перевести обучение на субъект-субъектную основу, повысить уровень его персонализации, расширить необходимое разнообразие знаний по информатике, теории и методике ее преподавания, а также психологии и педагогике. Модульная организация учебного процесса по принципу «конструктора» путем разделения его на систему «функциональных узлов» — профессионально значимых действий и операций, позволит эффективно достигать запланированных результатов обучения, обеспечит мобильность и вариативность индивидуальной и групповой учебно-познавательной деятельности. Модули могут быть внутрипредметными, предметными и надпредметными (в виде спецкурсов и курсов по выбору, в том числе и дистанционных). Модульное обучение создаст условия для качественного усвоения студентами знаний, как определенных государственным образовательным стандартом, так и дополнительных из тех областей информатики и методики, которые им наиболее интересны и важны и на основе которых они будут проектировать обучение на старшей ступени школы.

В методической подготовке учителя информатики возможно выделение модулей по основным видам преподавательской деятельности (методические модули), по научно-методическим основам изучения содержательных направлений (содержательные модули), по организации процесса обучения на различных ступенях согласно структуре школьного курса информатики (структурные модули). Обучение может быть организовано на различных уровнях — базовом, основном избирательном и на необязательном дополнительном.

Базовый уровень должен включать общетеоретический модуль, методический модуль, модули по основным направлениям содержания школьного курса информатики. В общетеоретическом модуле рассматриваются следующие вопросы: «Информатика» как наука и учебный предмет в средней школе; «Теория и методика обучения и воспитания информатике» как раздел педагогической науки и учебный предмет подготовки учителя; Средства обучения информатике. Методический модуль может включать вопросы по методам и формам обучения информатике в школе, проверке и оценке знаний учащихся. В содержательных модулях представлены научно-методические основы изучения разделов школьного курса информатики. Программа базового курса должна соответствовать требованиям к минимуму содержания и уровню подготовки специалиста государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования для специальности 030100.00 — Информатика. Базового уровня должны достигнуть все студенты данной специальности.

Основной избирательный уровень может быть представлен в виде спецкурсов или обязательных курсов по выбору. На этом уровне должны рассматриваться теоретико-методические основы обучения информатике в пропедевтическом, базовом, профильных и элективных курсах информатики. Здесь могут изучаться модули «Теория и методика обучения информатике в начальном курсе», «Теория и методика обучения информатике в базовом курсе», «Теория и методика профильного и элективного обучения информатике», выбираемые студентами в зависимости от их методических интересов и предполагаемой будущей деятельности.

Необязательный дополнительный уровень может быть достигнут путем изучения дистанционных курсов, курсов на факультете дополнительных профессий или курсов по выбору. Такие курсы могут быть посвящены вопросам научной организации труда учителя информатики, внеклассному обучению информатике, методике обучения учащихся интересующей их области информатики, связанной с их будущей профессией («Методика изучения информационных систем и моделей», «Методика изучения информационных основ управления», «Методика изучения сетевых технологий», «Методика обучения созданию и размещению сайтов») и т.п., причем выбрать их могут не только будущие преподаватели информатики, но и по желанию студенты других специальностей. В случае перестройки системы подготовки учителей в России по примеру зарубежных стран и выделении степеней бакалавра, магистра и доктора данные модули могут стать основой методической подготовки учителей для начального, среднего и высшего уровня.

Главной целью современного педагогического образования должно стать воспитание самоактуализирующейся личности, обладающей большим творческим потенциалом, способной реализовать его на практике в процессе обучения и развития учащихся, их познавательных и созидательных способностей. Становление педагогически творческой личности возможно в системе персонализированного обучения.

В психологии под персонализацией понимают процесс, в результате которого субъект получает идеальную представленность в жизнедеятельности других людей и может выступать в общественной жизни как личность. Выделяются три типа атрибуции (приписывания) личностного аспекта бытия индивида: интраиндивидуальная, интериндивидуальная и метаиндивидуальная. Интраиндивидуальная личностная атрибуция состоит в том, что личность индивида рассматривается как неотделимое от него качество. Личностное оказывается погруженным в непосредственное пространство бытия индивида, а он сам выступает перед нами как единственный носитель своей личности. Интериндивидуальная личностная атрибуция заключается в интерпретации личности вне внутреннего мира человека, в системе взаимоотношений людей. Областью определения и существования личности при такой интерпретации становится пространство межиндивидуальных связей, то есть не сам по себе индивид, а процессы, в которые включены по меньшей мере два индивида. При метаиндивидуальной личностной атрибуции личность индивида выносится за рамки не только индивидуального субъекта, но и актуальных связей этого субъекта с другими людьми, за пределы совместной деятельности с ними. Здесь личностное погружается в пространство бытия, но не самого индивида, а другого или других. Происходит вклад одного индивида в другого как эффект воздействия, изменения поведения и сознания другого. Личность как системное качество индивида раскрывается в единстве трех указанных атрибуций. Использовать психологическую теорию персонализации в процессе обучения было предложено А.Г. Солониной. Ею был введен термин «персонализированное обучение».

Под персонализированным обучением понимается такое обучение, в процессе которого осуществляется персонализация обучаемых и обучающихся как в общности обучаемых, так и в общности обучающихся, которая их взаимно обогащает. Система обучения имеет направленность на персонализацию, если ее компонентно-структурный состав, функционирование и развитие создают возможности для персонализированного обучения.

В соответствии с тремя атрибутами личности персонализированное обучение можно рассматривать как целостную совокупность трех взаимосвязанных видов обучения: индивидуализированного, межиндивидуализированного и метаиндивидуализированного обучения (рис. 3).

Рис. 3. Схема персонализированного обучения

Индивидуализированное обучение в высшей школе — это обучение, в котором созданы условия для реализации стремления обучаемых и обучающихся к выявлению и учету индивидуальных особенностей, склонностей и возможностей, развитию способностей, выработке и совершенствованию индивидуального стиля самостоятельной деятельности, мышления, индивидуальных форм деятельности в общности.

Под межиндивидуализированным обучением понимается обучение, в процессе которого реализуется стремление человека к установлению, развитию, совершенствованию и расширению его связей с обучающими и обучаемыми, преобразующимися в индивидуальности. Межиндивидуализированное обучение также является составной частью персонализированного обучения, поскольку личность здесь выступает в пространстве связей между людьми — участниками процесса обучения, и представляет собой одно из трех пространств, в которых современная социальная психология рассматривает личность.

Метаиндивидуализированным обучением считается такое обучение, в ходе которого реализуется стремление обучаемых и обучающихся идеально представиться своими особенностями друг в друге, внести свой вклад в развитие индивидуальности другого, в развитие общностей, возникающих в процессе обучения. Здесь личность выступает в пространстве бытия индивида в других людях, поэтому рассматриваемое обучение предстает как составная часть персонализированного обучения.

Персонализированное обучение предполагает формирование содержания обучения на основе принципов развития личности как обучаемых, так и обучающихся, многообразия дидактических гомоморфизмов, открытия перспективы, универсальности, вариативности, элективности и контекстности. Здесь используются методы, предоставляющие возможность реализации персонализированного обучения в единстве трех его составляющих — индивидуализированного, интересубъектного и метаобъектного — и соответствующие таким фазам, как адаптация, лабилизация, интеграция и макрофаза. Сюда относятся проблемно-поисковые, исследовательские, творческие методы, проектно-программная деятельность, основанные на принципах фундаментализации и полисубъектности. Персонализированное обучение обеспечивает выявление, учет и развитие индивидуальных способностей студентов, совершенствование их индивидуального стиля мышления и его глобализации, достижение высокого локального уровня в познании, что позволит создать базу для их подготовки к преподаванию информатики на старшей ступени школы.

Таким образом, обучение студентов педагогических вузов психологии, педагогике, информатике, теории и методике обучения информатике желательно организовать в виде модулей различного уровня, опираясь на методологические основы и дидактические принципы персонализированного обучения. Методическая подготовка студентов к преподаванию информатики в старших классах на основном избирательном уровне должна быть организована в виде обязательных курсов или курсов по выбору.

В полном соответствии с концепцией нами подготовлен курс «Теория и методика профильного обучения информатике». При его разработке мы исходили из того, что многообразие типов и видов образовательных учреждений, вариативность образовательных программ, необходимость организации условий для существенной дифференциации содержания обучения старшеклассников с широкими и гибкими возможностями построения индивидуальных образовательных траекторий, требование избыточности количества элективных курсов, предлагаемых в составе профиля, вынуждают учителей самостоятельно формировать системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки старшеклассников. Поэтому студенты, предполагающие преподавать информатику в старших классах, должны не только познакомиться с теорией и методикой профильного обучения информатике, но и научиться проектировать профильные и элективные курсы, используя методы персонализированного обучения. Наилучшие условия для формирования у них необходимых умений можно создать, применяя принципы такого обучения в ходе их собственной профессиональной подготовки.

Цель курса по выбору «Теория и методика профильного обучения информатике» — профессиональная подготовка будущих учителей к преподаванию информатики в условиях лично ориентированной парадигмы образования, формирование у них комплексного умения проектировать профильные и элективные курсы на основе системного подхода и положений персонализированного обучения. Для достижения этой цели должны решаться следующие задачи:

- формирование знаний по теории и методике профильного обучения информатике;
- развитие умений по определению концептуальных положений, локальных измеряемых целей, содержания профильных и элективных курсов;
- подготовка к применению персонализированного обучения, направленного на социализацию обучающихся, в том числе с учетом реальных потребностей рынка труда, дифференциацию содержания обучения, предоставления возможностей ученикам выстраивать индивидуальную образовательную траекторию;
- развитие способностей по созданию условий для обеспечения преемственности между общим и профессиональным образованием, для эффективной подготовки выпускников школы к освоению программ высшего профессионального образования;
- формирование комплексного умения проектировать профильные и элективные курсы информатики на основе системного подхода и положений персонализированного обучения.

В содержание курса «Теория и методика профильного обучения информатике» вошли следующие вопросы: системы специализированной подготовки (профильного обучения) в старших классах общеобразовательной школы; профильное обучение как средство дифференциации и индивидуализации обучения; отечественный и зарубежный опыт профильного обучения; модели общеобразовательных учреждений с профильным обучением на старшей ступени школы; элективные курсы, особенности их организации; соотношение объемов изучения базовых общеобразовательных, профильных общеобразовательных предметов и элективных курсов; возможные формы организации профильного обучения; возрастные и личностные особенности учащихся, соответствующие им возможные методы обучения; требования к преподавателю профильных и элективных курсов по информатике; примеры профильных и элективных курсов, их анализ согласно требованиям к курсам такого типа.

Теоретический материал курса студенты должны усваивать на лекционных и семинарских занятиях. Закрепление, углубление, систематизация знаний происходит в процессе учебного проектирования студентами профильных или элективных курсов на лабораторных занятиях. Проектирование — процесс создания проекта (прототипа, прообраза предполагаемого или возможного объекта, состояния) [16]. И.П. Подласый выделяет три этапа педагогического проекта: подготовительный этап, реализация педагогического проекта и завершающий этап. Диагностика, прогнозирование, проектирование и планирование — педагогические функции, выполняемые учителем на подготовительном этапе педагогического проекта. На этапе реализации он осуществляет информационную, организационную, оценочную, контрольную и корректирующую функции. На завершающем этапе любого педагогического проекта учитель выполняет аналитическую функцию, главным содержанием которой является анализ результатов выполнения педагогического проекта [17]. Итогом такой работы, по мнению П.И. Пидкасистого, является проект будущей педагогической деятельности, в который входят конкретные материалы и указания для практики [18].

Под учебным проектированием школьного курса будем понимать процесс создания методических документов, моделирующих педагогическую систему: название курса, цели его преподавания, содержание обучения и воспитания, описание дидактических процессов и организационных форм обучения.

Во время подготовительного этапа на семинарских занятиях для формирования умений определять концептуальные положения, локальные измеряемые цели, содержание профильных и элективных курсов необходимо давать задания по анализу курсов различных авторов, предложенных в научно-методической литературе [19]. Для организации такой работы следует иметь в наличии большой набор описаний профильных и элективных курсов в печатном и электронном виде, а также адреса сайтов с нужной информацией. Анализируя цели, обучаемым необходимо соотнести их с целями, стоящими перед предметом информатика и перед профильными курсами. Анализ содержания проводится согласно критериям оценки основных содержательных линий курса. При этом оценивается степень отражения основополагающих постулатов информатики; удачность (логичность) выбора содержания, изучаемых понятий, названия курса. Выявляются применяемые методы познания; вопросы содержания, относящиеся к знаниям и к способам деятельности [2]. После этого студенты должны проанализировать возможные изменения и дополнения в содержании курса, которые можно сделать для профессиональной ориентации и эффективной подготовки выпускников школы к освоению программ высшего профессионального образования в соответствии с предполагаемым профилем класса и возможных профессий учащихся. Усвоение принципов персонализированного обучения происходит в процессе построения таблиц соответствия методов обучения возрастным и личностным особенностям учащихся, их профильному предмету.

Для того чтобы учебное проектирование способствовало усвоению студентами принципов персонализированного обучения, становлению их как педагогически творческих личностей, оно должно рассматриваться как метод такого обучения. Студенты должны проектировать курсы согласно особенностям того класса, в котором проходили педагогическую практику, своим интересам и углубленным знаниям в области информатики, согласно следующему алгоритму:

1. Познакомиться с классом (направление профориентации, состав класса, психологические характеристики учащихся и т.д.).
2. В соответствии с направленностью класса и характеристиками учащихся, а также собственными знаниями и интересами в области информатики составить

- список возможных курсов.
3. Провести анкетирование учащихся (профессиональные интересы, интересы в области информатики, предпочтительный выбор элективного курса и т.д.).
 4. На основе анализа анкет учащихся определить тематику элективного курса (или несколько курсов в зависимости от возможностей школы), цели его изучения.
 5. Выбрать программную среду, с использованием которой будет организован курс, при необходимости изучить среду на курсе по выбору, дистанционном курсе или самостоятельно.
 6. Отобрать материал по содержанию курса.
 7. Составить тематическое планирование с указанием методов персонализированного обучения, межпредметных и внутрипредметных связей.
 8. Подготовить учебно-методический комплекс для сопровождения курса.
 9. Наметить индивидуальные траектории обучения для каждого учащегося.
 10. В процессе преподавания корректировать методическую систему и индивидуальные траектории обучения учащихся.

В зависимости от учебного времени, которое отводится на проведение курса «Теория и методика профильного обучения информатике», глубина проработки отдельных пунктов алгоритма студентами может быть различной. Работа над проектом может быть организована как индивидуально, так и группами. Учебное проектирование заканчивается презентацией разработанного школьного курса. Представляется документация к курсу, а также проводится одно из занятий в виде деловой игры [20]. Анализ результатов учебной деятельности оформляется в виде обобщающего рецензирования.

Экспериментальное преподавание спецкурса «Теория и методика профильного обучения информатике» с применением методов персонализированного обучения доказало эффективность предложенной концепции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Первин Ю.А. Концепция курса раннего обучения информатике // Информатика и образование. 2003. № 4.
2. Кузнецов А.А., Бешенков С.А., Ракитина Е.А. и др. Непрерывный курс информатики (концепция, система модулей, типовая программа) // Информатика и образование. 2005. № 1.
3. Захарова Т.Б. Дифференциация обучения информатике в российской школе // Образование граждан мира: Тез. докл. междунар. конф. 30 сентября — 4 октября, г. Москва. М., 1996.
4. Кузнецов А.А. Школьная информатика: что дальше? // Информатика и образование. 1998. № 2.
5. Кузнецов А.А., Захарова Т.Б. Принципы дифференциации содержания обучения информатике // Информатика и образование. 1997. № 4.
6. Кузнецов А.А., Бешенков С.А., Ракитина Е.А. Современный курс информатики: от элементов к системе // Информатика и образование. 2004. № 1.
7. Цветкова М.С. Об экспериментальном преподавании курса информатики. М.: Образование и Информатика, 2002.
8. Кузнецов А.А., Филатова Л.О. Информатика в профильной школе // Информатика и образование. 2002. № 2.
9. Богомолова Е.В. Персонализированное обучение информатике в школе // Ученые записки. М.: ИИО РАО, 2004. Вып. 14.
10. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования. Приложение к приказу Минобразования России от 18.07.2002 № 2783 // Информатика и образование. 2003. № 6.
11. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959.
12. Гараев В.М., Куликов С.И., Дурко Е.М. Принципы модульного обучения // Вестник высшей школы. 1997. № 8.
13. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992.
14. Персонализированное обучение: Межвузовский сборник научных статей по теории и методике обучения / Под ред. А.Г. Солониной. М.: Горизонт, 2000.
15. Солонина А.Г. Концепция персонализированного обучения: Монография. М.: Прометей,

- 1997.
16. Советский энциклопедический словарь / Под ред. М.А. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1988.
 17. Подласый И.П. Педагогика: Новый курс: Учебник для студентов высших учебных заведений: В 2 кн. М.: Владос, 2003.
 18. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. М.: Педагогическое общество России, 2001.
 19. Элективные курсы в профильном обучении: Образовательная область «Информатика» / Министерство образования РФ; Национальный фонд подготовки кадров. М.: Вита-Пресс, 2004.
 20. Богомолова Е.В. Учебная деловая игра в подготовке студентов к преподаванию информатики // VII Рязанские педагогические чтения: Тез. докл. межвуз. науч.-метод. конф., 2 февраля 2000 г.; Ряз. гос. пед. ун-т. Рязань, 2000.
 21. Третьяков П.И., Сенновский И.Б. Технология модульного обучения в школе: Практико-ориентированная монография / Под ред. П.И. Третьякова. М.: Новая школа, 1997.

Научное издание

Вестник
Рязанского
государственного
университета
имени С.А. Есенина

Научный журнал

Редактор Т.Н. Свитнева

Технические редакторы С.В. Додонова, Н.Н. Дроздкова

Подписано в печать 8.12.05. Поз. № 094. Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₈.

Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 500 экз. Заказ № 257.

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный педагогический университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано в редакционно-издательском центре РГПУ
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, 22